

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2015 – 5 (275)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2015**

*Центр гуманитарных
научно-информационных исследований*

Редакционная коллегия:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикина* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Малышева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Г. Садур* – канд. ист. наук, *В.Н. Сченснович* – отв. за выпуск.

Ответственные за выпуск бюллетеня на английском языке: *Е.С. Хазанов* – отв. редактор, *Н.В. Гинесина* – вед. редактор.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. – М., 2015. – № 5 (275). – 168 с.

Тексты, представленные в бюллетене, даны в авторской редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

<i>Л. Скворцов.</i> Философская истина: Историко-культурологический анализ (Часть 2) (продолжение)	5
<i>А. Ниязи.</i> От разночтения свободы к столкновению антикультур	37

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>С. Филатов.</i> Кабардино-Балкария в поисках религиозного мира	45
<i>А. Саидов.</i> Исламский фактор легитимации власти в республиках Северного Кавказа	60
<i>Е. Ионова.</i> Политика Ашхабада в области национальной безопасности.....	69
<i>Г. Рудов.</i> Ферганская долина: Причины кризисных явлений и пути их нейтрализации	81

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

<i>Ф. Толипов.</i> Выиграть сражение и не проиграть войну. Стратегические вызовы афганской кампании	97
<i>А. Васильев, А. Коротаев, Л. Исаев.</i> Военные вновь у власти?	106
<i>Л. Пахомова.</i> Исламский сектор в экономике стран ЮВА	119
<i>О. Хлопов.</i> Причины и последствия снижения цены на нефть: Интересы США и Саудовской Аравии	132

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Е. Крамарова.</i> Профессиональная и этическая ответственность кавказоведов. (К итогам работы II Международного форума историков-кавказоведов)	142
<i>С. Сулимов, И. Черниговских.</i> Антисистема и псевдоморфоз в Леванте	150

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

Л. Скворцов,

доктор философских наук, профессор,
руководитель Центра гуманитарных научно-
информационных исследований (ИНИОН РАН)

ФИЛОСОФСКАЯ ИСТИНА: ИСТОРИКО- КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

(Часть 2) (продолжение)

6. Геометрическая метаморфоза веры

Постулат о совпадении субстанции Природы с сущностью Бога означал толчок в направлении глубокого мировоззренческого сдвига, утверждения рационального миропонимания как общечеловеческого воззрения, соединяющего в себе истину фактического постижения естественных явлений и видение их первопричин и конечных оснований. Религия обретала форму ясного, логически последовательного, универсального знания. Философия же получала в готовом виде ранее недоступное знание конечных оснований и причин.

Принятие этого нового миропонимания должно было повлечь за собой грандиозную перестройку церковной иерархии, системы ритуалов и взаимоотношений участников нового миропонимания. Назревание этого мировоззренческого сдвига упиралось в традиции.

Мировоззренческий сдвиг наиболее отчетливо выразил Бенедикт Спиноза (1632–1677). Он провозгласил ставший широко известным постулат: «Ибо, что другое природа, как не Бог и божественный разум. Deus sive natura (Бог, или природа)». Этот тезис означал исходное основание нового миропонимания. В единой рационально геометрически выстроенной доктрине находило объяснение происхождение материального и идеального в их

единстве, в тождестве Бога и Природы. «Под *богом*, – утверждал Спиноза, – я разумею существо абсолютно бесконечное, т.е. субстанцию, состоящую из бесконечно многих атрибутов, из которых каждый выражает вечную и бесконечную сущность»¹.

Под субстанцией Спиноза разумел то, что существует само в себе и представляется само через себя, т.е. то, представление чего не нуждается в представлении другой вещи, из которой оно должно было бы образоваться². Это – Бог.

Бог есть производящая причина всех вещей, и Бог есть абсолютно первая причина³. И только он один есть свободная причина⁴.

Бог как субстанция обладает атрибутами протяжения и мышления, а человек как созданная реальность, обладающая телом и душой, причастен к Богу в качестве модуса. Человек не является субстанцией, но его причастность в качестве модуса Богу означает, что при всех своих различиях *люди равны в своей сущности*.

Человек обладает идеями, и всякая существующая в нас адекватная идея – истинна. Ложность состоит в недостатке познания, в неадекватных, т.е. искаженных и смутных идеях⁵. Спиноза выделяет три рода познания.

Познание первого рода Спиноза отождествляет с мнением или воображением. Адекватные идеи о свойствах вещей он называет *познанием второго рода и разумом*.

Третий род познания он называет *интуитивным* знанием, адекватным познанием сущности вещей.

Самое полезное в жизни, утверждал Спиноза, – это совершенствовать свое познание или разум, и в этом состоит высшее счастье.

Человек как часть природы не может не следовать ее общему порядку, устраняя зло. Всё, что может препятствовать разумной жизни, должно удаляться тем путем, который кажется самым надежным.

Всё, что считается *добром*, т.е. полезным для разумной жизни, позволительно употреблять в свою пользу.

---

¹ Бенедикт Спиноза. Этика. Соцэкгиз. – Москва–Ленинград, 1932. – С. 1.

² Ibid.

³ Ibid. – P. 15.

⁴ Ibid. – P. 16.

⁵ Ibid. – P. 63.

Человеку полезен другой человек, руководящийся разумом. Воспитание людей должно осуществляться таким образом, чтобы они жили исключительно под властью разума¹.

Позиция Спинозы, провозглашающая философскую истину в познании сущности Природы и формировании образа жизни, соответствующего природному порядку, – это духовный прорыв в новую цивилизационную эпоху – эпоху Просвещения. Считается, что Спиноза, выдвинув положение о том, что природа является причиной самой себя и не нуждается ни в какой другой причине, в толчке извне, сыграл серьезную роль в философском обосновании атеизма².

С другой стороны, философия Спинозы оценивается как «метафизически переряженная природа в ее оторванности от человека»³. В действительности в своей цивилизационной сущности философия Спинозы являлась попыткой определить константную основу истины «естественного» общества нахождением точки опоры духовного рычага, способного изменить сознание людей, следующих ложным формам «искусственного» общества.

Характерной чертой искусственного общества является разделение людей по религиозным, социальным и нравственным признакам. Полагая такое разделение следствием ложного миропонимания, Спиноза обосновал новые исходные пункты мировоззрения, соединяющие людей в позитивные общности, открывающие возможности взаимопонимания и сотрудничества в решении общих задач.

Философская позиция Спинозы опиралась и на его личный опыт. Как известно, Спиноза получил образование в училище, предназначенном для подготовки раввинов, проявив при этом выдающиеся способности. Догматы иудейской религии он пытался заместить философией, имеющей не частный этнический и конфессиональный смысл, а смысл универсальный. Это – специфическая рациональная теология, учение о Боге не как догматическая вера, а как *интеллектуально достоверное знание*. Так формировалась возможность построения на этом знании основания гармоничной цивилизации, принципиального нового духовного мира, нового массового самосознания. Позиция Спинозы обусловила

---

¹ Бенедикт Спиноза. Этика. Соцэкгиз. – Москва–Ленинград, 1932. – С. 191.

² См.: История философии в четырех томах. Т. 1. – М., 1957. – С. 154.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 2. – М., 1955. – С. 154.

сложности с публикацией его трудов. При жизни Спинозы его труды распространялись в рукописях, выходили анонимно.

Первое философское произведение Спинозы «Краткий трактат о Боге, человеке и его блаженстве» после смерти философа был затерян и стал известен лишь в XIX в. Единственное произведение, вышедшее при его жизни и под его именем, это «Принципы философии Декарта». «Богословско-политический трактат» был издан анонимно. Закончив в 1675 г. создание своего главного труда – «Этики», он отложил его издание под влиянием враждебных слухов, распространяемых его оппонентами.

В этом контексте представляет большой интерес публикация Пина Тотаро о рукописи «Этики», обнаруженной в апостольской библиотеке Ватикана¹. Ее судьба – проявление столкновения философской новации с духовной традицией.

Рукопись представлена на латыни и никогда ранее не идентифицировалась в качестве «Этики» Спинозы. Она зарегистрирована в каталоге манускриптов под названием «Теологический трактат».

Пина Тотаро отмечает, что та самая организация Ватикана, которая была ответственна за цензуру, сохранила рукопись на века, обеспечив выживание копии рукописи наиболее важной философской работы Спинозы².

Теологический смысл рукописи Спинозы проявляется в воспроизведении доноса на него Нильса Стенсена, с которым Спиноза водил дружбу в студенческие годы и который был обращен из лютеранства в католицизм во Флоренции в 1677 г. и стал доказывать свою лояльность Римской церкви путем успешного обращения в католицизм Альберта Бёрга, который возможно был учеником Спинозы. Альберт Бёрг появился в списке организации, созданной в Риме вследствие новой церковной политики, и характеризовался как 26-летний блондин, обращенный во Флоренции Стенсеном. Стенсен вскоре был назначен епископом в Северной Германии.

Спиноза в связи с обращением Бёрга написал ему письмо полное философских намеков и автобиографических замечаний.

На высказывание Бёрга, что, став членом Римской церкви, он готов без всяких сдержек выступить против своих оппонентов,

---

¹ См.: Pina Totaro (senior Rescacher at ILIESI-CNR, Sapienza University of Rome (Italy)). On the Recently Discovered Vatican Manuscript of Spinoza's Ethics // Journal of the History of Philosophy. Vol. LI. July 2013, N 3. – P. 465–476.

² См.: Ibid. – P. 466.

Спиноза писал, что он не хотел отвечать на его письмо, будучи убежденным в том, что скорее время, нежели аргументы, есть то, в чем нуждается Бёрг, чтобы восстановить и себя, и свою семью¹. Таким образом, Спиноза был убежден, что *время обеспечит полное торжество нового миропонимания*, определяющего истину самосознания человека и формирование цивилизации, основанной не на традиционной вере, а на новой рациональной философии. Его предвосхищение будущего безусловно находило подтверждение в духовной эволюции интеллектуальной Европы. Показательной в этом отношении является позиция Гёте, который считал, что человек достигает уверенности в своей сущности тем, что признает сущность вне себя подобной и закономерной. Г. Зиммель, комментируя эту позицию Гёте, писал, что «субъект и объект имеют общие корни в некоем более первоначальном и предельном бытии, в некоей последней закономерности... Здесь обнажается последний узловой пункт всех духовных путей Гёте, всего его образа истины...»².

Казалось бы, если найден стратегически верный путь к конечной истине, то ее постижение становится скорее технической, нежели концептуальной задачей. Однако философия обнаруживает гносеологическую трудность – невозможность конкретной расшифровки *конечной причины*, а стало быть, и описания *субстанции*, опираясь на рациональные основы опыта, логику разума и научные исследования.

Если субстанция – это продукт размышления, *понятие*, которое не содержит в самом себе доказательства своей объективной реальности, то тогда реальностью обладают лишь данные в опыте атрибуты – протяжение и мышление. Не случайно философские доктрины, возникающие после Спинозы, так или иначе, в той или иной форме расшифровывали понятие субстанции, представляя ее либо как *материю* (в трудах французских материалистов), либо как *дух* (в трудах немецких идеалистов). Вместе с тем субстанция оказывалась понятием, субъективность которого требовала своей интерпретации.

---

¹ См.: Pina Totaro (senior Rescacher at ILIESI-CNR, Sapienza University of Rome (Italy)). On the Recently Discovered Vatican Manuscript of Spinoza's Ethics // Journal of the History of Philosophy. Vol. LI. July 2013, N 3. – P. 466–468.

² См.: Г. Зиммель. Гёте. Перевод А.Г. Габричевского // Александр Габричевский. Избранные труды. Гётеана. Петроглиф. – М.; СПб., 2014. – С. 373.

7. Объективность субъективности

Если субстанция оказывается *понятием*, действительный эквивалент которого в объективной реальности не может быть расшифрован, то тогда его расшифровка должна происходить в *сознании* субъекта. В этом случае ясность и светоносность *миро-здания* переходит в сознание субъекта и превращается в *мировоз-зрение*.

Истина мироздания воспринималась как принудительная сила, игнорирование которой означало вступление на путь не-истины.

Теперь аналогичной принудительной силой начинает обла-дать мировоззрение. Опыт XIX и XX вв. раскрыл принудительную силу мировоззрения.

Фанатизм мировоззренческих движений требовал ответа на философский вопрос: как возможно, чтобы представление созна-ния воспринималось как исходное и объективно-истинное перво-начало цивилизационного бытия?

В Новое время первый шаг в ответе на этот вопрос сделал Франц Brentano (1838–1917).

Как известно, Франц Brentano развил концепцию интенцио-нальности, которая давала интерпретацию ментальных состояний, имеющих определенную направленность на объективность, т.е. относящихся к чему-то за пределом субъективности и в этом смысле претендующих на объективный смысл, т.е. на истинность.

Проблема интенциональности не была новой. Ею занима-лись уже схоласты, считая интенциональным (ментальным) несуществование объекта.

Brentano, однако, считал, что существование внешних объектов выводится из внутренних опытов, поскольку внешняя перцепция ошибочна, тогда как истина внутренней перцепции самоочевидна. В этом смысле реальность «психического феноме-на» являла свою противоположность «физическому феномену».

Концепция Brentano, открывала новые возможности для фе-номенологических исследований «субстанции», оказала влияние на Гуссерля, Хайдеггера, на аналитическую и континентальную философию. Интенциональность, как явление «психического фе-номена», имеет направленность на что-то, что может находиться «за пределом», т.е. быть трансцендентным по отношению к субъек-тивности. Дермот Морен, сотрудник университетского колледжа в Дублине (Ирландия) и Университета Мердоха (Австралия),

отметил тот факт, что Иммануил Кант в 1772 г. в письме Маркусу Герцу характеризовал проблему ментального состояния как проблему *точности*. Он ставил в качестве приоритета вопрос о *значащей репрезентации*, а не о *знании*, поскольку наши идеи таковы, что как будто они указывают на что-то находящееся за ними самими, на что-то такое, что будто бы они говорят нам еще о чем-то¹.

Вместе с тем Кант поставил под сомнение возможность постижения реальных свойств субстанции: чистый разум при таких попытках впадает в антиномию.

Рассматривая противоречия в оценках позиции Brentano, Дермот Морен отмечает, что, с одной стороны, интенциональный акт не имеет независимого существования, не является субстанцией, а с другой – утверждается, что психический феномен имеет экзистенциальное существование, направлен на некоторый вид объекта или объективности и владеет реальным существованием.

Дермот Морен считает, что у позднего Brentano *субстанция, о которой можно сказать по истине, это в действительности мыслитель, имеющий акт, а интенциональный объект – это просто некоторая модификация бытия исполнителя акта*².

Акты презентации подобны знанию. Они имеют существование и обладают очевидностью во внутренней перцепции, в то время как цвет и звук имеют только опосредствующее существование. Это – легитимация философского солипсизма, в котором виртуальный мир обретает не только реальность, но и *внутреннюю очевидность истинности*, тогда как внешние чувственные восприятия формируют мир, вводящий в заблуждение. Этот подход определяет новый тренд европейской философии. Это – философия, открывающая истину бытия без субстанции³.

В этом проявилось глубокое сомнение европейской философии в том, что атрибуты субстанции – протяжение и мышление, расшифрованные теоретической и экспериментальной наукой, – создадут основания универсального цивилизационного миропони-

---

¹ Dermot Moran. Intentionality: Some Lessons from the History of the Problem from Brentano to the Present // International Journal of Philosophical studies. Vol. 21. Number 3. July 2013. Abington. – P. 318–319.

² См.: Ibid. – P. 322.

³ См.: Л.В. Скворцов. Радикальные теории истины: Возможен ли путь гармонии природы и культуры? // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. Ежегодник. 2005 г. ИНИОН РАН. Теории истины. Язык в контексте глобализации. – С. 9–82.

мания, формирующего как высоконравственное самосознание человека, так и рациональный образ его жизни.

В действительности атрибут протяжения, определившийся как сингулярное состояние вселенной, и атрибут свободного мышления, выразившийся в неопределенности поведения элементарных частиц, не могли стать основанием истинных принципов нравственной и правовой жизни общества. Более того, они не определяли и рождение тех действительных условий, в которых происходит реальная жизнь реального человека. Идея Гёте, будто субъект и объект имеют общие корни в первоначальном и предельном бытии, в последней закономерности, оказалась поставленной под сомнение.

Отчего зависит жизнь человека – от абстракции философии или от реальных отношений человека с природой? Не настало ли время смешать абстрактные карты философии и вернуться к действительным основаниям жизни человека – Земле, Воде, Воздуху и Огню?

Если философия сохраняет ценность понятия «субстанция», признавая вместе с тем, что оно не имеет реального объективного эквивалента во внешнем мире, то тогда нужно находить его эквивалент во внутреннем мире человека.

И здесь обнаруживается актуальность анализа *онтологического аргумента Ансельма*.

Если философия реставрирует онтологический аргумент Ансельма, то она получает легитимное основание для формирования средствами мышления истинных миров, которые будучи помысленными и понятыми становятся *реальными* в головах людей. Если они поняты, и приняты, то их реальность не может быть отвергнута. «Дурак» Ансельма, говоривший в сердцах, что Бога нет, не осознавал, что тем самым он утверждает существование Бога: произнесение понятия «Бога» есть вместе с тем признание его существования, поскольку оно входит в понятие Бога. Однако этот аргумент мог восприниматься как натяжка, игнорирующая реальность объекта в объективной действительности. В этом случае следует говорить о *нереальной реальности* как пустом воображении или состоянии сна.

Однако с рождением информационного общества ситуация начинает меняться. Возникает информационный универсум, в котором пребывает и живет человек, взаимодействуя с мыслительными конструкциями как с объективной реальностью. Философ, не признающий эту реальность, не понимает мотивы и характер

поведения «компьютерного человека». В Сети слово и значение создают информационный объект, который предстает как реальность, в которой начинает возникать и образ «компьютерного человека», «отделившийся» от реального индивида и представляющий его в информационном универсуме¹.

В этом универсуме субстанция – это компьютерный человек как субъект, имеющий интенции и осознающий их соответствие возможным компьютерным реализациям и получению соответствующей сатисфакции. Субстанция оказывается органически сливающейся с реальностью интенции, так что, как отмечал Дэниэл Денет, «в первом приближении интенциональная стратегия состоит в обращении с объектом, чье поведение вы хотите предсказать, как рациональным агентом с верованиями и желаниями и другими ментальными позициями, проявляющимися в том, что Brentano и другие называют интенциональностью»².

Развивая концепцию интенциональности, Brentano проводил различие внешней и внутренней перцепции. Он считал внутреннюю перцепцию действительным признаком ментальности. Именно к домену внутренней перцепции он относил критерии интенциональной истины.

Проблема истины сознания связана с признанием *первенства объектов сознания*. Это первенство в тех или иных формах признается репрезентационной философией. Brentano следовал этой философской традиции. Вместе с тем Brentano признавал роль внешней перцепции в нахождении адекватных ориентации в реальном мире.

Гуссерль же считал, что строгая наука может возникнуть лишь в том случае, если внешний мир будет «вынесен за скобки».

Гуссерль подверг критическому анализу позиции Brentano, его признание связи сознания с объектом через посредство ощущений.

Для Гуссерля ощущения не являются репрезентацией объекта; *они лишь материал для интенциональных актов*. Объекты,

---

¹ См.: Л.В. Скворцов. Информационная культура и цельное знание. – М.: МБА, 2011. – С. 16–17; Л.В. Скворцов. Метафизика слова в контексте планетарного языка // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. Ежегодник. – М.: ИНИОН, 2013. – С. 53–64.

² Daniel C. Dennett. «True Believers: The Intentional Strategy and Why it works», 1997 // Цит. по: International Journal of Philosophical studies. Vol. 21. Number 3. July 2013. – P. 330.

согласно Гуссерлю, воспринимаются сознанием, но они не ощущаются в опыте. Если для Brentano понятие «презентация» определяет класс психических явлений, которые коренятся во всех других актах, то Гуссерль создает иную конструкцию объективирующей интенции, которая *не зависит от реальных психических эпизодов и их каузальных структур*. Интенциональное отношение – это не психофизическое отношение, не отношение между сознанием и вещью. Это отношение, имеющее *внутренний посыл как реали-тет*. Гуссерль приводил в качестве примера иллюстрации с *видением ящика*. Ящик всегда воспринимается сознанием как один и тот же. Между тем восприятие его посредством ощущений *меняется постоянно*. Значит, *находящийся в сознании объект и содержание ощущений – это не одно и то же*. Хотя объекты и воспринимаемы, но они не ощутимы в опыте. Мы видим ящик, но не видим наши ощущения. Истинность интенционального видения объекта отличается от адекватности ощущений. Чистая достоверность интенционального видения, считал Гуссерль, предполагает чисто феноменологическое отношение, которое *будет запрещать трансцендентные утверждения*¹. Условия истинности конкретных суждений и теоретических построений изменяются. *Условие истинности заложено в направленности интенций чистого эго*. Направленность же определяется структурой внутреннего мира эго, который включает в себе интеллектуальную сублимацию истории эго, его настоящего и видение горизонтов будущего. *Это и есть то внутреннее построение, которое составляет истину бытия*. Таким образом, мы находим объяснение принудительной силы мировоззрения.

Истина бытия относится к интенциональной реальности, отвлеченной от реальности эмпирического мира. Реальный эмпирический мир с его текучестью и неопределенностью заключается с помощью методологии *эпохэ* «в скобки». Содержание интенциональной реальности раскрывается с помощью концепции нозмы. *Нозма – это смысл заключенный имманентно в конкретном переживании*, являющийся в перцепции таким образом, что нозма выступает как конкретное единство являющегося смысла акта. *Это единство смысла акта и есть интенциональный объект*. Концепция нозмы, дополненная концепцией внутренних и внешних горизонтов, в которых располагается интенциональный объект, позво-

---

¹ International Journal of Philosophical studies, Abingdon. Vol. 21, Number 3. July 2013. – P. 336.

ляет избежать платонического взгляда на реальный объект как эмпирическое проявление объекта идеального. Реальность интенционального объекта может быть проиллюстрирована на простом примере. Цветущая яблоня принадлежит Природе. Дерево может сгореть, может превратиться в набор химических элементов. Но смысл перцепции яблони, принадлежащий ее сущности, сгореть не может: он не содержит химических элементов и материальных качеств. Это – нозма. Она не существует помимо акта. Дермот Морен, давая обобщающую характеристику позиции Гуссерля, отмечал: «В Идеях I (1913) Гуссерль предлагает новое толкование интенциональности в терминах нозис и нозма, как движение, усилившее исследование интенциональности. Каждый акт, вне зависимости от его особенностей, имеет нозтический аспект, понятый как “направление рассмотрения чистым эго” и как акт, заключающий в себе “чувственные вложения”, хотя нозтический акт содержит в себе более чем это чувственное – вложение»¹. «Чувственные вложения» эго могут трактоваться как *ценностные отношения любви и ненависти, обуславливающие социальное восприятие истины и не-истины. Универсализация этих отношений заменяет собой традиционные представления о философских универсалиях как исходных началах постижения истины бытия.* Истина бытия теперь считается обусловленной движением в направлении нозматического контента или нозмы. Нозматическая корреляция и полагается условием достижения истины.

Закономерно возникает вопрос об исторических корнях философских представлений Гуссерля.

Упреки Гуссерля в сознательном игнорировании окружающей человека реальности и попытки увидеть в гуссерлианских представлениях влияние платонизма не являются адекватными. Можно утверждать, что концепция Гуссерля является расшифровкой и конкретизацией *кантианской доктрины трансцендентального единства апперцепции.* Критерий истины здесь относится не к соответствию представления объективной реальности, а к *внутренней корреляции контента представлений.* Возникает также вопрос о практическом смысле абстрактных рассуждений Гуссерля. Можно определенно утверждать, что эти рассуждения формировали легитимную гносеологическую основу управления информацией и более того – ведение информационных войн. В XX в. они

---

¹ International Journal of Philosophical studies, Abingdon. Vol. 21, Number 3. July 2013. – P. 336–337.

стали реальностью политики целого ряда государств. В XXI в. они набирают новую силу.

Вместе с тем во всё более острой форме возникает гносеологический вопрос: возможно ли достижение истины знания и истины цивилизационного пути лишь с помощью ноэматической корреляции, которая в качестве истины представляет выражение ценностных интересов субъекта?

8. Возрождение Разума. «Всё в одном» как философская истина

Доктрина интенциональности в обеих ее вариациях – Брентано и Гуссерля – допускает фундаментальную концептуальную ошибку: она осуществляет метаморфозу человека, превращая его из модуса в субстанцию. При этом имеется в виду человек как индивид.

Эта философия служила невольным оправданием субъективизма в международной политике, проявлявшегося наглядно в преступных деяниях германского нацизма, итальянского фашизма и японского милитаризма.

Субъективизм в политике изменил всю цивилизационную ситуацию в мире.

В итоге возникает глобальная мозаичная структура ноэматических смыслов, противостоящих друг другу. Происходит эрозия общего смысла цивилизационного бытия человечества, определяющего гармонию и его восходящее развитие. Следствием этого процесса стало возникновение двух мировых войн, одна за другой. Философы интерпретировали этот процесс как *разрушение разума*. Воссоздание общего смысла глобальной цивилизации философы могли трактовать как возрождение Разума, воссоздание общего признания истинности нравственных универсалий, тогда как универсализация частных геополитических интересов могла трактоваться как утверждение ноэмы рассудочных истин.

Доминирование рассудочных истин в глобальном самосознании могло означать, что человечество потенциально оказывается беременным Третьей мировой войной. Философия, осмысливая процесс эрозии универсальной цивилизационной истины, оказывается перед необходимостью переоценки собственного исторического пути. Среди философов XX в. эту проблему наиболее отчетливо осознал Мартин Хайдеггер. Он попытался найти на нее ответ,

переосмыслив весь исторический путь западной философии и вернувшись к ее исходному началу – к досократикам.

Хайдеггер обращается к 50-му фрагменту речений Гераклита, собранных и пронумерованных филологом Германом Дильсом и изданных в 1901 г.

Этот фрагмент гласит: «Если вы слушали только меня, но выслушивали Логос (будучи ему послушными), тогда есть знание (которое в том состоит, чтобы) вторя Логосу, сказать: одно есть все»¹.

Одно доступно философскому восприятию, и поскольку оно есть всё, то это значит, что одно – это символ универсума. Универсум – это та реальность, которая является основанием философской истины. Одно в данном контексте затрагивает сущность бытия, не как его отдельную область или сферу, природу или искусство, а само бытие как смысл, соединяющий в одно различное и даже противоположное. Их взаимное приспособление образует *целое*, которое может играть роль кода универсума.

Это – *Логос*, но не просто логос как логика мышления, а реальность смысла, раскрывающая себя в эволюции мироздания. На этой основе и открывается философская истина.

Гераклит по сути дела утверждает, что если вы слушали только меня и при этом не выслушивали, что скрывалось за моей речью, то вы не постигали истину. Если же вы, слушая меня, вторили Логосу, то вы следовали *Знанию*: вы познавали Истину, которая гласит: «Одно есть всё».

Если «*Всё*» – это мироздание и человек, то где же они соединяются в *одно*! В одно они соединяются в поэзии цивилизационного созидания. Цивилизационное созидание становится истинной, если одно *следует логосу*.

Философия обретает объективное основание своей истины, коль скоро дает расшифровку речения: «*Одно есть всё*». Как оказывается, расшифровка этого речения может обретать различные формы в зависимости от того, как, каким образом *они способствуют цивилизационному восхождению*.

В этой связи в новом ракурсе должна рассматриваться проблема интенциональности.

Проблема интенциональности это не только проблема смысла бытия отдельной личности, но и *общих интенций коллективных*

---

¹ Цит. по: Мартин Хайдеггер. Гераклит. – СПб.: «Владимир Даль», 2011. – С. 318.

человеческих образований. В своей сущности – **это цивилизационная проблема**, проблема той духовной формы цивилизации, в которой отдельный индивид обнаруживает свой смысл и становится составной частью цивилизационного процесса. Имплицитно это та форма знания, которая потенциально охватывает всех носителей самосознания, направленного на цивилизационное созидание. Исторически эта форма знания объединяет людей независимо от их этнических, культурных, социальных, национальных особенностей. В этом контексте становится возможным выявление универсального *интенционального Смысла* религиозных представлений. Религия – это не отражение реальности, а духовная форма консолидации, нацеленной на образование единства цивилизационного целого и утверждение общих нравственных норм.

Имплицитно эта проблема, прежде всего, относится к всемирно-историческим религиям, представления которых относили к массовым «заблуждениям». Превращение индивида в «составной элемент» универсального цивилизационного субъекта, его нормальное участие в цивилизационной жизни во многом зависит от установления понятной для него связи своей жизни и своей судьбы с трансцендентным миром. Вне такой связи индивид превращается в непредсказуемую реальность. Толкование философской истины в контексте ее соответствия цивилизационному восхождению открывает возможности оценки научных знаний с точки зрения их цивилизационных функций. Этот процесс стал особенно наглядно проявляться в XX в., затронув даже такие консервативные религии, как католицизм. Католическая церковь осуществила переоценку своих позиций в отношении преследования научных идей и ученых, взгляды которых вступали в противоречие с ортодоксальными представлениями церкви. Вместе с тем в XX в. было сделано ошеломляющее открытие: прогресс атомной физики может породить гибель всей земной цивилизации. *В одном открытии содержится вся земная судьба цивилизации*. Атомная физика не дает ответа на собственный вопрос, поскольку ответ заключен не в поведении элементарных частиц, а в *самосознании человека*. А это – проблема трансценденции.

Для человека, как цивилизационного субъекта, оказывается принципиально важным иметь знания, относящиеся к аспектам *всего*: доступного опыту и недоступного опыту. Оба аспекта знания должны быть *целым*, должны соединиться в *одно*. Такое соединение оказывается возможным лишь в логосе определенного субъекта, соединяющего в целое знание известного с неизвестным.

Целое оказывается парадоксальным знанием неизвестного. Человек не может обойтись без этого знания при определении *смысла* бытия. Человек, не знающий смысла бытия, выпадает из общего цивилизационного контекста. Это затрагивает и формирование позиций ученого, который обращен к причинно-следственным явлениям данной в опыте действительности. Но цивилизационный процесс соприкасается и с трансцендентным миром бесконечного, отношения с которым строятся на основе *свободного поиска* представлений о странностях таинственного мира запредельного бытия. Эти странности расшифровываются в уникальных судьбах отдельных личностей, которые признаются раскрытием шифра трансценденции, скрытого Смысла Всего. «Всё в одном» как истина мирознания *обретает форму реализма, концентрирующего в единственной личности, определяющей характер жизни целой цивилизации*. В качестве иллюстрации можно обратиться к последствиям жизнедеятельности Будды, сакрализация и цивилизационная интерпретация которого предопределили эволюцию форм жизненного поведения народов Юго-Восточной Азии.

Акценты в интерпретации практических форм реализации учения Будды порождают «приливы» и «отливы» в нравственном воздействии буддизма.

Буддизм эволюционирует, совершенствуя формы и содержание своей активности, и вместе с тем переживая определенные кризисные этапы. Но при этом константным остается своеобразие личности Будды как заключающее в себе свойство универсальности, позволяющее играть роль нравственной истины независимо от места и времени ее реализации. Это и есть знание неизвестного, то одно, которое заключает в себе Всё.

Показателен в этом отношении анализ затухания и воссоздания ритуалов в гуманистическом буддизме, проведенный сотрудником Отдела культурных и религиозных исследований Китайского университета Гонконга Ксю Ю¹. Ксю Ю дает анализ особенностей гуманистического буддизма, который, с одной стороны, использует ритуальную практику для утверждения идеи трансценденции, а с другой – стремится к расширению сакрального пространства за пределы стен храма в арену публичной жизни. На заре XX в. буддизм в Китае ассоциировался главным образом с исполнением *ритуалов для мертвых*. Подъем гуманистического буддизма был

---

¹ См.: Xue In. Re-Creation of Rituals in Humanistic Buddhism: A Cast Study of Fo Guang Shan // Asian Philosophy. Vol. 23. Number 4. November 2013. – P. 350–364.

прямой реакцией на практику таких ритуалов¹. В течение почти 100 лет китайский буддизм претерпел существенную трансформацию, смещая фокус с ритуалом для мертвых в направлении служения для живых в этом мире здесь и сейчас. Священнослужители и миряне сформировали своего рода антиритуальные чувства. Осуществление этого духовного сдвига проходило под воздействием ритуальной теории мастера Ксинг Юна, основателя влиятельной буддийской организации.

Понятие ритуала Ксю Ю расшифровывает как вариант санскритского понятия «рта», что означает сочетание двух понятий – «искусство» и «порядок». Соответственно ритуал понимается как искусство создания и установления общинного порядка путем внедрения системы общих верований посредством символических акций². Эмпирический образ несет в себе метафизические представления «искусства» и «порядка», заключая требования созидания и строгого соблюдения кодекса общинных правил.

Истина «всё в одном» сохраняет свою силу в бытии, хотя бытие общины претерпевает изменения. Константа философской истины обуславливает процесс цивилизационного восхождения, открывающий то, что еще сокрыто.

Для этого достаточно взглянуть на смысл первых зародившихся ритуалов, их рациональную природу. В раннем буддизме ученики Будды ходили от дома к дому и исполняли простые ритуалы, благословляя тех, кто давал милостыню, или осуществляли краткие церемонии для тех хозяев дома, которые приглашали их на обед. Ритуалы обычно исполнялись в качестве обычной церемонии или в процессе полумесячного собрания для исповеди и самокритики, а также в случае возвращения дождя.

После смерти Будды стали осуществляться посещения сакральных мест, которые ассоциировались с его жизнью. Его приверженцы исполняли молитвенные ритуалы, как будто бы Будда был жив. Ритуалы исполнялись, чтобы продемонстрировать сохраняющееся уважение к Будде и его учению. С подъемом буддизма Махаяны выросла популярность ритуалов. Для них стали возникать тексты. Вместе с тем буддизм утрачивает свою изначальную функцию нравственного цивилизационного восхождения, когда монастыри становятся площадками для бизнеса в различных

---

¹ См.: Xue In. Re-Creation of Rituals in Humanistic Buddhism: A Cast Study of Fo Guang Shan // Asian Philosophy. Vol. 23. Number 4. November 2013. – P. 350.

² Ibid. – P. 351.

сферах. Под воздействием материальных интересов *связь с трансцендентным миром нарушается. «Правильность» религиозной функции оказывается под сомнением. Достоинство ритуалов полностью утрачивается*¹.

В течение прошлого века гуманистический буддизм постепенно превратился в мейнстрим китайского буддизма.

Правильность знания здесь означает психологическое влияние, позволяющее избегать в критической ситуации моральной и интеллектуальной самодеструкции личности. Концепция кармы – это не экспериментально добытое знание, а своеобразная рекомендация, правильность которой подтверждается тем или иным внутренним духовным состоянием личности. Это – иной тип истины сравнительно с истиной естественно-научного знания. Но это и не форма лженауки.

Здесь применяются выработанные историческим опытом формы гипотетического знания, оказывающего воздействие на нравственное формирование личности и характер человеческих отношений. Это знание формирует сознательную жизнь человека, адекватность его социализации. Так, при достижении 18-летия исполняется религиозный акт приветствия зрелости и напоминание об ответственности перед самим собой, своей семьей, а также обществом в целом². Организуются свадебные церемонии для молодых, аналогичные церковным. Жених и невеста демонстрируют свое уважение к Будде.

Специфической чертой буддистской свадебной церемонии является моральный разговор на темы Дхармы как универсальной истины. Монах говорит о кармическом соответствии невесты и жениха и советует им сохранять сочувствие друг другу и проявлять доброту к родителям. Буддистские ритуалы проникают в различные сферы общественной жизни, в закладывание памятных камней, в открытие торговых центров, очищение мест катастроф. Имея в виду специфику социальных функций гуманистического буддизма, некоторые теоретики считают, что гуманистический буддизм нацелен на сохранение в современном мире конфуцианских ценностей³. В действительности же ритуалы гуманистического

---

¹ См.: Xue In. Re-Creation of Rituals in Humanistic Buddhism: A Case Study of Fo Guang Shan // Asian Philosophy. Vol. 23. Number 4. November 2013. – P. 355.

² Ibid. – P. 359.

³ См.: Ibid. – P. 360–361.

буддизма направлены на то, чтобы вернуть идею *сакрального* в секулярную жизнь и социальную активность обычных людей¹.

При всех внешних различиях мировых религий нельзя не видеть общности их направленности на создание форм и методов, определяющих цивилизационное поведение человека, в том числе и в экстремальных ситуациях жизни и смерти. Формирование поведения, которое можно определять как *«правильное»*, достигается через расшифровку смысла бытия перед тайной трансцендентного мира. Эта расшифровка толкуется посредством сакрального учения, отождествляемого с цивилизационной истиной. Таким образом, речь идет о специфическом понимании истины как условия цивилизационного восхождения, обеспечения социализации индивида, сохранения верности ценностям семьи и общества. Критерий истины здесь – это следование проверенным историческим опытом *правил*. Правила – это сохраняющаяся в социальном самосознании *реальность*. Таким образом, истина здесь формируется как соответствие индивидуально самосознания и поведения *правильной реальности*.

Таким образом, формула «всё в одном» превращается в начальный пункт утверждения правильных цивилизационных отношений и изменения отношений неправильных, препятствующих социализации индивидов и таящих в себе возможность самодеструкции цивилизации.

9. Основание философской истины: Репрезентация или референция?

Формула «всё в одном», как начальный пункт утверждения цивилизационных отношений, получает широкое практическое распространение вместе с утверждением всемирно-исторических религий. Вместе с тем ее философская истинность подвергается сомнению, поскольку она подтверждается следствиями, которые могут иметь очевидный негативный смысл, связанный с проявлениями религиозного экстремизма. Сомнения в надежности философской истины «всё в одном» обретают гротескную реальность, когда формула возрождения разума начинает превращаться в свою противоположность. Наиболее наглядно этот процесс перерождения истины разума наблюдается в *культе Фюрера*. В культе Фю-

---

¹ См.: Xue In. Re-Creation of Rituals in Humanistic Buddhism: A Cast Study of Fo Guang Shan // Asian Philosophy. Vol. 23. Number 4. November 2013. – P. 362.

пера происходит иррациональная деструкция универсального смысла нравственных истин. Истиной становятся безнравственность и освобождение от совести.

Аналогичные следствия порождает и *культ этноса*. Представление об этической исключительности, сведение ценностных оснований жизни человечества к интересам одного этноса, одной расы, одного цивилизационного образования, в конечном счете, превращаются в гносеологическую бомбу, способную взорвать мир.

Корни персональных и этнических культов уходят в историческое прошлое. Эти культы не имели в отдаленные времена столь разрушительных последствий. Однако имплицитно они несли в себе потенцию цивилизационной катастрофы. Как культ Фюрера, так и культ этноса сопровождаются приписыванием себе нереальных качеств и способностей. Таким образом, за истину выдается неистинное.

Осознание своей цивилизационной исключительности затрагивало толкование сакральных текстов.

Характерна в этом отношении трактовка Священного Писания в «Симфонии по творениям святителя Василия Великого». Освобождение от *лжеумствования* в нравственной сфере связывается с противодействием законодателя *греховной жизни иных народов*. «Законодатель, по-видимому, объемлет не все роды грехов, но запрещает собственно грехи египтян, откуда Израиль вышел, и грехи хананеев, к которым переселялся»¹.

Духовная исключительность затрудняет видение общности механизмов нравственного формирования и социализации личности, заключенной во внешних различиях правил и представлений. Как светская, государственная, так и религиозная, церковная иерархия порождают иллюзорное видение верховного правителя, его сущности. Известна формула короля-Солнца, верховного правителя Франции: «Государство – это Я».

Возвращение формулы «всё в одном» к своему истинному содержанию требует ее постоянной коррекции посредством эмпирических сопоставлений.

Так, в «Симфонии по творениям святителя Василия Великого» мужьям рекомендуется любить своих жен. «Если кто желает

---

¹ Симфония по творениям святителя Василия Великого. – М.: «Дар», 2009. – С. 46.

брака по закону, то открыта для него целая Вселенная»¹. Эта позиция в своей сущности совпадает с тем, что говорит буддийский монах о кармическом соответствии невесты и жениха. В реальности существует специфическое явление единства истины в многообразии ее форм. Ритуалы при рождении человека и достижении зрелости, профессиональной квалификации, награждении верности служения своему народу, военных подвигов во имя Отечества и свободы – при всём цивилизационном многообразии гимнов и флагов несут общий смысл, который и является внутренней истинной ритуальных форм поведения.

Стало быть, при всех цивилизационных различиях формулы «всё в одном» возможно выявление в них *общего смысла*. Нужно выявить пути определения общего смысла и тогда гносеологическая «бомба» может быть нейтрализована. Методологически этот вопрос решается с позиций теории *отражения*. Если адекватно видеть существующую реальность, то тогда станет доступной общность истины. Это значит, что действительно универсальной истиной является то одно, которое присутствует во всех эмпирически данных проявлениях истины.

Очевидно, однако, что если формула «всё в одном» относится к философской истине, то следует признать, что не всё в ней поддается эмпирической верификации. Значит, в ней присутствует элемент веры. Значит ли это, что ее следует исключить из сферы истинного знания? Если так, то ее следует включить в число заблуждений.

Найти подходы к решению этой фундаментальной проблемы попытался Дуглас Эдвардс, сотрудник Школы философии университетского колледжа в Дублине (Ирландия)². Дуглас Эдвардс *двинулся по пути разделения компетенций различных форм истины*.

Он отмечает, что группа теорий, которые получили наименование «репрезентационные теории истины», пользуется поддержкой, обязанной исходной правдоподобности идеи, согласно которой истинными суждениями являются те, которые опираются на *адекватное представление о состоянии реального физического мира*. Они становятся *центральными* для когнитивных наук, кото-

---

¹ Симфония по творениям святителя Василия Великого. – М.: «Дар», 2009. – С. 48.

² См.: Douglas Edwards. Naturalness, Representation and the Metaphysics of Truth // European Journal of Philosophy. Vol. 21. Number 3. September 2013. – P. 384–401.

рые ставят целью понять, как люди реагируют на свое окружение. Однако можно ли с уверенностью утверждать, что истинными цивилизационными суждениями являются лишь *те, которые адекватно представляют состояние физически реального мира?* Как в этом случае следует определять истину цивилизационного восхождения, включающую в себя истину нравственных принципов? Ведь истина нравственного совершенствования допускает в качестве истинного морального состояния такое, которого *пока еще не существует в действительности, но которое должно возникнуть*.

Дуглас Эдвардс склоняется к тому, что репрезентативные теории идентифицируют истину с нормальным, *естественным достоянием*, обладающим своего рода правовой законностью, и поэтому ее не следует подвергать ревизии, а напротив, рассматривать в глобальном смысле: *глобальная истина является репрезентационной*.

Эдвардс ссылается на Дэвида Льюса, согласно которому любой класс знания *вещей*, даже самых неожиданных, является *естественным достоянием*. Тем самым мы *получаем круг знаний как полноту достояния*.

В этой полноте знания существуют различия, позволяющие выделять *элитарные классы*, подтверждающие свой привилегированный статус.

Элитным следует считать особое *истинное знание*. В понимании сущности истинного знания ключевую роль играет *фундаментальная физическая наука*.

Фундаментальная физическая наука определяет наиболее элитные классы знаний. Большинство людей пользуется смешанными достоинствами знаний, находящимися на неестественном конце шкалы истинного знания. Может ли философское знание находиться на естественном конце шкалы истинного знания? Очевидно, что может лишь в том случае, если оно будет совпадать со знанием фундаментальной физической науки.

В соответствии с этим критерием значительная часть философского знания будет находиться в классах смешанного знания.

Чем дальше представители смешанных знаний находятся от совершенных естественных достоинств знания, тем менее естественным является их интеллектуальное достоинство. Таким образом, возникает своеобразная *иерархия классов знаний* в постижении истины. Если мы хотим понять современный мир, считает Эдвардс, мы должны произвести инвентаризацию достоинств

знаний¹. Это относится не только к отдельным фактам, но и к теориям. Чем более естественным оказывается явление, представляемое данной теорией, тем более *законной* является данная теория. Понятие «*законности*» в данном смысле имеет гораздо бóльшую объясняющую силу, нежели рассмотрение и оценка знания просто как «*полезности*». Понятие «*законности*» позволяет охватить особенности гуманитарного знания, которое не может занимать элитного места в иерархии знаний.

Законность теории может рассматриваться с точки зрения возможности «*замещения*» истины.

Эдвардс воспроизводит точку зрения, согласно которой понятие законности может относиться и к оправданной истинной вере (JTB-*instified true belief*). Можно иметь оправданную истинную веру в некое явление «Р», но при этом в действительности не иметь истинного знания о «Р». В этом случае теория JTB не может использовать стандартный смысл слова «знание». Но она наделяет смыслом *многие дотеоретические верования*.

Понятие «*законности*» может быть перенесено и на философскую истину. Статус истины, таким образом, сохраняется лишь за знанием, которое получается фундаментальной физической наукой. Эдвардс считает, что в принципе можно было бы избежать этой крайней позиции, если признать, что к истине можно двигаться двумя разными путями. Во-первых, это путь *репрезентации*, которая сама по себе дает образ реальности, а значит, образует истину. Поэтому она так высоко ценится на естественной шкале знания. Но к истине пытаются идти и путем *референции*.

Когнитивная наука полагает репрезентацию ключевой частью рассмотрения истины как различия между корректными и некорректными репрезентациями. При этом, поскольку репрезентация находится *внутри эмпирического мира*, это явление мира естественная наука может объяснить. Истина, таким образом, может быть и хорошо *просчитана*. Иное дело концепция *референции*.

Концепция референции, считает Эдвардс, основана на *интерпретации простого субъект-предикатного предложения*. Вера в то, что «а» есть «F», *истина*, если и только если объект, обозначенный как «а», имеет свойство, обозначенное как «F». Здесь речь идет о соответствии *понятий*. Эти соответствия могут быть истолкованы либо как каузальные, либо как телеологические. Как в этом

---

¹ См.: Douglas Edwards. Naturalness, Representation and the Metaphysics of Truth // European Journal of Philosophy. Vol. 21. Number 3. September 2013. – P. 386.

случае понимается каузальное соответствие? Ответ на этот вопрос иллюстрируется точкой зрения Линча на отношения между кошками. Если слово «кошка» обозначает кошку, равную всем кошкам вообще, то тогда мы имеем правильное обозначение всех действительных и виртуальных кошек. *Это – словесный детерминизм, смысловая игра.* Аналогичным образом трактуется и телеологическое соответствие. Кошка, как обозначение кошек вообще, отождествляется с биологической функцией (скажем, ловлей мышей), ментальное обозначение которой относится ко всем кошкам.

Таким образом, проблема соответствия, как проблема истины, находит свое специфическое решение в *игре словами и смыслами*. Но можно ли в *этом случае* говорить о реальности истины, или эта «истина» нереальна, то тогда только репрезентационная теория имеет дело с реальностью истины.

Однако, казалось бы, этот очевидный вывод встречает контраргументы.

В качестве такого контраргумента М. Линч выдвигает «проблему горизонта».

Линч исходит из того, что существует целый ряд доменов, иными словами, смысловых сфер, в которых проблема истины не может быть решена с позиций репрезентационизма. Репрезентационизм оказывается перед проблемой *широты* горизонта истины. Во-первых, истинные верования охватывают объекты, которые существуют и обладают самими качествами *независимо от разума*. Во-вторых, объект и его качества, которые охватывают таким образом, *способны вступать только в не прямое каузальное взаимодействие с нашим разумом*¹. Большинство объектов, которые окружают нас – столы, стулья, автомашины, здания, – доступны нашему пониманию, поскольку их бы не было, если бы не было человеческого разума и человека, который их сконструировал. Но объекты, которые не созданы человеком, как часть естественного мира, заслуживают специального рассмотрения, как существующие независимо от разума, *а значит, непознанные*.

Но даже и созданные предметы могут существовать независимо от личного разума. Возможно ли взаимодействие с ними, а значит, и их познание? Непрямое взаимодействие с объектами возможно: кто-то другой может свидетельствовать вам о существовании и свойствах объекта. И первый и второй аспекты горизонта

---

¹ См.: Lynch M.P. Truth as One and Many. – Oxford. Oxford University Press, 2009. – P. 33.

ставят под вопрос возможности репрезентационализма как универсальной теоретической концепции истины.

Существует ряд других аспектов проблемы истины, в том числе и в повседневных отношениях, когда говорится об истинности или ложности *моральных верований и математических знаний*. Существует, например, вера в то, что *пытки невинного – это неправильное действие*. Но признание истинности этого верования трудно совместить с теорией репрезентационализма. Как такое качество, как неправильность действия, поступка, может рассматриваться как часть материального независимого от сознания мира?

В случае с математикой приходится допустить, что существуют независимые от разума абстрактные объекты, которые по определению не являются вещами, с которыми можно вступить в каузальные отношения. Абстрактный объект существует вне пространства и времени, тогда как каузальные отношения реальны лишь в пространственно-временном мире. Таким образом, репрезентационная теория истины, считает Линч, оказывается перед проблемой горизонта. Она верна, но применительно лишь к некоторым, а не всем доменам. Она, таким образом, имеет *ограниченный горизонт*. Как обойти этот аргумент и спасти универсальность репрезентационной теории? Как кажется, сделать это невозможно.

Однако сторонники репрезентационной теории истины всё же считают, что естественность качеств репрезентационистской теории истины побивает те сомнения, которые рождаются проблемой горизонта. Теория репрезентационизма объясняет универсальность истины ее *естественностью*. Признание же различных доменов истины ограничивает универсальность естественной истины репрезентационизма.

Чтобы сохранить эту универсальность, необходимо доказать, что моральные и математические истины относятся к домену репрезентационизма. Однако они имеют совсем иные функции. С точки зрения репрезентационизма этические суждения не могут быть истинными или ложными, поскольку они не могут представить объективное, независимое от сознания положение дел.

Но возможна и другая трактовка ситуации, а именно: следует признать, что репрезентативная теория истины не может быть адекватной в некоторых доменах. Исходя из этого, экспрессионисты возражают репрезентистам. Они утверждают, что моральные суждения выражают *отношение* или *желание* и никогда от них не ожидается, что они *отражают* существующую реальность. На-

против, они могут в своем содержании противостоять реальности и противодействовать ей.

Аналогичным образом обстоит дело в математике. Если математика – это созданная совокупностью абстракций фикция, то тогда оперирование математическими абстракциями не следует представлять как изображение натуральной реальности. Очевидно, однако, если моральные и математические универсалии и аксиомы являются всего лишь фикциями, то тогда все их выводы и умозаключения, теоремы и доказательства не могут иметь обязывающей силы. Идентичную силу должны обретать и их антиподы. И в этом случае истинность математических вычислений и моральных принципов станет очевидной. Как эти рассуждения могут относиться к философской истине?

Философская истина относится к специфическому домену, в котором должна проявляться возможность нахождения исходных оснований истинного знания. Здесь действует аналогия с возможностями истинных моральных принципов и математических заключений. В морали существуют принципы и постулаты, которым могут противостоять их антиподы. И те и другие относятся к виртуальной реальности. Однако, если общество будет следовать в массе ложным постулатам, то существование цивилизации будет поставлено под угрозу.

Наиболее наглядно последствия игнорирования виртуальных истин проявляются в геометрии. Если постулаты и умозаключения игнорируются в строительной практике, то начинают рушиться архитектурные ансамбли и производственные сооружения.

В случае с философской истиной дело обстоит аналогичным образом: философская истина предполагает адекватное знание самой *ситуации* процесса познания. Здесь ложными оказываются представления окончательного познания сущности бытия, как и его полного незнания. Эту истину образно представляет «Сад камней» в Киото. *Видение* всего сада камней означает в то же время *невидение* какой-то присутствующей его реальности.

Философское сознание основано на конкретном изображении образов запредельного бытия в формах окружающей человека действительности. Так, например, уже в первых даосских трактатах содержалось поэтическое выражение сути мироздания. Оно выросло из одного корня – *дао* (кит.) или *до* (яп.), т.е. пути... «*Дао*, – пишет Е.Л. Скворцова, – это непостижимый разумом принцип мироздания, суть которого состоит в непрерывном отрицании созданных им самим форм, в постоянной текучести и

изменчивости. На наличие *дао* может указать только символ. Самый близкий *дао* символ – это природа с ее чередованием времен года, атмосферных явлений, расцветом и увяданием, пробуждением и замиранием»¹.

Сад камней – это символ. Философская истина ситуации – это не простое отображение сада, а видение того, что находится за его поверхностью. Истина здесь воссоздается в сознании под воздействием сада. Она не совпадает с простой репрезентацией. Однако отказаться от универсальности репрезентационной теории истины психологически крайне сложно. Это признает и Эдварс. Он склоняется к тому, чтобы несколько скорректировать понятие универсальности. «Я полагаю, – пишет он, – что имеется основание думать, что репрезентационная теория истины обладает высокой степенью естественности»². Естественность означает *предпочтительность*, а предпочтительность теории – это основание для признания ее *глобальности*. Таким косвенным образом реставрируется универсальность репрезентационной теории истины. Это вместе с тем представляется ответом на проблему горизонта.

С этих позиций возможно критическое отношение к получению истины посредством *референции*, т.е. путем отсыла к *представлению, которое принимается за истину*. Здесь мы получаем опосредованное знание, истинность которого нельзя признать безусловной, данной непосредственно как очевидность. Признание глобальности естественной истины ставит под вопрос возможность достижения философской истины. Дело в том, что репрезентация относится к *частному* явлению. Знание такого явления не может получить статус философского.

Философское знание – это неизбежно «скачок», поднимающий истину над ограниченностью эмпирически данных явлений. Но здесь открывается возможность признания метода референции, но не как словесной игры, а как *обнаружения философской истины в особом совпадении различных явлений, содержащем конечный смысл*. Конечный смысл как философская истина открывается в звукосочетаниях, словосочетаниях, в особых вещественных сочетаниях различных видов искусства.

---

¹ Скворцова Е.Л. Японская духовная традиция в свете проблемы «разума тела» // Филология: Научные исследования. – № 3 (15). – 2014. – С. 266.

² European Journal of Philosophy. Vol. 21. Number 3. September 2013. – P. 397.

Наиболее очевидной формой обнаружения конечных смыслов в сочетаниях конкретных изобразительных и смысловых форм может считаться *эмблематика* космоса, ее символика.

Она воспринимается как средство получения знаний о скрытых смыслах окружающей реальности. Это уже давно признается многими авторитетами.

Так, например, учитель риторики и монах ордена варнавитов Кристофоро Джарда, по случаю открытия в Милане библиотеки варнавитского ордена, произнес речь, в которой выразил особую хвалу «*символическим образам*». Он утверждал, что символические образы выражают возвышеннейшую природу наук и искусств. Символические образы спешат навстречу созерцающим, сами входят в глаза смотрящим, через них проникают в душу, заявляют о своей сущности еще до того, как их подвергнут исследованию¹.

Именно через символические образы представляется возможным адекватное видение того смысла, который заключен в *мироздании*. Так, на эмблеме, данной Иоахимом Камерарием под № 54, представлен мир, находящийся на спине у рака. Камерарий видит в этом извращенность мира, о чем писал еще Гораций: чего не портит пагубный бег времени: отцы были хуже чем деды, а наше потомство будет еще порочней².

Эмблема в данном случае оказывается механизмом референции, через посредство которой происходит соединение человека с мирозданием: человек получает объяснение того, почему эволюция общества сопровождается нравственной деградацией. Если в определенных сочетаниях эмпирических образов приоткрывается завеса над тайной Бытия, то тогда метод референции превращается в специфичный для философии метод постижения истины.

Овладение этим методом выходит за пределы формально-логического и эмпирического знания. Истина открывается в кажущихся случайными сочетаниях явлений окружающего мира. Тайна открывается гению, который объективирует ее в виде различного знания истин философии посредством изображения вещей. Здесь мы находим объяснение метафизической функции искусства, в том числе театральной сцены и танца. Театр, показывая эмпирический процесс жизни героев сцены, образно расшифровывает смысл непознаваемых в своей сущности явлений, таких

---

¹ См.: А.Е. Махов. Эмблематика: Макрокосм. – М.: Intrada, 2014. – С. 32.

² См.: Ibid. – Р. 431.

как *случай* и *судьба*. Он фиксирует некую скрытую действительность, объяснение которой и является функцией философии.

Соприкосновение искусства с философией придает ему характер *подлинности*, той глубины переживания, которая идентифицируется с высокой философской истиной.

10. Имитация философии

Возникающие противоречия в определении оснований философской истины отражают сложность философского познания, которое начинает эволюционировать во взаимоисключающих дилеммах. Если следовать требованиям *репрезентации* как законного пути достижения истинного знания, то тогда следует признать адекватность метафизики воли к власти, которая исторически характеризуется свойством постоянного возвращения.

Метафизика воли к власти становится исходным началом и конечной причиной цивилизационного поведения субъекта в условиях глобализации.

Возникает стремление получить статус *постоянного победителя* в контексте глобальной власти.

Философская проблема состоит в адекватной оценке смысла метафизики воли к власти в условиях современной глобализации.

Исторически метафизика воли к власти порождала смену субъектов цивилизационной эволюции. В условиях современной глобализации реализация метафизики воли к власти влечет за собой самодеструкцию цивилизации. Избежание такой перспективы требует коренной реконструкции философского мышления, толкования центра власти как исходного начала формирования цивилизации. Как истина метафизики соотносится с истинной мироздания, его бесконечностью? В бесконечности бытия не существует какого-либо одного центра, из которого наблюдается универсальная истина.

Многообразие цивилизационных центров также требует умения мыслить на основе логоса, приводящего в гармоничное целое различное и противоположное. Только на такой философской основе возможно сохранение нормальной цивилизационной эволюции. Уверенность в том, что эта сущность может быть раскрыта философией, выразил Гегель в своей вступительной лекции в Гейдельбергском университете 28 октября 1816 г. Он утверждал, что сущность универсума, поначалу сокрытая и замкнутая в себе, не имеет никакой силы, которая могла бы оказать

сопротивление мужеству познания. Сущность универсума должна раскрыть перед взором философа свое богатство и глубину.

Эту позицию оспорил Мартин Хайдеггер. Поскольку философия, как метафизика, уходит своими корнями в реальность неопределенности и даже неопределимости, то возникает «Темнота». Поэтому «Темнота» – это свойство великих философов, таких как Гераклит. Хайдеггер считал, что объяснение Гегелем «Темноты» Гераклита особенностями его слога несостоятельно.

«Темнота» Гераклита объяснялась пониманием наличия в Универсуме *сущностно* «темного». «Если мышление, – утверждал Хайдеггер, – мыслит то, что себя скрывает, что выступает как себя-скрывающее, тогда такое существенное, глубинное мышление в своем познании никогда не может быть “волей”, принуждающей универсум раскрыться... Гераклит “темен” потому, что он мыслит бытие как себя скрывающее и говорит сообразно помысленному... Так как изначальное мышление мыслит нечто такое, в чье существо входит себя-сокрытие, темное как таковое (das Dunkle) всегда с необходимостью остается темой этого мышления»¹.

Значит ли это, что у философской истины в универсуме нет почвы? Или всё же возможно адекватное философское определение действительных сущностей, заключающих в себе свойства универсальности? И где же следует искать универсальные основания философской истины? Где универсальная истина не может сокрыться от ока философии?

Кто не может сокрыться от видящего ока философии так это, конечно, сам человек, устремляющий взор на свою собственную внутреннюю духовную сущность. От себя человек скрыться не может, даже если и пытается это сделать. Значит, именно он является носителем своей конечной истины, он ее «критерий». И он может строить мир в соответствии с истиной. Но *какой* истиной, если истина открывается по-разному в соответствии с видом «живого существа», которое как живое одушевлено по-разному. Значит это должно быть особое живое существо, способное к созданию универсальных ценностей в качестве подлинной истины как истины для всех, истины универсальной. Такая истина не заходит никогда и не только для индивида, но для всех, если это все даже не осознают этого. Это и есть истина философа. Но это проблема *подлинности философа*. Масса людей называет себя философами.

---

¹ Мартин Хайдеггер. Гераклит. – СПб.: «Владимир Даль», 2011. – С. 51–52.

Но философами они не являются, поскольку даже не знают, что такое философская истина. Философствующие любители оперируют философскими понятиями и категориями, но обходят реальный вопрос философии, который является вопросом судьбы современной цивилизации. Этому способствует и утверждаемая видимость подготовки профессиональных философов, изучающих внешнюю атрибутику философии, но уходящих от главной проблемы. С включением философии в систему образования и академических научных исследований проблема подлинности усложняется. Возникают внешние требования к философии: программы образования, списки обязательной литературы, система требований к сдающим соответствующие экзамены, обязательные требования к защищающим диссертации по философской проблематике. Это – публикации в особых престижных журналах, индексы цитирования, порядок оформления диссертации, ее обсуждений и защиты. Внешние требования обретают приоритет.

Философские смыслы при таком наступлении бюрократизма уходят в тень. На поверхности оказываются внешние признаки философского знания.

Философия становится средством для жизни, а не внутренним поиском высшей духовной истины. В итоге возникает тенденция к упрощению, общей духовной деградации и эрозии механизмов здравого смысла как безусловной предпосылки формирования общечеловеческой коммуникации. XXI век превращается *в век разрушения здравого смысла*.

Ханна Арендт в «Лекциях по политической философии Канта» отмечала, что здравый смысл (*sensus communis*) – это особое человеческое чувство, от которого зависит коммуникация. Поэтому, как это подчеркивал Кант, единственный общий признак помешательства – это потеря здравого смысла и появление вместо него логического своемыслия (*sensus privates*)¹.

В условиях глобализации легитимация частных групповых интересов, их абсолютизация превращаются в таран здравого смысла. Глобальная взаимосвязь и взаимозависимость стран современного мира и цивилизаций требует теоретического взгляда на человечество как *целое* и политической философии, которая может служить эпистемологическим основанием позитивной коммуникации. Рассогласованность современного человека с самим собой и с другим выдвигает на передний план проблему горизон-

---

¹ См.: Ханна Арендт. Жизнь ума. – СПб.: «Наука», 2013. – С. 483.

тов философских исследований и будущего самой философии. Всё продолжает жить как живое, и казалось бы оно по-разному одушевлено и вместе с тем начинает жить в себе и в другом, дышать по-своему и иначе. Формируется логистика механических соответствий при отсутствии внутреннего самоотождествления. Это значит, что цивилизация в своей эволюции накапливает потенциал самораспада.

Рождается странное универсальное цивилизационное явление человечества как своего рода кентавра, тело которого складывается из частей различных организмов. Что это означает для будущего цивилизации? Философия оказалась перед этим вопросом. Проблема заключается в том, что каждая часть этого универсального цивилизационного явления рассматривает каждую другую часть как *средство* и только как средство решения собственных проблем.

Внешние связи и зависимости частей глобальной цивилизации не подкрепляются внутренним духовным единством, которое призвана дать философия. Различие истин, возникающее в силу различия форм жизни и в силу того, что живое определенным образом по-разному одушевлено в соответствии с видом своего живого существа, может приходить к единству только путем *самопреодоления*. Такое самопреодоление представляется невозможным в эмпирических различиях образов жизни. Между тем подлинность коммуникации – это форма выживания в условиях современной глобализации.

Традиционное мышление, логическое и эмпирическое не может легитимизировать самопреодоление. Оно возможно только на основе философской истины, правильный подход к которой был намечен уже великим Гёте. Гёте *считал единство явления его совершенством*, благодаря которому оно поднимается выше собственных границ и обнаруживает свое единство с реальностями вне себя. Всё в своем роде совершенное, считал он, должно перерасти свой род.

Таким образом, современная глобальная цивилизация должна претерпеть философскую реконструкцию: от постоянного возвращения метафизики воли к власти к гармоничному соединению и продуктивному взаимодействию многообразия цивилизационных различий, которые в этом процессе осуществляют восхождение за пределы своего рода.

Путь от единого ко многому реализуется в непрерывном становлении, развертывании и преобразовании, которые Гёте рас-

смаатривал через призму понятия «метаморфоза». Метаморфоза – это синоним понятия жизни вообще. Это значит, что согласованность с самим собой есть в то же время согласованность с другими¹. Истина пути современного человечества – это подлинность коммуникации, которая становится первоначалом жизни современной цивилизации.

Видимость рождения подлинности коммуникации создает сетевое общение. Но это всего лишь суррогат подлинности коммуникации. Под подлинной коммуникацией следует понимать такую связь, которая порождает равенство следствий взаимодействия: благо для одного означает благо и для другого; зло для одного означает зло и для другого. Это значит, что гибель одного влечет за собой гибель и другого. Это и есть проблема Логоса, проблема мышления, переносящего многообразие центров жизни отдельных субъектов цивилизационной эволюции в общую гармонию бытия современного человечества. Это то исходное, прояснение которого предопределяет адекватный подход к решению всех частных философских проблем.

Это значит, что философия от школьных подходов к своему самоопределению должна подняться до уровня современной цивилизационной реконструкции.

Как профессиональные философы подходят к решению этой эпохальной задачи? В качестве иллюстрации можно рассмотреть итоги состоявшейся 13 января 2012 г. встречи философов, представляющих Институт философии, школу передовых исследований и Лондонский университет, обсудивших свою роль как издателей журналов и издательских экспертов, с тем, чтобы прояснить перспективы философских исследований. Экономические, политические, культурные, этические, экономические вызовы времени обостряют потребность в философском понимании современного мира. Встреча философов в Лондоне обсуждала три ключевых вопроса: что сейчас происходит в области философских исследований; что ожидает философские исследования в перспективе, каковы их основные тенденции; что можно сказать о потенциальном влиянии философских исследований за пределами академического сообщества. По итогам дискуссии в журнале «Метафилософия» были опубликованы статьи, в которых нашло отражение основное

---

¹ См.: Г. Зиммель. Гёте. Перевод А. Габричевского. Александр Габричевский. Избранные труды. Гётеана. – М.; СПб.: Петроглиф, 2014. – С. 398–403.

содержание состоявшегося симпозиума¹. В представленных публикациях не просматривается внимание к современной ключевой проблеме. Она сводится к частностям: допускаются возрождение кантианской традиции и преодоление вызовов натурализма, движение к новой глобализации и взаимодействию различных подходов, оживление научной философии, особенно математической, развитие строгого анализа языка и его использования, применение философского анализа к проблемам информации и коммуникационным технологиям. Эти тенденции имеют место и сегодня, и они не свидетельствуют о назревании какого-либо концептуального «скачка», открывающего качественно новые философские горизонты. Об этом следует сказать, поскольку имплицитно назревает *фундаментальный мировоззренческий кризис*, который неизбежно порождает ситуацию потери человеком самого себя перед неопределенностью истины своего самоопределения в этом мире.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир».*

А. Ниязи,

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник ИВ РАН,
заместитель главного редактора бюллетеня
«Россия и мусульманский мир»

**ОТ РАЗНОЧТЕНИЯ СВОБОДЫ
К СТОЛКНОВЕНИЮ АНТИКУЛЬТУР**

Нападение террористов на редакцию сатирического журнала «Шарли Эбдо» 7 января 2015 г. ужаснуло Европу. Циничный и хладнокровный расстрел парижан, в ходе которого 12 человек погибли, а 11 были ранены, потряс весь мир. Теракт объяснялся местью за карикатуры на Пророка Мухаммада, которые печатало издание. Разумеется, невозможно найти какое-либо оправдание этой безумной бойне. Миллионы людей по всему миру, не мусульмане и мусульмане, публично выразили протест против дикого, античеловечного поступка самозванных палачей от религии. С тех пор название издания продолжает периодически всплывать после актов террора и вандализма в различных странах мира. «Шарли Эбдо», по всей видимости, превратился в сакральный

---

¹ См.: Methaphilosophy. Vol. 44. N 3, April 2013.

символ борьбы добра со злом, особенно для непримиримых сторон.

Тем не менее множество здравомыслящих граждан различных государств отказались солидаризироваться с редакторской политикой скандально известного еженедельника. Вот как, например, объяснил свою принципиальную позицию представитель известного европейского аристократического рода Карл-Филипп Орлеанский, герцог Анжуйский: «“Шарли Эбдо” – это вульгарный листок, презирующий любое мнение, кроме своего собственного, занимающийся провокациями под предлогом свободы выражения мнений. “Шарли Эбдо” – это агрессивное издание, сеющее ненависть между религиями, называя это юмором. “Шарли Эбдо” – это воплощение европейского атеистического левого общества, которое подрывает авторитеты и сеет вражду между людьми и народами, невзирая на расы, цвета кожи и религии». Осудив варварский акт и выразив соболезнования родным и близким покойных, герцог заявил: «Я отказываюсь принимать участие в этом “республиканском священном союзе” “за Шарли”, потому что просто не понимаю, что я должен защищать... Я считаю бессмысленной попытку добиться национального единства на такой основе и осуждаю лицемерие граждан, которые либо никогда не читали это юмористическое еженедельное издание, либо сами же его критиковали. Почтить память жертв – да. Солидаризироваться с “Шарли Эбдо” – нет». («Литературная газета», № 5, 4–10 февраля 2015 г., с. 3. «Нет, я не Шарли».)

В то же время, массы людей под лозунгом «Шарли – это я» устремились на улицы и в интернет-пространство, не только осуждая террористическое варварство, но и отстаивая завоевания Великой французской революции, да и Запада в целом. Понять их искренний порыв несложно. Большинство выражало возмущение посягательством на священные для европейцев ценности – на права человека, на гражданское общество, верховенство закона и секулярное государственное устройство. Для кого-то это был повод высказаться против излишней политкорректности мультикультурализма, показной самоизоляции мигрантов и нарастающего диктата исламского радикализма. Были и те, кто защищал право на атеистическое мировоззрение, критическое отношение к религии, свободу самовыражения.

Стоит вспомнить, что на родине «Марсельезы» традиции антиклерикализма, освобождения граждан от церковных оков, победы светской этики над религиозной начали утверждаться более

двух столетий назад. С тех же эпох Романтизма и Просвещения появляется и особая французская сатира, позволяющая себе непочтительное отношение к церкви. Но в прошлом острее специфического юмора и иронии было направлено преимущественно на европейские религиозные институты. Надо признать, подчас небезосновательно. Интриганство, косность, фанатизм, алчность, жульничество и лицемерие в те времена были не редкостью в церковных кругах. Позже насмешки над своей религией стали нормой во всей Европе. Тем не менее соблюдались определенные рамки приличия.

Вспомним, что даже советские атеистические карикатуры выдерживались в рамках общественной морали и нравственности кодекса строителя коммунизма. Пошлость и похабщина не приветствовались.

Но вот «Шарли Эбдо» – это тренд Новейшего времени. Он публикует анекдоты, карикатуры, дискуссии, связанные со всеми мировыми религиями, с различными известными людьми и политическими событиями. Оппонирует правым радикалам и потому позиционирует себя изданием, отражающим «все компоненты левого плюрализма». За долгие годы заслужил репутацию беспринципного, нонконформистского еженедельника антиклерикальной и даже антирелигиозной направленности, бравирующего откровенной непристойностью.

Понятно, что отдельные корни богоборческого левацкого крена «прославившегося» на весь мир небольшого издания отчасти уходят в столетнюю почву политического материализма, левой атеистической идеологии, начиная от марксизма-ленинизма до радикальных течений троцкизма и анархизма. Как бы к ним ни относиться, надо признать их революционную суть, стремление к целям и почтение к своим вождям. Но вот для «Шарли Эбдо» революционных задач не существует, как не существует и авторитетов. Его кредо – циничное глумление над всеми на свете знаменитыми персонажами, над любыми ценностями. Цель – завоевание известности любыми способами, а с ней и приумножение доходов. Это скорее развлекательный журнальчик для благополучного скучающего общества, нежели выразитель многогранного левого мировоззрения.

Надо признать, что феномен такой беспринципности не только не возмущает часть западного и прозападного общества, но даже одобряется. Многие другие остаются равнодушными или стараются не обращать на это внимания. Представляется, что при-

чины подобного явления следует искать глубже, а именно в серьезных социокультурных сдвигах, в изменении представлений о свободе, произошедших в ареале западной цивилизации и распространившихся на остальной мир. Связаны они, в первую очередь, с наблюдавшейся в последние десятилетия экспансией неолиберальной системы капитализма. Возобладавшая в ней радикальная рыночная свобода нуждалась в снятии ограничителей для ее продвижения как на национальном, так и на глобальном уровнях. В их число попадали не только технологические препоны, сдерживавшие неконтролируемые финансовые, производственные и информационные потоки, но и устоявшиеся правила социальной ответственности бизнеса и государства, а также вековые морально-этические общественные ценности. Причем не только религиозные, но и светские, с которыми прежние либеральные идеи сосуществовали относительно бесконфликтно.

Технологический базис современного транснационального капитализма требует формирования соответствующей ему надстройки в виде всемирного общества безграничного потребления. Оно призвано сохранять и поддерживать систему диктатуры рынка. Увеличивать ее влияние. Такое общество выгодно для системы.

Современный усредненный *homo economicus* приучается мыслить преимущественно экономическими категориями. Его образ жизни направлен на безмерное потребление. Бесконечное стремление к обогащению вынуждает хомозэкономикуса трудиться в поте лица своего, часто на сверхнормированной работе. Его образование ограничено и подчинено выполнению профессиональных задач, кругозор узок. Не хватает времени и средств, а иногда и желания на приобщение к высокой культуре. Он – человек примитивной массовой культуры, легко управляемый властями.

В отдельных случаях сама культура в ее широком понимании существенно меняется в процессе демонтажа институтов социального государства. Она уже в меньшей степени ориентирована на духовное, нравственно-этическое развитие общества. Искусство, наука и образование начинают рассматриваться прежде всего как коммерческий товар и лишь потом как национальное достояние. Они упрощаются и дегуманизируются. Их регулятивно-охранительные социальные функции существенно снижаются.

Подчас культура развлечений, потребления информации и навязываемых образцов быта начинает довлеть в формировании человека. Он приучается мыслить трафаретно, теряет индивиду-

альность и социальные связи, одновременно возвеличивается в собственном эгоизме.

«Новый человек» с трудом понимает культуру своих предков, прошлые и настоящие культурные ценности иных народов, зачастую воспринимает их как архаичные пережитки. Становится очевидным, что перемены последних десятилетий в культурной и духовной жизни части общества западного мира менялись далеко не в лучшую сторону. В этой связи правомерно рассматривать «Шарли Эбдо» как порождение неолиберального культурно-экономического конструирования, как показательный продукт современного массового общества потребления.

Естественно, что подобные разрушительные для духовной жизни тенденции, рожденные в недрах неолиберальной системы, вызывают протестную реакцию на Востоке, особенно в исламском мире – мире очень плотного слоя традиционной культуры, где вера и этика крепко связаны воедино, где крепки общинные узы.

Всё больше мусульман выражают протест против западной трактовки свободы слова, самовыражения и нравов, оскорбляющей их религиозно-нравственные чувства. Многими она начинает восприниматься как антиисламская, да и к тому же как антидемократическая, поскольку мусульманская часть европейского общества зачастую не может призвать к правовой ответственности тех, кто позволяет себе откровенное святотатство. В свою очередь на Западе распространяется мнение о несовместимости исламских ценностей с завоеваниями передовой демократии. Такие умонастроения всерьез настораживают. Тенденция к их возрастанию может привести к опасным последствиям.

Тем не менее огромная часть последователей ислама живет в демократических странах Запада или в условиях становления демократии в собственных государствах. Отстаивая свои права, они умело пользуются демократическими механизмами и свободами, борются за них лично или участвуя в партиях и движениях. Конечно, не все демократические свободы и права человека, что приняты на Западе, подходят для мусульман. Не все отвечают их нравственно-этическим убеждениям, религиозным установкам. Отсюда проистекают попытки выстроить свою «исламскую демократию».

Как известно, на международном уровне исламскими организациями и учеными разработаны собственные декларации прав человека, которые на общечеловеческом уровне не противоречат основополагающим постулатам прав человека, принятым на Западе,

но и не выходят за рамки нравственно-духовных ценностей ислама. (Всеобщая Исламская декларация прав человека. 1981 г.; Каирская декларация по правам человека в исламе. 1990 г.)

Конечно, неразумно отвергать широкий комплекс общепринятых норм по правам человека, как это делают идеологи непримиримого исламизма. Для них все западные нормы жизни греховны. Надо признать, что постановление ООН 1948 г., посвященное правам человека, дало всему человечеству равные гражданские и политические возможности. В нем были отражены такие фундаментальные принципы жизнеустройства, как: равенство всех перед властью закона; неприкосновенность личности и имущества; право свободы мысли, религиозных, политических и общественных убеждений; равенство полов.

Структура прав человека значительно расширилась во время так называемой «второй волны» правозащитной деятельности, вызванной социально-политическими переменами в странах Восточной Европы и других государствах мира, влившихся в социалистический лагерь. Она обновилась такими важнейшими и фундаментальными положениями, как право на жизнь, на равенство в оплате труда мужчин и женщин. Эти права утверждают борьбу с расизмом и национализмом, отрицают эксплуатацию труда детей и женщин, нанесение вреда их здоровью, гарантируют право на труд и пенсионное обеспечение, а также на образование и здравоохранение. Они полностью созвучны исламской заботе о человеке, отвечают современным убеждениям миллионов последователей ислама.

Однако справедливую критику не только мусульман, но и многих других верующих и неверующих людей вызывают новшества «третьей волны», пополнившие набор прав человека идеями выхолощенных до предела рационализма и секуляризма. Проектировщики «третьей волны» вознесли на самый высокий пьедестал свободу личности и постановили, что для ее реализации нет никаких ограничений: ни морального, ни религиозного, ни духовного характера. Такое сверхэгоистическое и богоборческое право выплеснулось из стихии рыночного неолиберализма. Обогащайся безмерно и трать безмерно! Бери от жизни всё! Делай всё, что хочешь и как хочешь, если только не нарушаешь закон. А закон на наших глазах легализует и защищает известные свободы нравов и самовыражения, о которых еще лет двадцать тому назад говорить было неприлично.

Подобный сплав вседозволенности, беспринципной коммерции и безграничного эгоизма, который трактуется на Западе как достижение прогресса, вызывает естественное раздражение в мусульманском мире.

Связанные в исламе воедино вера, этика и закон сохранили до наших дней среди широких слоев мусульман такие культурно-психологические установки, как стремление к справедливости, взаимопомощи, ответственности за настоящее и будущее, за духовное и физическое здоровье человека, трудолюбие, умеренность, заботу о семье и нуждающихся, осуждение корысти и паразитизма, бережное отношение к окружающему миру. Этим принципам следуют или стараются следовать миллионы людей. Для них ислам – образ жизни, жизненный уклад, сохраняющий человеческое достоинство и духовное равновесие. Это их культура, которая определяет рамки свободы. Той свободы, что не только не противоречит фундаментальным гуманитарным завоеваниям человечества, но и сберегает собственные цивилизационные ценности.

Вслед за трагедией расстрела в «Шарли Эбдо» и последующими актами террора и вандализма в различных странах мира вновь начала всерьез обсуждаться известная тема столкновения цивилизаций – концепция провокационная, рисующая картину фатальной несовместимости западной культуры с восточными, прежде всего с исламской. В действительности на примере с «Шарли Эбдо» наблюдается не борьба цивилизаций, а столкновение невежества с невежеством, необразованности с необразованностью, бескультурия с бескультурьем, циничного святотатства со слепым религиозным фанатизмом. Одни позволяют себе вседозволенность от имени главенства прав человека, другие от имени Бога. Столкнулись антикультуры – крайнее с крайним. Именно между ними возникли непреодолимые противоречия, но отнюдь не между мировыми цивилизациями.

Вышеприведенные размышления о деградационных социокультурных сдвигах в западном мире не стоит воспринимать как явление тотального упадка западной цивилизации. Нарботанные в ней веками фундаментальные культурные достижения продолжают определять образ мыслей и поведения значительной части граждан этого цивилизационного мира, обогащали и продолжают обогащать культуры других народов, одновременно впитывая ценности остального мира.

Высокая европейская культура жива и ставит свои заслоны нивелированию человека под серенький образец хомозкономикуса,

выдвигает собственные передовые идеи мирового развития. Вот только, к сожалению, они подчас малоизвестны, перекрываются дирижерами «цивилизации бизнеса», заглушаются хором ее поклонников.

Точно так же и исламская цивилизация прошла длительный эволюционный путь, сохранив при этом основополагающие нравственно-этические ценности. На их основе выстраиваются принципы и шаги по внедрению различных элементов исламской экономики, демократии и социального государства. Обобщая, можно сказать, что они являют миру специфический «третий путь» развития – срединный вариант между крайностями неолиберализма (дерегулированием экономики, голым материалистическим расчетом, доминированием эгоизма и личной мотивации) и жесткими социалистическими (коммунистическими) экспериментами, низводящими частную собственность, индивидуальный стимул и свободу граждан до минимума.

Современный ислам выдвигает концепцию срединного пути. Она охватывает важнейшие сферы жизни мусульман, начиная от богословия, образования до права, политики и экономики. В ней превалирует стремление к балансу личных и общественных интересов, сохранению высоких идеалов мусульманской культуры. С этой позиции исламское учение не отвергает рыночную экономику как таковую, но требует разумного и справедливого ее регулирования. Не отвергает и демократическое устройство. В то же время оно ставит пределы рыночному обществу безграничного потребления, призывает к умеренности и гармонии с окружающим миром, что созвучно набирающим популярность западным концепциям этической экономики и устойчивого развития.

Те же проявления джихадистского террора, которые ежедневно у всех на виду, это не что иное, как примеры скатывания к дикости, варварству, тирании и невежеству. Это возвращение к той архаике, которая обречена на презрение в современном мире, в том числе и мусульманском. Не стоит забывать, что именно в борьбе с дикостью рождался ислам.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир».*

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

С. Филатов,

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник (ИВ РАН)

КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

В ПОИСКАХ РЕЛИГИОЗНОГО МИРА

Для кабардинцев и балкарцев характерно позднее и сравнительно поверхностное восприятие ислама. История религии этих двух народов связана с попеременным почитанием языческих, христианских и мусульманских традиций, каждая из которых оставила след в духовной и культурной жизни этих народов. При этом последние две религиозные системы часто мифологизируются и приобретают определенные черты языческих культов. Нахождение на одном урочище христианских и мусульманских памятников и совершение здесь же языческих обрядов для многих жителей Балкарии и Кабарды остается нормальным явлением.

До сих пор в ущельях Кабарды можно увидеть сосны, увешанные разноцветными лентами – знак почитания местными жителями священной природы. В синкретичном сознании кабардинцев сохраняется поклонение «троице»: великому богу Тха, богу души Псатхэ, богу неба Уашхо. Имя бога Тха кабардинские предания связывают с Эльбрусом (*Уэцхьэ-махуэ* – гора счастья). После проникновения в Кабарду ислама Эльбрус стали считать местом обитания Джин-падишаха, царя духов и властителя птиц, который обладает чудесным даром предугадывать будущее. Перед каждым новым годом многие кабардинцы считают своей обязанностью совершить своеобразный «хадж» – идти на поклонение к Джин-падишаху. Но так как до вершин Эльбруса добраться невозможно, то паломники обычно направляются к урочищу Татартуп (Татарский холм) на западном берегу Терека, на одной из стен которого когда-то были обнаружены изображения Богородицы и Иоанна Крестителя. Об удивительной живучести древних народ-

ных верований говорит, например, бытование такого обряда, как *ханцегуацэ* – вызывание дождя (во время засухи по селу носят лопату, наряженную в женское платье, в каждом доме ее обливают водой и чем-либо одаривают). Синкретичное сознание кабардинского народа хорошо отражается в народной поговорке: «Лучше уважать всех богов, чем возносить молитвы одному, а других не помнить. Ведь остальным будет обидно».

Одной из главных национальных особенностей адыгов (в том числе кабардинцев) является наличие своеобразного этического кодекса – *адыгэ хабзэ*. Адыгэ хабзэ является сводом правил семейно-бытовой и хозяйственной жизни, а также рыцарским кодексом чести. Соблюдение кодекса чести и нравственных правил, им предписываемых, скреплялось клятвой именем языческого бога Тха.

По мнению некоторых современных кабардинских идеологов, адыгская этика является единственной истинной национальной религией адыгов, ниспосланной Богом, под которым подразумеваются языческий Тха, христианский Бог и Аллах. По мнению современного общественного деятеля и ученого Баразби Бгажнокова, именно адыгская этика сделала кабардинский ислам более веротерпимым и культурным, создала слой мусульманской интеллигенции – аристократии Кабарды, уничтоженной полностью при советской власти. Бгажноков дает адыгское определение ислама: «Мусульманство – это соблюдение принципов адыгской этики, сопровождающееся знанием Корана, исполнением исламских обрядов и ритуалов. В традиционном общественном мнении обладающий мусульманством – культурный, интеллигентный и благочестивый человек, входящий, благодаря этому, в элиту адыгского общества. Такие отношения с исламом обогащают адыгскую этику, снабжают ее новым, еще более богатым духовным содержанием».

Адыгство становится высшей реальностью и конечной целью бытия. «Создатель на небесах и дарованное им адыгство на земле» – таков традиционный символ веры адыгского народа. С другой стороны, это создает почву для утверждения гуманистического ислама, в котором доминирует культура мира, согласия, взаимопонимания»¹. Понятие мусульманства для значительной части кабардинцев, сконструированное как смысловое производное от адыгства, предполагает соединение ислама и адыгэ хабзэ.

---

¹ Бгажноков Б.Х. Адыгская этика. – Нальчик, 1999. – С. 85.

Во многих случаях адыгэ хабзэ считается важнее шариата. В этой системе этических норм важное место занимают традиции почитания старших («власть старшего равна власти Бога»); культ предков; воинская доблесть («из адыгского воина так же трудно сделать муллу, как из турецкого муллы – воина»); почитание гостя; культ семьи, а также обряды, связанные с пищей («пища важнее Корана»). В селах древние народные обычаи сохранялись на протяжении всех лет советской власти и заметно усилились в последние годы. Единственным обрядом, в котором в большой степени сильна мусульманская традиция, остаются похороны (хотя и этот обряд в определенной мере дополнен домусульманскими обычаями). Современный исследователь адыгской культуры Б. Бгажноков отмечает, что адыгская этика вовлекает в сферу своего влияния религиозное сознание и подчиняет его. Это явление актуально для всех периодов исторического развития адыгов-черкесов (кабардинцы – пятигорские черкесы).

Адыгэ-хабзэ обладает столь большой социально-бытовой ролью в Кабарде и в других адыгейских регионах, что адыгство было объявлено творением Бога. По мнению Б. Бгажнокова, «в сознании основной массы черкесского населения – это способ бытия в мире, дарованный народу мусульманским Аллахом или языческо-христианским Тха, подобно тому, как самим Создателем спускаются народам Священные писания. Поэтому считается, что человек, не соблюдающий заповедей адыгства, навлекает на себя гнев самого Бога. Распространены суждения типа: «Когда наши души покинут тело и предстанут перед Аллахом, он спросит с упреком: “Я даровал вам адыгагэ, чтобы вы жили в соответствии с его законами, почему же вы пренебрегли моим даром?”» Таким образом, «адыгская этика сопоставима с непоколебимой национальной религией, которая лояльно и терпимо воспринимает мировые религии – ислам и христианство»¹.

У балкарского народа (тюрков по происхождению) также существует свой народный этикет – *тауадэт* (горный адат), который столь же тесно связан с исламом, как и у кабардинцев. Тауадэт с культом бога Тэнгри (аналог кабардинского Тха) в основном повторяет нормы адыгэ-хабзэ (многие исследователи полагают, что горный адат у балкарцев заимствован у кабардинцев).

Начавшееся в годы перестройки возрождение ислама постоянно находится в сложных отношениях с адыгэ-хабзэ. Эти отно-

---

¹ Бгажноков Б.Х. Адыгская этика. – Нальчик, 1999. – С. 84.

шения могут принимать и форму симбиоза, и жестокого взаимного конфликта. Одним из проявлений сложности этих отношений может служить идеология лидеров основной национальной организации кабардинцев – Адэгэ Хасэ (Черкесского конгресса). Среди них есть и сторонники мирного симбиоза и фактического равноправия адыгэ-хабзэ и ислама, первенства ислама, первенства адыгэ-хабзэ.

В 1980 г. в Кабардино-Балкарии было лишь две официальные действующие мечети – в Нальчике (центр Кабарды) и в Кызбуруне (на балкарской территории). Начиная с 1985 г. наблюдается постепенное увеличение числа мусульманских объединений. К концу 1980-х годов число мечетей увеличилось до девяти. В 1989 г. Духовное управление мусульман Северного Кавказа (ДУМСК), существовавшее в советские времена, распалось на семь самостоятельных республиканских духовных управлений. В 1990 г. в Нальчике состоялся 1-й съезд мусульман КБР. На нем было образовано Духовное управление мусульман Кабардино-Балкарии. Основным кандидатом, которого поддерживали власти, национальные кабардинские организации и кабардинское духовенство, был Шафик Пшихачев, единственный кабардинец, имевший хоть какое-то мусульманское образование и заканчивавший в то время учебу в Сирии. Балкарцы выдвинули Шарафутдина Чочаева. Пшихачев взял самоотвод, по его предложению муфтием был избран репатриант из Иордании Мухаммед Хуанж, а заместителем Чочаев. Через год, доучившись, Ш. Пшихачев возглавил муфтият. Чочаев остался заместителем с широкими полномочиями. Как раз в это время разгорелся конфликт между кабардинцами и балкарцами. Пшихачев сохранял в этом конфликте нейтралитет, одновременно подчеркивая роль Чочаева. В результате такой политики удалось избежать раскола муфтията на кабардинский и балкарский. С тех пор муфтий – всегда кабардинец, единственный заммуфтия – балкарец.

В 1992 г. президентом КБР был избран Валерий Коков. С этого момента сложилась прочная связь муфтията с республиканской властью, несмотря на то что в республике существовала влиятельная оппозиция Кокову. Ш. Пшихачев последовательно проводил политику возрождения ислама, как он ее понимал: максимальное сотрудничество с властью, союз с Адэге Хасэ и другими общественными организациями. Всё это предполагало и идейный компромисс с адыгэ-хабзэ, с общественным мнением.

В 1992 г. началась разработка проекта по строительству в Нальчике крупного общественно-религиозного центра, где пред-

полагается разместить ДУМ КБ, Исламский университет, молельный зал на 1,5 тыс. мест, зал бракосочетаний, конференц-зал, библиотеку, книгохранилище, типографию (архитектор – Заур Матуев). В 1994 г. мусульмане республики с участием президента республики В. Кокова, представителей общественных организаций, районных и городских органов власти заложили первый камень этого религиозного центра.

Ш. Пшихачев выступал против введения норм шариата. Он считал, что шариатские нормы следует воспринимать «духовно», «символически». По выражению одного из руководителей ДУМ, «шариатское законодательство здесь никогда не получится. Нам шариат не нужен, если будешь к этому призывать, то обманешь народ. В Мекке даже бесплатно не буду жить». Суфийская традиция, по словам заместителя муфтия Тахира Атмурзаева, «является интеллектуальной традицией ислама, а суфизм имеет свои исторические корни в Кабарде. Суфийская традиция еще почитается в селах среди стариков, в Кабарде – суфийские шейхи из Дагестана до революции внесли в ислам особую философскую глубину». Лидеры Духовного управления надеются, что им удастся создать такую культурную атмосферу, «которая существовала в Кабарде до революции в среде кабардинской мусульманской интеллигенции, когда шариатское судопроизводство сочеталось с местными традициями, а ислам считался самым мягким, веротерпимым и лояльным по отношению к России на Северном Кавказе». Ш. Пшихачев придерживался либеральных взглядов на ислам, склонялся к внедрению европейских ценностей в мусульманское мировоззрение, считал себя скорее единомышленником либерального муфтия Талгата Таджуддина, чем Равиля Гайнутдина.

В 1990-е годы основными направлениями политики исламских лидеров Кабардино-Балкарии были организация мечетей во всех населенных пунктах (что к 2010 г. было достигнуто) и развитие мусульманского образования и подготовка собственных преподавательских кадров в различных учебных заведениях, прежде всего на Ближнем Востоке. В 1991 г. в Нальчике открылась первая официальная школа-медресе, которая в 1993 г. была преобразована в Исламский институт. Институт менял названия, периодически то закрывался, то открывался.

В первые годы наблюдался большой наплыв желающих получить духовное образование, к нашему времени набор студентов крайне мал – профессия имама обрекает на нищенское существование. Около сотни студентов из Кабардино-Балкарии проходили

обучение в Саудовской Аравии (Университет Мохаммада бен Сауда), Египте, Сирии, Иордании и Турции. Поддержку мусульманским общинам оказывали арабские благотворительные организации, аккредитованные в республике, такие как Международная организация «Спасение», Всемирная ассамблея исламской молодежи «ан-Надва» и др. При содействии Саудовской Аравии в Нальчике был создан Центр исламской молодежи, организовано отделение Международной организации по спасению ислама «Дагуат». В штате «Дагуат» работали до 50 сотрудников, закрепленных за конкретными населенными пунктами. Деятельность и планы организации координировались Духовным управлением и Советом раис-имамов КБР. Основным объектом пропагандистской деятельности были детские сады и школы. Как сказал кади Духовного управления КБР Аль-Хадж Шарафутдин Чочаев, «через детей мы надеемся влиять на родителей». Изучение основ ислама постепенно вводилось во всех общеобразовательных школах республики. Официальные медресе, кроме г. Нальчика, были открыты в г. Баксане, пос. Куркужин Баксанского района, пос. Сармаково и Камлюково Зольского района. Расширенное обучение исламу детей всех возрастов осуществлялось в г. Тырныауз.

С середины 1990-х годов в КБР сформировалась легальная оппозиция руководству ДУМ, которую обычно называли «молодые мусульмане». Для них истинная вера – это чистый ислам, без примесей народных обычаев и суфийской традиции. Шариат является нормой мусульманской жизни, идеалом, который, по возможности, нужно достичь. Лидеры оппозиции в первые годы официально состояли в ДУМ. Неформальными лидерами оппозиции были имам-хатыб мечети в Вольном Ауле (около тысячи прихожан) – Муса Мукожев, ученик Ахмада-кади Ахтаева, одного из учителей умеренного ваххабизма, и Анзор Астемиров, игравший роль главного идеолога движения. Муса Мукожев до 2000 г. был главой закрытого властями исламского центра, который занимался изучением арабского языка и чтением Корана.

Оппозиционеры обвиняли ДУМ в губительной, по их мнению, для ислама в республике лояльности властям, в том, что руководство муфтията не отстаивает интересов мусульман перед властями, а его руководство не придерживается ортодоксального ислама. Сторонники М. Мукожева и А. Астемирова считали, что ислам в Кабардино-Балкарии должен возрождаться с чистого листа. Если в Кабарде и была какая-то суфийская традиция, то ее следует забыть, а местные народные традиции, связанные с адыгской

этикой, не должны противоречить исламу, тем более что, по мнению противников ДУМ, всё лучшее есть в чистом исламе. Применение ислама, по их словам, должно быть полным, но путем образовательного и культурного роста верующих. В первые годы своей деятельности они выступали только за мирные методы. Многие люди, в том числе христианские священники, вспоминают Анзора Астемирова, как очень открытого, вежливого и хорошо образованного человека, с которым было интересно дискутировать. Но уже тогда наиболее радикальные представители исламской молодежи становились боевиками, выступающими за идею исламского государства. Во второй половине 1990-х годов в кабардинском исламе стали проявляться экстремистские тенденции, которые вызвали со временем ответную реакцию сопротивления со стороны властей и значительной части общества.

Первым выплеском зрелого в мусульманской среде неприятия «придворного ислама» стал поход амира А. Каздохова на ДУМ в 1996 г. Причем Каздохов угрожал ДУМ «штыками правоверных». Каздохова остановили, но его нелепый поход положил начало движению исламских экстремистов и террористов. В 1997 г. была совершена попытка взорвать памятник 400-летия присоединения Кабарды к России. В 1998 г. была разгромлена банда ваххабита А. Атабаева. Вскоре после этого было обстреляно из гранатомета здание МВД. В начале 2000 г. от Мукожева откололись сторонники террористических действий братья Аслан и Руслан Беккаевы, к которым присоединилось около 300 радикальных ваххабитов. Беккаевы установили тесные связи с карачаевскими ваххабитами-террористами, которых возглавлял Хызыр Салпагаров. Объединение произошло в середине 2000 г. В качестве общей базы была выбрана заброшенная ферма на плато Бечасын на границе Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Грузии. Там была оборудована военная база. Боевики Салпагарова и Беккаевых совершили ряд террористических актов на территории Северного Кавказа. В течение 2001 г. группировка Салпагарова–Беккаевых была разгромлена. Братья Беккаевы и ряд их сторонников бежали за границу. Другие были арестованы, погибли или скрылись в Чечне¹. Убийство в мае 2001 г. в г. Тырныаузе православного священника Игоря Розина балкарцем радикально мусульманских взглядов произвело сильное впечатление на общественность

---

¹ Известия, 2002.13.05. Пунанов Г. Ваххабитское подполье. Партизанский джихад против России продолжается.

республики. Убийца был признан невменяемым по причине психического заболевания, но это не сняло возникшего напряжения.

Опасность «ваххабизма» и экстремизма в Кабардино-Балкарии власти и общественность связывали в 1990-е годы в основном с полулегальными общинами и с подпольными группами, которые возникали спонтанно и в результате деятельности чеченских и ближневосточных проповедников «чистого ислама» и «священной войны» с «неверными» в России. По словам главы ДУМ КБ муфтия Шафика Пшихачева, в республике «есть подпольные амиры, собирающиеся создавать халифат... Это неформальные молодые люди, которые очень не любят слово “ваххабит”, но очень похожи на них»¹. Наличие независимых исламских организаций вызывало беспокойство у муфтия. В декабре 2002 г. Шафик Пшихачев, не выдержав давления со всех сторон, добровольно ушел в отставку. Муфтият возглавил его родственник Анас Пшихачев, которому и пришлось лицом к лицу столкнуться с радикальной оппозицией.

В конце 1990-х годов возникла оппозиционная структура – Джамаат Кабардино-Балкарии, которая в любой момент была готова заменить действующую административную систему официального муфтията. В его организации были те же управления, что и в администрации президента Кабардино-Балкарии. Джамаат Кабардино-Балкарии был создан имамом мечети селения Вольный Аул Мусой (Артуром) Мукожевым, который и стал его первым лидером (амиром). Джамаат имел четкую структуру подчинения – лидер, его заместители (наибы), старшие групп, каждый из которых выполняет те или иные обязанности – руководство физической подготовкой рядовых членов джамаата, религиозное обучение (чтение лекций и проповедей) и т.д. По данным правоохранительных органов, отделения джамаата существовали практически во всех районах, объединяя до 10 тыс. человек. С самого начала деятельности джамаата его руководители противопоставили себя официальному Духовному управлению мусульман Кабардино-Балкарской Республики, республиканским властям и правоохранительным органам.

К 2004 г. центрами радикальной исламской оппозиции стали сёла Сбрун-3, Куба-Таба, Вольный Аул, где молодые исламисты физически выдавили последователей традиционного ислама из

---

¹ Титова Т. Кабардино-Балкария: Регистрация продолжается. Кестонская Служба Новостей. 3.11.2000.

мечетей¹. Пиком роста экстремистско-террористической активности стали события середины нулевых годов. Первое из них – выявленный факт длительного пребывания лидера чеченских террористов Басаева в КБР, закончившийся осенью 2003 г. неудачной попыткой его задержания. В ответ на рост экстремизма со стороны властей приблизительно с 2000 г. усиливается политика преследования исламистов и ограничения деятельности мусульманских организаций.

В 1999 г. был принят республиканский Закон о свободе совести. По признанию консультанта по религиозным организациям Хаджимурата Езиева, требования закона разработаны специально для контроля деятельности мусульманских общин. Для регистрации религиозной организации, согласно закону, требуется 50, а не 10 человек, как в федеральном законе. Религиозные группы, могущие существовать без регистрации по федеральному закону, законом КБ не предусмотрены, любое религиозное объединение граждан имеет право на существование только в случае прохождения государственной регистрации. Эти ограничения вызвали трудности в перерегистрации мусульманских общин в 2001 г. – десятки из них подверглись тщательной проверке. Опасения вызвала поддержка, которую мусульманским общинам оказывали арабские организации, аккредитованные в республике. В течение нескольких лет после 2000 г. по распоряжению властей все исламские центры, за исключением исламских компьютерных курсов, были закрыты. Любая деятельность мусульман стала легальной только в рамках ДУМ.

Во второй половине 2003–2004 гг. против руководителей и членов Джамаата КБР были предприняты активные силовые действия – массовые обыски, задержания – в связи с появившейся информацией о том, что на территории республики длительное время практически открыто находился командир чеченских банд Шамиль Басаев.

Было пересмотрено решение о строительстве исламского центра в Нальчике. Власти сочли, что внушительный исламский центр в городе не нужен и выделили мусульманам под мечеть бывший кинотеатр на окраине города. Общественная активность мусульман 90-х годов была также поставлена под контроль властей. Большинство мечетей было разрешено открывать только по пятницам и только на полтора часа. Муфтий Анас Пшихачев

---

¹ НГ-регионы, 19.01.2004.

с возмущением отмечал, что после 2000 г. контроль со стороны властей над жизнью мусульманских общин стал слишком жестоким. Он утверждал, что «по устному распоряжению главы МВД республики милиционеры опечатывают мечети, запрещают посещать мечети иногородним, ведут запись прихожан. Милиция не раз заявляла о фактах обнаружения в наших мечетях оружия, бронежилетов и мишеней для стрельбы, но пока не представила доказательств. Под подозрение попали десятки мечетей, молодых людей без всяких на то оснований задерживают, избивают и запугивают»¹.

Вместе с тем Анас Пшихачев несколько непоследовательно заявлял о том, что подобная деятельность властей одновременно имеет позитивную сторону, т.е. направлена против распространения ваххабизма в республике. В частности, муфтия вполне устраивало то, что участковые милиционеры следили за тем, чтобы проповедь в мечетях проводилась только с разрешения Духовного управления КБР. Кадровая политика муфтията с тех пор находится под полным контролем властей республики, которые стремятся сделать ДУМ органом, которому все мусульманские общины в Кабардино-Балкарии полностью подвластны. Выборность имамов в общинах строго регламентирована – избранный членами джамата имам должен пройти утверждение у раис-имам (районного имам) и получить аттестацию в Духовном управлении, где для этого существует специальная комиссия.

Однако террористическая деятельность радикалов только набирала силы. После разгрома Кабардино-Балкарского джамаата ведущая роль в ваххабитской оппозиции муфтияту и светским властям перешла к джамаату «Ярмук». Основой джамаата «Ярмук» стали десять жителей Кабардино-Балкарии (среди них Адамей Джаппуев) во главе с Муслимом Атаевым, возвратившихся в 2002 г. в КБР из Грузии, где в Панкисском ущелье они примыкали к отряду чеченского полевого командира Руслана Гелаева.

Первое столкновение правоохранителей с боевиками джамаата относят к бою 18 августа 2004 г. в Чегемском районе республики, когда их группировка численностью в несколько десятков бойцов попала в окружение, из которого сумела вырваться; боевики тогда потеряли двоих, а федеральные силы – троих убитыми, пятеро получили ранения (<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B6%D0%B0%D0%BC%D0%B0%D0%B0%D1%82>

---

¹ НГ-регионы, 19.01.2004.

%D0%AF%D1%80%D0%BC%D1%83%D0%BA – cite_note-auto-generated2-6).

14 декабря под руководством Астемирова и Горчханова боевиками Ярмука было совершено вооруженное нападение на дежурную часть управления Государственного комитета по контролю за незаконным оборотом наркотиков, тогда Горчхановым были убиты четверо полицейских, боевики захватили более 250 единиц оружия (80 автоматов и 182 пистолета, а также свыше 25 тыс. патронов). В ходе расследования были получены показания против нескольких руководителей, в том числе Анзора Астемирова, который скрылся от правоохранительных органов, как и Муса Мукожев. После спецоперации в Нальчике в январе 2005 г., когда был убит лидер «Ярмука» Муслим Атаев, «Ярмук» был объявлен полностью уничтоженным. Однако впоследствии оказалось, что это не так. С 2005 г. «Ярмук» входил в состав Кавказского фронта – объединения диверсионно-террористических организаций, действующих на территории всего Северного Кавказа. Руководство «Ярмуком» перешло к Астемирову и Горчханову.

В 2005 г. Валерия Кокова на посту президента КБР сменил Арсен Каноков. Президент Каноков пошел на некоторое смягчение религиозной политики. Власти пошли навстречу ДУМ КБР и дали ход некоторым мусульманским инициативам при условии жесткого контроля со стороны правоохранительных органов. Ослабили жесткие зачистки в мечетях. Возобновилось строительство исламского центра. Но в условиях непрекращающихся терактов у нового президента было узкое поле для маневра, и попытки смягчить позицию исламистов не дали серьезных результатов.

Радикальное исламское движение уже приобрело свою инерцию. В 2005 г. кабардинские исламисты совершили свою самую дерзкую и кровавую вылазку. Утром 13 октября 2005 г. несколько групп вооруженных исламистов совершили нападения на органы власти и правоохранительные учреждения в разных районах г. Нальчика. Бои шли более суток, после чего последние очаги сопротивления мятежников были подавлены. В результате террористического нападения погибли 92 участника нападения, 12 мирных граждан и 35 представителей силовых структур. Нападением на Нальчик руководили Астемиров и Горчханов.

В августе 2006 г. после ожесточенного боестолкновения исламистов со спецслужбами в пригороде Нальчика начальник управления ФСБ РФ по КБР генерал-майор С. Ушаков сообщил, что в КБР продолжают действовать подпольные экстремистские

организации: джамаат «Ярмук» и так называемая «Республиканская Шура», возглавляемые лидерами бандподполья Анзором Астемировым и Мусой Мукожеевым, объявленными в федеральный розыск после нападения на Нальчик в октябре 2005 г.¹

В ноябре 2006 г. Анзор Астемиров, руководивший нападением экстремистов на Нальчик в декабре 2004 г. и в октябре 2005 г., разместил свое обращение к властям России на сервисе Google Video: «Мы не признаем никаких законов, кроме законов Аллаха, а те, кто не желает покориться Аллаху и жить по его законам, будут наказаны», – заявил боевик². Он также призвал сражаться с помощниками сатаны и «вести джихад против системы международного сатанизма, частью которой является и Русское государство, которое с давних пор пытается искоренить ислам, поработить мусульман, а наших детей отвратить от их веры. ...Мусульмане Кавказа, Урала, Поволжья и Татарстана объединились в борьбе за веру, и джихад распространяется на оккупированных мусульманских землях»³. Астемиров объявил Кабардино-Балкарию зоной боевых действий и пообещал в ближайшее время провести масштабные теракты на ее территории. Начать масштабную террористическую кампанию «амир Кабардино-Балкарии» пообещал с уничтожения «предателей»: крупных чиновников республики, священнослужителей, бизнесменов, поддерживающих власть. «До некоторых пор мы были снисходительны к тем, кто считает себя мусульманином, но теперь все будет по-другому. Теперь мы будем смотреть, кто мусульманин на деле, а не на словах». Он также объявил, что боевики теперь будут от имени Аллаха карать мусульман-предателей. Кроме того, Астемиров заявил, что в ваххабитское подполье входят не только рядовые граждане Кабардино-Балкарии, но и представители силовых структур, правоохранительных органов, которые помогают возрождению исламской республики.

В мае 2009 г. в перестрелке с милицией был убит Муса Мукожеев. В марте 2010 г. лидер джамаата Астемиров погиб в бою с бойцами правоохранительных органов. Несмотря на потерю лидеров, исламистам удалось расправиться с муфтием КБР. 15 декабря 2010 г. Анас Пшихачев был убит в Нальчике. 15 марта 2011 г. на внеочередном съезде мусульман республики председа-

---

¹ НГ, 14.08.2006.

² NEWSru.com. 17.11.2006.

³ Ibidem.

телем Духовного управления мусульман (муфтием) был избран Хазретали Дзасежев. Дзасежев продолжил политику своего предшественника. После гибели лидера джамаата Астемирова в марте 2010 г. и почти одновременного уничтожения в КБР нескольких его ближайших соратников им на смену пришли новые исламисты, вместо «Ярмука» организовавшие Объединенный вилайят Кабарды и Карачая – Имарат Кавказ. Фактически они находятся на «самофинансировании» – обложили «налогом на джихад» местных предпринимателей под угрозой расправы.

В феврале 2011 г. боевики сорвали курортный сезон в поселках Приэльбрусья, совершив ряд терактов, подорвав канатную дорогу в Эльбрусском районе и расстреляв там же спустя несколько дней группу туристов из Москвы – в ряде районов КБР был введен режим контртеррористической операции, действовавший вплоть до ноября (Известия, 27 января 2012 г.). К ноябрю 2011 г. глава республиканского Следственного комитета Валерий Устов заявил, что указанные теракты фактически раскрыты, часть причастных к ним людей уничтожена в ходе спецопераций, а часть находится в розыске. По словам Устова, криминогенная обстановка в республике остается сложной, на предложение властей боевикам сдаться не явился ни один человек, местные жители не выдают боевиков даже за обещанную награду до 2 млн руб.¹

26 января 2012 г. боевики ворвались в спортзал школы в центре Нальчика, где старший лейтенант ВВС Денис Николаев играл в волейбол с приятелями, и устроили над ним показательную казнь. По данным спецслужб, акцию провели члены подполья из числа остатков местного джамаата «Ярмук». Жертвами террора, как в перечисленных двух случаях, иногда становятся русские, но большинство жертв – кабардинцы и балкарцы. Салафиты-террористы считают первоочередной задачей «исправление души» горцев. Местные полицейские, чиновники, «неправильные» имамы и представители светской интеллигенции – главные цели террора.

С тех пор в Кабардино-Балкарии регулярно происходят вооруженные вылазки террористов. Новых ярких лидеров, подобных Астемирову и Мукожеву, у исламистов больше не появлялось. Силовики регулярно объявляют о ликвидации новых малоизвестных лидеров, но после этого спокойнее не становится. Республика находится в состоянии вялотекущей гражданской войны. Ваххабитские настроения широко распространены среди учащихся

---

¹ Известия, 21 ноября 2011 г.

средних школ, техникумов и вузов республики. Как пишет Аккиева, согласно различным опросам, около 30% учащихся кабардинской и балкарской национальности разделяют ваххабитские настроения или сочувствуют им, причем кабардинцы более религиозны, чем балкарцы. За последние 16 лет в ислам обратились несколько десятков русских, некоторые из них присоединились к боевикам. Неудовлетворенность федеральных властей неэффективностью борьбы с терроризмом привела к смене главы республики. В декабре 2013 г. главу республики Канокова сменил Юрий Коков, большую часть жизни проработавший в правоохранительных органах. Эксперты ожидают, что это назначение приведет к ужесточению политики по отношению к исламским экстремистам.

Борьба силовиков с террористами – это не изолированная борьба этих двух групп. Среди кабардинской и балкарской общественности и интеллигенции растет страх за будущее своих народов и республики в целом. Люди боятся, что их земля превратится в арену полномасштабной кровавой войны, как это случилось в Чечне и Дагестане. Мне приходилось говорить с видными представителями кабардинской интеллигенции, принципиально решившими ничего публично не говорить о религии, чтобы (не дай Бог) не подлить масла в огонь. Растянувшееся на многие годы строительство громадного исламского центра в Нальчике вызывает заметные протесты части общественности, опасющейся, что этот центр может превратиться в рассадник исламизма.

В трудном положении оказались последовательные сторонники адыгэ-хабзэ. Наиболее видный и популярный среди них – этнограф, доктор филологических наук Арсен Ципинов. Ципинов занимался на практике восстановлением полного круга языческих праздников и древнекабардинского мировоззрения. Ципинов заведовал Отделом черкесского фольклора в Кабардино-Балкарском институте гуманитарных исследований и читал лекции в Кабардино-Балкарском государственном университете. Он часто проводил в Нальчике черкесские (адыгские) фольклорные праздники, пропагандировал традиционные черкесские ценности и противостоял исламизации общества. Идеология Ципинова включала в себя идеи открытости всему миру, его духовным и культурным ценностям. Подобная позиция находит серьезный отклик у значительной части интеллигенции, гордящейся светской кабардинской культурой. Такие видные деятели искусств, как музыкант Юрий Темирканов, скульптор Михаил Шемякин, постоянно проживающий в Испании

художник Мухаммед Кишев, не утратили связи со своей родиной, участвуют в развитии культуры республики и являются предметом национальной гордости кабардинцев. Исламизация КБР угрожает развитию европейски ориентированной культуры горцев.

Ципинов, как никто, резко выступал против исламизации: «Ни в одну эпоху, ни в одно время, ни в одно столетие никакая религия, ни христианство, ни ислам не взяли верх над нашим народом... Нас огнем и мечом пытались исламизировать... Наши предки, уже наученные опытом общения с миссионерами, которые несли христианство в нашу среду, сказали: “Религии приходят и уходят, а мы остаемся со своим народом”...»¹

В конце нулевых годов деятельность Ципинова вызвала горячую полемику в нальчикских СМИ. Заголовки газет того времени: «Кто ведет нас к язычеству?», «Кто не хочет, чтоб кабардинцы были мусульманами?» Взгляды Ципинова вызвали осуждение не только сторонников чистого ислама, но и многих традиционно мыслящих людей. Вообще отказаться от ислама – это слишком. 29 декабря 2010 г. Ципинов был убит боевиками. Вскоре после убийства в Интернете появилось заявление убийц Ципинова, в котором утверждалось, что Ципинов был врагом ислама и совращал исламскую молодежь. В марте 2011 г. появилось официальное сообщение, что убийца Ципинова амир Ратмир Шамаев был ликвидирован силовиками. После убийства Ципинова движение возрождения идентичной кабардинской духовности резко пошло на спад. Сторонники его взглядов прекратили или резко ослабили свою деятельность не только из соображений личной безопасности, но и в силу своей идеологии – превыше всего сохранение народа, которому угрожает межрелигиозный конфликт: лучше отступить, чем губить народ в кровавом конфликте.

(Окончание в следующем номере.)

*«Экономические, социально-политические
и этноконфессиональные проблемы стран Востока»,
М., 2014 г., с. 179–199.*

---

¹ <http://adigasite.com/archives/1668>

А. Саидов,

кандидат философских наук

(ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет»)

ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ В РЕСПУБЛИКАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

По всеобщему признанию, в современных условиях исламский фактор на Северном Кавказе становится наиболее значимым в процессах функционирования и легитимации институтов власти и управления. Хотя северокавказские общества, официальные институты власти в них в значительной степени секуляризованы, религия сегодня оказывает всевозрастающее влияние на социально-политические ценности, продолжает играть важную роль в сфере политических символов. Регулируемые законодательством формальные институты власти и управления тесно взаимодействуют с неформальными, осуществляющими свою деятельность в соответствии с обычаями, традициями, религиозными нормами.

Неформальные институты в республиках Северного Кавказа имеют свою этническую и конфессиональную специфику, однако социально-политическая, культурно-нормативная матрица у них общая. Для понимания успехов, неудач, процессов легитимации власти и направленности трансформаций базовых институтов общества, сдвигов в социальной и политической сферах этих обществ важно проанализировать роль религии, и прежде всего – ислама.

Мусульманская религия в течение многих веков играла ключевую роль в формировании традиционных властных отношений, институтов и управления в данных обществах. Постсоветская архаизация социально-политических институтов на ведущие роли в общественной жизни в процессе легитимации власти вывела этноконфессиональные структуры. Соответственно ислам выступает одним из политических субъектов, реализующих организационно данный социально-политический процесс. Влияние мусульманской религии на механизмы функционирования и легитимации институтов власти и структуру северокавказских обществ пока недостаточно изучено. Несмотря на значительное число работ, посвященных изучению процессов социально-политических трансформаций данных обществ, систематического и развернутого анализа влияния ислама на эти процессы еще не осуществлено.

Исследование влияния религии на эти процессы – одна из наиболее актуальных задач современного российского обществознания.

Современное исламское возрождение на Северном Кавказе, определяющее нравственные, политико-правовые нормы поведения населения, семейно-бытовые устои, обусловливается закономерным стремлением человека, социальных групп к целостному восприятию бытия и себя как его неотъемлемой части. В повседневной жизни, вопросах личного статуса (брак, семья, наследование), а также в посткриминальном примирении северокавказский этноконфессиональный социум, ориентированный на ислам, опирается по-прежнему на принципы и нормы мусульманского и традиционного адатского права. Это следует рассматривать не столько как конфронтацию с современной правовой системой, сколько как продолжающуюся преемственность и воспроизводимость мусульманского права в конкретных условиях становления отечественного правового государства. Обладая авторитетом в глазах мусульман, оно, по признанному мнению Л.Р. Сюкияйнена, само выступает в качестве инструмента легитимации по отношению к позитивному праву [2, с. 38].

Данные процессы обусловлены важностью индивидуально-группового, духовно-нравственного восприятия мира. Ислам в обществе функционирует как социально-нормативная, конструирующая социальную жизнь религия. В нем общественно-политическое устройство, характер власти, ее деятельность, основные правовые положения регламентированы на уровне Божественного Откровения, что является уже не выражением желания людей, а императивом, обязывающим мусульман к социально-политическому, нормативно-правовому обустройству общества на основе принципов ислама.

Возрастание роли данной религии в регионе объясняется еще и тем, что сформировавшиеся в постсоветский период политико-институциональные структуры и формально-правовые нормы породили и узаконили дикую эксплуатацию человека человеком, невиданное в этих обществах социальное неравенство, массовое обнищание населения, социально-психологические расколы и конфликты. Религиозность в регионе стала неотъемлемой органичной частью социокультурной идентификации индивида и групп. Ислам превратился для значительного числа граждан северокавказских обществ в важнейший универсальный социально-политический фактор, оказывающий влияние не только на духовную, но и на все другие сферы жизнедеятельности этих обществ.

Реальная мотивация поведения в политической сфере, система политико-правовых ценностей и норм, отношение к институтам власти и управления во многом детерминированы религиозными воззрениями населения, ориентированными на субсидиарность, равенство и справедливость в отношениях между людьми. Данные процессы обуславливают культурные обычаи, традиции, образ жизни, сложившуюся веками систему самоуправления и самоорганизации.

Сегодня под воздействием религиозных морально-нравственных, политико-правовых устоев, передающихся из поколения в поколение, происходит формирование нового типа политического мышления. Рассматривая ислам как часть политико-культурной традиции северокавказских обществ, видя в нем важный фактор легитимации власти, мобилизации мусульманских масс, автор отмечает недостаточный учет данного фактора в деятельности официальных властей. Поэтому успешность и эффективность современных процессов легитимации власти в северокавказских обществах зависит от того, насколько широкий арсенал легитимационных факторов, социально-политических, правовых механизмов, ценностей и социальных общностей смогут задействовать социально-политические институты в данных процессах.

Анализируя политические и социокультурные процессы на Северном Кавказе, связанные с исламским ренессансом, М.Я. Яхьяев констатирует очень высокую степень религиозности населения в регионе. Выражением этого, по его мнению, является количественный рост практикующих мусульман, возрождение старых и строительство новых культовых сооружений, расширение системы религиозного образования и просвещения, всё большее утверждение исламской обрядности в повседневной жизни северокавказских народов. Он указывает на то, что «усиление влияния ислама на Северном Кавказе, и не столько на духовно-нравственные, сколько на экономические, политические, социокультурные процессы... уже само по себе является индикатором возрастания роли ислама в нашей жизни» [3, с. 86].

Являясь всеобщим социально обусловленным, нормативно-ценностным, регулятивным феноменом мусульманских обществ Северного Кавказа, ислам сегодня превратился также в мощный фактор самосознания северокавказских народов, процессов легитимации деятельности властно-управленческих институтов, стал залогом их стабильности. Осмысление понятия «исламский фактор» в статье связывается с его синтетическим характером, опре-

деляющимся не только как причина процессов легитимации власти в северокавказских обществах, но и как обозначение их движущей силы, важнейшее обстоятельство и событие. Роль институтов власти и управления в жизнедеятельности данных обществ невозможно переоценить, однако для устойчивого и стабильного социально-политического развития они должны быть не просто легальными, опирающимися на формальные юридические акты, а легитимными, т.е. пользоваться высокой степенью доверия и поддержки населения.

Концептуальное осмысление легитимации власти в северокавказских обществах в разные периоды истории связывалось с разными событиями и политическими процессами, происходившими в регионе, их спецификой функционирования, геополитическими ориентациями институтов власти и управления. В то же время эти процессы и явления происходили с учетом общественного мнения, под воздействием исламского фактора. Связано это с тем, что данная религия как целостная социокультурная, политико-правовая, институционно организованная система претендует на всеобъемлющее регулирование всех сторон жизнедеятельности мусульманского социума. Ислам в современных мусульманских обществах Северного Кавказа превратился в мощный источник легитимации институтов власти и управления, без поддержки широких слоев мусульманского населения они не могут быть легитимными. В северокавказских обществах нет социально-политических, правовых, экономических проблем, которые прямо или опосредованно не связывались бы с исламскими нормами и ценностями.

Религиозные структуры, система взаимоотношений и ценностей в них, являясь важным неформальным социальным институтом, участвуют в легитимации власти и управления, выполняя в определенной мере функцию обеспечения единства северокавказских обществ, выступая мобилизующим фактором политической активности мусульман. Легитимируясь в деятельности институтов власти и управления, ислам, обладающий высокой релевантностью в данных обществах, позволяющей сохранять религиозные традиции, начинает выступать в политических системах республик СКФО как политический фактор их легитимации.

Основополагающим и самым массовым из реально действующих политических субъектов, способных воздействовать на процессы легитимации власти в политическом процессе в данных обществах, является традиционный ислам. Представлено данное

течение гражданами, отправляющими традиционный для той или иной республики ислам на бытовом уровне. Важное место в структуре данного политического субъекта легитимации власти занимают институционализированное мусульманское духовенство в лице духовных управлений мусульман (ДУМ), административно-управленческие аппараты религиозных организаций, общественные движения религиозной направленности и т.д. Данный субъект легитимации власти и управления северокавказских обществ сегодня монополизировал сферу властно-конфессиональных отношений и уделяет большое внимание расширению своего политико-административного влияния в указанных обществах. Наряду с созданием религиозных вертикальных структур и иерархической системы соподчинения ДУМ пытаются провести как можно больше своих сторонников в республиканские и местные структуры власти и управления, с тем чтобы через них реализовывать свою политику. Институционализированный традиционный для этих обществ ислам сегодня взял официальный курс на установление тесных связей с органами государственной власти и управления, получение максимальной поддержки со стороны руководства республик. Такой поворот событий вызывает ожесточенное противодействие и раздражение сторонников радикального ислама.

Сопоставляя легитимационные социально-политические, ценностно-нормативные возможности традиционного и радикального ислама, М.Я. Яхьяев отмечает, что в современных условиях первый с его системой религиозно-политических норм и ценностей оказывается наиболее адаптированным к местным социально-политическим условиям. Данное обстоятельство «и обеспечивает доминирующее влияние традиционного ислама на широкие слои северокавказского населения, с одной стороны, а с другой стороны, поддержку традиционного ислама и республиканскими властями, и такими этническими элитами, которые связаны с властями или находятся в оппозиции к этим властям» [3, с. 87].

По мнению М. Вебера, религиозность политических субъектов способна придавать им особые харизматические качества, обладающие наибольшей легитимирующей силой, которые, не предъявляя высоких требований к их компетенции, несут в себе огромные созидательные и мобилизующие возможности. Как известно, ни одна власть не ограничивается добровольно только материальными, эмоциональными или идеальными мотивами в качестве основы, гарантирующей ее прочность. Каждая старается пробудить и упрочить веру в свою легитимность. Пробуждение

и усиление веры может основываться только на легитимации, приводящей к соответствующей интерпретации властной ситуации и признанию притязаний властей справедливыми, об этом свидетельствует утверждение Вебера, что любой власти требуется самооправдание. «Прочное осуществление власти всегда... отличается сильной потребностью в самооправдании посредством ссылки на принципы своей легитимации» [5, с. 122].

Следовательно, от того, насколько властные институты данных обществ используют в своей деятельности демократические, традиционные социально-политические, в том числе исламские ценностно-нормативные ресурсы легитимации власти, совмещают векторы демократического, социально-экономического и этноконфессионального развития, зависят степень доверия к ним и эффективность дальнейшей демократизации. С другой стороны, легитимация власти служит преодолению и разрешению весьма сложной и противоречивой социально-экономической, политико-культурной, этноконфессиональной ситуации, наблюдаемой в республиках Северного Кавказа.

Однако, несмотря на очевидность и доказательность приведенных положений, приходится признать, что одной из важнейших причин падения легитимности власти в регионе является замена демократических выборов и процессов их имитацией, приводящая к неподконтрольности власти местному населению, отсутствию у общества рычагов влияния на власть. Данные процессы ведут к потере веры в демократические идеалы и процедуры, к бесправию граждан, ослабляют способность местных элит разрешать многочисленные социальные проблемы и конфликты. Они привели к гораздо большей дестабилизации, чем в случае свободных и честных выборов с участием всех политических субъектов. Политические партии в республиках Северного Кавказа из-за массовых подтасовок на думских выборах перестали играть сколько-нибудь значимую роль, потеряли способность влиять на социально-политические процессы в данных обществах, не могут способствовать интеграции республик СКФО в социально-политическое, культурно-правовое пространство РФ. Полный произвол властей на муниципальных выборах заводит в тупик, отрывает от людей институты местного самоуправления.

Избранники власти, получившие доступ к социально-экономическим, административно-управленческим ресурсам на местах, заинтересованные в сохранении статус-кво, служат не народу, а чиновникам, способствовавшим их «избранию». Отсутст-

вие для подавляющего большинства граждан в данной социально-политической обстановке легальных каналов для политического участия и воздействия на власть способствует росту популярности альтернативных путей самоуправления и самоорганизации, основанных на радикальных исламских течениях и обычном праве. Люди укрепляются в своих местнических, националистических, религиозных убеждениях, способствующих отчуждению Северного Кавказа от остальной России.

Процессы легитимации органов власти и управления в северокавказских обществах, определяемые поддержкой или неприятием их деятельности широкими массами мусульманского населения, связываются с правомерным и справедливым использованием властью ресурсов общества ради достижения общих для всех граждан интересов и целей. В основе данных процессов лежат социально значимые, не противоречащие традиционным религиозным нормам, признанные общественным мнением причины, ценности, обстоятельства, обосновывающие и объясняющие правомерность власти современных политических субъектов, являющихся меньшинством. И данное меньшинство, опираясь на указанные основания, управляет большинством, а большинство, видя указанное соответствие, внутренне располагается (мотивируется) к реализации принятых меньшинством решений, добровольно подчиняется этому меньшинству.

Мотивационной основой такого поведения большинства может быть согласование базовых интересов и потребностей основных социально-политических субъектов. Право и деятельность политических субъектов подавляющим большинством мусульман региона признаются в зависимости от того, как эти субъекты в своей деятельности соблюдают общепринятые традиционные религиозные нормы и ценности, поддерживают ли они социально-экономическую политику властей.

Легитимация власти, являясь междисциплинарной проблемой, в социально-политическом аспекте связана с процессами демократизации общественной жизни. С другой стороны, данная проблема связана с процессами делегирования властных полномочий власти обществом и разделением их между институтами власти и управления внутри политической системы. В полной мере легитимация власти проявляется себя в устойчивом функционировании обратной связи между политико-правовыми действиями власти и процессами жизнедеятельности общества. Многосторонние, прочные взаимосвязи и взаимозависимости между властью и

обществом осуществляются в результате функционирования традиционных регулятивных механизмов взаимной ответственности, основу которых составляют система прав, обязанностей властно-управленческих институтов перед обществом и совокупность контрольных мероприятий общества над деятельностью власти. Социально-политическим результатом данных процессов легитимации власти становятся обеспечение социального порядка, поддерживаемого большинством, уравнивание действий власти и противодействий гражданского общества, ограничение их избыточных притязаний, способных дестабилизировать социально-политические процессы в обществе.

Ссылаясь на процессы легитимации, усиливая веру в справедливость своей деятельности, власть всё время старается накапливать аргументы в свое оправдание. Следовательно, власть легитимируется в той мере, в какой управляемое большинство признает за управляющим меньшинством право управлять и распоряжаться ресурсами общества. Определяемая таким образом легитимность, обеспечиваемая демократическими процедурами, массовой поддержкой и одобрением граждан, служит стабильности и устойчивости власти, является самой заветной целью всех политических режимов, органов власти и управления. Стать легитимной власть в северокавказских обществах сможет лишь в том случае, если будет формироваться и функционировать в рамках демократических процедур, вырабатывать общезначимые для данных обществ цели и задачи, следовать им в своей повседневной деятельности, сможет предлагать общие, удовлетворяющие потребности и интересы всех, объединяющие сообщества программы, общие задачи и конкретные дела. Легитимация связана также со способностью власти задавать обществу символическую матрицу социально-экономического, религиозно-нравственного, политического единства, реальную перспективу развития. Исследуемый процесс связан также с обретением органами власти роли источника социально значимых для всех граждан ценностей и смыслов, гармонирующих с исламской моралью и общепринятыми нормами.

Важным фактором кризиса легитимности власти в данных обществах является складывающееся в общественном сознании представление о том, что подавляющее большинство социально-экономических, политико-управленческих проблем не решается, связано это с коррупцией, нечестностью чиновничества на всех этажах власти и управления. Современное падение легитимности

власти также связано с несоответствием базовых социально-экономических, духовно-правовых ожиданий большинства с реальными действиями власти, приводящими к увеличению мелкоконъюнктурных, местнических, часто неконструктивных требований и запросов. По мнению В. Попова, игнорирование исламского фактора при формировании и функционировании институтов власти и управления на Северном Кавказе неумолимо ведет к убыванию ее легитимационных ресурсов.

Поголовная коррупция, монополия кланов на власть, массовая безработица, разрушение исторически сложившихся хозяйственно-бытовых укладов, социальная обездоленность не меньше, чем террор, обесценивают основы российской власти. А поголовно вступившие в «Единую Россию» местные элиты борются за должности и федеральные деньги. Власть в регионе опасно превратилась в закрытую касту. Родственные коррупционные кланы, хозяйничающие в теневой экономике (составляющей более 50% хозяйственно-экономической деятельности), прибрали к рукам все доходные места. Торговля должностями и «откаты», устранение неугодных людей (частые убийства должностных лиц) стали не просто правилом, а бизнесом, норма прибыли в котором постоянно возрастает [1, с. 50].

Легитимная власть в общественном сознании ассоциируется с образами эффективной, авторитетной власти, способной решать социально-экономические, духовно-нравственные проблемы общества в целом. Растет потребность в нравственной политике, основанной, в том числе, на традиционных религиозных морально-нравственных ценностях. На этой основе рождается мысль, что положить конец этому беспределу со стороны властных институтов и чиновничества, навести порядок в северокавказских обществах может только честная, демократически формирующаяся, подотчетная народу, следующая основополагающим нормам традиционного для региона ислама власть.

Судя по процессам взаимоотношений власти и общества, огромное значение в поддержании легитимности властно-управленческих институтов сегодня имеет развитие демократических институтов и процедур, умелое комбинирование их политическими субъектами с ценностно-нормативной базой традиционной исламской религии. Приобретая указанное качество, они смогут не только аккумулировать социальную энергию подавляющего большинства граждан, но и умело управлять этой энергией, воспроиз-

водя позитивную в нынешних условиях систему сакрализованных социально-политических отношений в обществе.

Литература

1. Попов В. Сможет ли Россия удержаться на Северном Кавказе? // Россия и мусульманский мир. – 2011. – № 7.
2. Сюкийянен Л.Р. Шариат и мусульманско-правовая культура. – М., 1997.
3. Яхьяев М.Я. Ислам в политических и социокультурных процессах на Северном Кавказе // Исламоведение. – 2014. – № 1.
4. Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie. – Tübingen, 1972.

*«Исламоведение»,
Махачкала, 2014 г., № 4, с. 66–72.*

Е. Ионов,

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник (ИМЭМО РАН)

ПОЛИТИКА АШХАБАДА

В ОБЛАСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Обострение внутривнутриполитической ситуации в Афганистане, усиление здесь позиций радикальных исламистов создает угрозу для сопредельных стран Центральной Азии. В течение всего текущего года в северо-западных провинциях страны, вблизи таджико-афганской и туркмено-афганской границ идут бои между правительственными подразделениями и боевиками из структур, ассоциированных, по мнению экспертов, с «Аль-Каидой». В экспертном сообществе не исключают возможность прорыва группировок радикальных исламистов через эти границы. Особый интерес для них может представлять Туркмения с ее газовыми ресурсами.

В течение всего 2014 г. обстановка на афганской территории вблизи границы с Туркменией, протяженность которой составляет 744 км, становилась всё более напряженной. В августе после упорных боев отрядами движения «Талибан» был захвачен афганский г. Шах, расположенный недалеко от границы с Туркменией. При этом, по свидетельству источников, в этом году несколько раз

совершались нападения на туркменские блокпосты, гибли туркменские пограничники¹.

Эксперты не исключают возможность прорыва боевиков на территорию Туркмении, что создает угрозу нефтегазовым проектам, причем не только туркменским. «Туркменистан представляется заманчивой целью для боевиков – богатые запасы газа, возможность наркотрафика на север, выход к Каспийскому морю, относительно слабая власть. В случае реализации такого сценария и взятия под контроль части территории Туркменистана и Афганистана вооруженные исламистские группировки создадут опасность для Среднеазиатского и Каспийского регионов». Сейчас в Афганистане, как отмечает российский эксперт Е. Сатановский, радикальные исламисты контролируют значительную часть территории, по которой должен пройти планируемый газопровод ТАПИ (Туркмения–Афганистан–Пакистан–Индия)².

При этом многие эксперты признают Туркмению наиболее слабым звеном среди северных соседей Афганистана. Таджикистан и Киргизия входят в ОДКБ и ШОС, имеют на своей территории российские базы. Узбекистан имеет достаточно боеспособную армию, активно сотрудничает с НАТО. Кроме того, как отмечают эксперты, граничащие с республикой афганские провинции с согласия НАТО взяты под протекторат Ташкентом³. В этих условиях статус нейтралитета, которого Туркмения придерживается со времен обретения самостоятельности, может ослабить позиции Ашхабада в противостоянии террористическим угрозам.

Этот статус зафиксирован в резолюции № 50/80 «О постоянном нейтралитете», которая была официально принята Генеральной Ассамблеей ООН 12 декабря 1995 г. В январе 2009 г. Туркмения утвердила новую военную доктрину, которая носит оборонительный характер и основана на принципе «позитивного нейтралитета». Она предусматривает, что как нейтральное государство Туркмения не входит ни в какие военные союзы и блоки, не производит и не распространяет оружие массового поражения, не участвует в локальных и региональных конфликтах и не размещает на своей территории иностранные военные базы. Исходя из этой доктрины, по свидетельству российского эксперта А. Князева,

---

¹ <http://m.rosbalt.ru/exussr/2014/09/08/1312645.html>

² <http://www.centrasia.ru/news.php?CR=5>

³ <http://cont.ws/post/58124>

численность личного состава Вооруженных сил РТ существенно сократилась со 190–200 тыс. человек при президенте С. Ниязове¹.

Следует отметить, что если в 90-е годы первый президент РТ С. Ниязов сумел выстроить отношения с представителями движения «Талибан» на принципе «позитивного нейтралитета», то действия нынешнего президента, прежде всего его помощь силам НАТО, вызывали недовольство радикальных исламистов. Ашхабад активно сотрудничал с США и их союзниками в сфере топливных поставок и тылового обеспечения коалиционных войск, в области борьбы с наркотрафиком, рассматривал планы размещения американской военной базы в г. Мары на юге республики. Не последнюю роль в ухудшении отношения талибов к Туркмении сыграла достаточно успешная антинаркотическая кампания, проведенная нынешним руководством республики.

Следует отметить, что Ашхабад предпринимает определенные шаги для защиты своей границы, тем более что вблизи нее на афганской территории проживают племена этнических туркмен. Не без влияния Ашхабада из их числа летом текущего года для защиты приграничных районов был сформирован отряд самообороны «Эрбеки», оказывающий помощь афганским силам безопасности. С тем чтобы затруднить проникновение талибов и других боевиков из Афганистана, Туркмения в октябре этого года возвела вдоль границы с афганскими районами Каркин и Хамьяб (провинция Джаузджан) заграждения из колючей проволоки².

Судя по всему, в Ашхабаде понимают, что для отражения угроз безопасности в случае серьезного вооруженного конфликта этих мер будет недостаточно. Можно выделить несколько основных составляющих в нынешней стратегии руководства республики по обеспечению национальной безопасности. Во-первых, это укрепление и модернизация Вооруженных сил, усиление охраны границы. По оценке экспертов, Вооруженные силы Туркмении превосходят по численности армии Таджикистана и Киргизии, но значительно уступают армиям Узбекистана и Казахстана. На сегодняшний день подразделения Министерства обороны включают сухопутные войска, ВВС и войска ПВО. Их численность составляет порядка 20 тыс. человек.

Сухопутные войска располагают оперативно-тактическими ракетными комплексами «Эльбрус», БМП-1, бронетранспортерами,

---

¹ <http://www.cenrasia.ru/newsA.php?st=1404799080>

² <http://www.cenrasia.ru/newsA.php?st=1413350280>

тактическими ракетными системами, самоходными артиллерийскими орудиями, гаубицами, минометами. Ударным средством является танк Т-72. В процессе модернизации армии республика осуществила закупки новых вооружений, таких как танки Т-90СА, установки залпового огня «Град». У Белоруссии приобретен модернизированный вариант «Градов» – «БелГрад», а также были закуплены современные противотанковые ракетные комплексы «Каракал».

Военно-воздушные силы и войска противовоздушной обороны считаются наиболее боеспособной структурой в Вооруженных силах Туркмении. По данным источников, полную модернизацию прошли 43 военных самолета и восемь вертолетов. Кроме того, Ашхабад приобрел два новых военных самолета у Грузии и военно-транспортные самолеты у Украины. В распоряжении ПВО республики находятся зенитно-ракетные комплексы С200В с радиусом действия до 180 км, а также комплексы «Печора2М», ЗРК «Куб» и др. В рамках модернизации системы ПВО Ашхабад закупил у Украины новейшие радиолокационные станции «Кольчуга», способные незаметно для аппаратуры противника обнаруживать надводные, воздушные и наземные цели¹.

Перспектива дальнейшего развития ВВС и ПВО, по оценке экспертов, связана с укреплением военных баз республики в Ашхабаде и Мары². На сегодняшний день одна из главных задач сил ВВС и ПВО состоит в защите энергетических интересов страны на Каспии. Авиация используется для патрулирования Каспийского моря, компенсируя тем самым недостаточную мощь флота.

Собственные Военно-морские силы Туркмении начали создаваться только в начале 2000-х годов, их главная цель на сегодняшний день – охрана акватории Каспийского моря и береговой линии длиной более 800 км. Силы береговой охраны включают несколько патрульных катеров, приобретенных у Украины, России и США, а также семь катеров, взятых в аренду у Ирана. В 2011 г. на вооружение ВМФ Туркмении были приняты два ударных ракетных катера, вооружение которых позволяет наносить удары на расстояние более 130 км³.

За последние годы Государственная пограничная служба Туркмении приняла на вооружение беспилотные летательные

---

¹ <http://pro-kg.com?2014/06/08/>

² <http://www.caspiania.org/2014/07/08/>

³ http://gundoglar-news.com/index.php?catgory_id=3&nes_id=3607

аппараты, автомобили специального назначения. Как отмечалось на заседании Государственного совета по безопасности РТ в начале октября текущего года, развернуты строительные работы по обустройству границ, возведению современных погранзастав и комендатур. Туркмения намерена укрепить свою границу с Афганистаном, используя для этого современные технические средства. Так, французские компании «Airbus» и «Thales», занимающиеся военными разработками, участвуют в объявленном властями республики тендере по созданию электронной системы пограничного контроля. Они представили свои варианты устройств слежения за всей афгано-туркменской границей.

В планах по укреплению границ, помимо схем стратегического развертывания пограничных постов, предусматривается использование данных спутниковой связи, а также использование воздушных и наземных станций радиолокационного слежения¹. В августе-сентябре текущего года обучающий курс по патрулированию границ был открыт на одном из пропускных пунктов на афгано-туркменской границе с участием ОБСЕ.

Во-вторых, наряду с повышением боеготовности Вооруженных сил, официальный Ашхабад для снижения угроз национальной безопасности использует дипломатические методы, в частности укрепление экономических и политических связей с Кабулом. В середине октября в ходе телефонного разговора с новым президентом Афганистана Ашрафом Гани Ахмадзаем Г. Бердымухамедов предложил и в дальнейшем поставлять туркменскую электроэнергию в приграничные афганские провинции по льготной цене, оказать помощь в строительстве школ и больниц. Особое внимание глава Туркмении уделил необходимости обеспечить безопасность газопровода ТАПИ, подчеркивая взаимную заинтересованность в его запуске².

При этом официальный Ашхабад выразил готовность быть посредником в мирных переговорах между правительством и силами оппозиции. В марте этого года в Ашхабаде состоялась встреча Г. Бердымухамедова с председателем Высшего совета мира ИРА, на которой обсуждалась возможность посредничества Ашхабада в переговорах с талибами. (Совет был создан по инициативе Х. Карзая в 2010 г. для ведения переговоров с оппозицией и

---

¹ <http://easttime.ru/news/turkmenistan/>

² <http://e-center.asia/ru/news/view?id=6325>

состоит из 70 человек, в том числе бывших талибов¹.) Тем не менее в связи с обострением обстановки в Афганистане Ашхабад приостановил свое участие в строительстве железной дороги Туркмения–Афганистан–Таджикистан, которая должна была стать одним из ключевых транспортных коридоров региона.

В-третьих, хотя официально Ашхабад продолжает декларировать оборонную самодостаточность, он вынужден предпринимать шаги по поиску союзников на случай ухудшения террористической ситуации как среди главных внешнеполитических игроков в Центральной Азии, так и среди своих ближайших соседей. Большинство экспертов склоняются к тому, что именно Китай в силу своего влияния на экономику республики и необходимости обеспечить защиту собственных интересов в нефтегазовом секторе может предоставить военную помощь Ашхабаду.

Туркмения всё больше становится важным источником углеводородного сырья для Поднебесной. В 2013 г. более половины импортируемого Китаем газа составлял газ из Туркмении (27 млрд м³ из 53 млрд). В перспективе Пекин планирует закупать в Туркмении до 65 млрд м³ газа, что составит более 40% всего импортируемого им ежегодно «голубого топлива». К тому же следует учитывать, что Китай контролирует практически всю цепочку производства и транспортировки туркменского газа для собственных нужд.

По мнению эксперта Центра изучения современного Афганистана А. Серенко, «Ашхабад будет скорее искать близость не с НАТО и не с ОДКБ, где военная ставка делается на Россию, а на Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), причем с упором именно на КНР. Китай может гарантировать Ашхабаду невмешательство в его внутренние дела, в том числе со стороны России»². Как считает ряд экспертов, велика вероятность того, что в случае обострения ситуации Пекин не сможет остаться в стороне, несмотря на свою политику военного невмешательства в конфликты других государств, и для защиты собственных газовых интересов введет небольшой военный контингент в Туркмению или даже в Афганистан³.

В Ашхабаде рассчитывают также на поддержку Ирана, с которым Туркмения традиционно поддерживает дружественные

---

¹ <http://m.rosbalt.ru/exussr/2014/03/28/1249620.html>

² <http://www.politrus.com/2014/05/16/china-turkmen/>

³ <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1407129840>

отношения и имеет тесные экономические связи. ИРИ является для Туркмении важным партнером в его энергетических (Тегеран закупает туркменский газ, который поступает в Иран по двум газопроводам) и транспортных проектах. Смягчение санкций Запада в отношении Ирана ведет к увеличению его собственной нефте- и газодобычи, что вновь ставит его в ряд крупнейших энергетических держав. По прогнозам некоторых наблюдателей, это может привести к отказу Тегерана закупать туркменский газ. Действительно, в августе текущего года власти Ирана заявили о возможном отказе от туркменского газа, однако, как стало понятно в дальнейшем, это было сделано в расчете на снижение Ашхабадом закупочных цен. Уже в начале октября стало известно, что Иран увеличил закупки природного газа у Туркмении¹.

Кроме того, Иран стал важным партнером Ашхабада в развитии региональной транспортной системы. В июле текущего года Туркмения завершила строительство своего участка железной дороги Казахстан–Туркмения–Иран, которая свяжет Иран с Казахстаном и Россией. В октябре была произведена состыковка туркмено-иранского участка этой магистрали, ставшей важной региональной транспортной артерией с грузооборотом в 10–12 млн т в год.

В начале августа 2014 г. в г. Маскате (Оман) министры иностранных дел Туркмении, Узбекистана, Ирана и Омана подписали Меморандум о взаимопонимании по вступлению в силу соглашения о создании транспортного коридора между этими странами. Реализация данного документа, как подчеркивалось на встрече, станет этапным событием в межрегиональных отношениях, позволит существенно расширить взаимовыгодные связи между государствами обширного региона². На фоне развития экономического партнерства Ирана и Туркмении вполне логичным выглядит расширение связей двух стран в военно-политической сфере. В частности, 17 сентября 2014 г. в Ашхабаде состоялась встреча Г. Бердымухамедова с министром обороны Ирана Х. Дехганом, который подчеркнул «готовность своей страны прилагать совместные с Туркменией усилия по обеспечению мира, стабильности и безопасности в регионе»³. В ходе визита обсуждались конкретные аспекты взаимодействия Ашхабада с Тегераном на

---

¹ <http://e-center.asia/ru/news/view?id=6325>

² <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1407391920>

³ http://gundogar-news.com/index.php?category_id=1&news_id=3265

случай вторжения в Туркмению со стороны Афганистана. Особое внимание, как сообщали СМИ, стороны уделили вопросам безопасности в северно-западной части Афганистана. Иран проявил готовность содействовать туркменской стороне в обеспечении военной безопасности в этих приграничных районах¹.

Ашхабад определился с выбором еще одного союзника в борьбе с террористической угрозой. Им стал Узбекистан. 24 октября 2014 г. состоялся официальный визит в Туркмению президента РУ И. Каримова. На итоговом брифинге глава Узбекистана сообщил, что «в ходе туркмено-узбекских переговоров на высшем уровне особое внимание было уделено вопросам противодействия, принятия совместных практических мер против терроризма, экстремизма, наркотрафика, трансграничной преступности, а также обеспечения неприкосновенности государственных границ». В числе подписанных главами двух государств документов была, в частности, программа сотрудничества между внешнеполитическими ведомствами Туркмении и Узбекистана на 2015–2016 гг.²

Наконец, в-четвертых, намечилось более активное обращение Ашхабада не только к таким международным организациям, как ООН, но и к региональным интеграционным объединениям. При этом Ашхабад не скрывает свою обеспокоенность ростом террористической опасности, о чем свидетельствует его обращение в ООН с предложением провести в 2015 г. в Туркмении под эгидой этой организации форум по вопросам безопасности и мира в Центральной Азии. В то же время показательно участие Г. Бердымухамедова в саммите СНГ в Минске (хотя ранее на этой площадке Туркмению представляли министры иностранных дел), а также его присутствие в качестве почетного гостя на саммите ШОС в Душанбе в сентябре 2014 г. Характерно, что в своем выступлении на саммите СНГ Г. Бердымухамедов особое место уделил вопросу использования потенциала СНГ для поддержания региональной безопасности³. В рамках саммита ШОС состоялись встречи главы Туркмении с лидерами России и Китая.

Расширяется сотрудничество Туркмении со странами Прикаспийского региона, одним из главных направлений которого является обеспечение региональной безопасности. Незадолго до саммита, в Актау (Казахстан) состоялась 4-я Международная

---

¹ <http://e-center.asia/ru/news/view?id=6325>

² <http://www.uznews.net/ru/politics/28027>

³ <http://www.ca-portal.ru/article.14649>

конференция по военно-политической безопасности на Каспии «Парадигмы международного сотрудничества на Каспии: военно-политический аспект». В заявлении организаторов форума говорилось: «Будучи сложным и сам по себе, объединяя различные политические системы каспийских стран, являясь узлом переплетения различных цивилизационных общностей, он привлекает к себе огромное количество интересов внерегиональных игроков мировой политики и, в силу этого, объективно обладает высоким конфликтогенным потенциалом»¹.

Очередным шагом в укреплении региональной безопасности региона стали решения состоявшегося в конце сентября 2014 г. саммита лидеров России, Казахстана, Туркмении, Азербайджана и Ирана в Астрахани. При этом, по словам Г. Бердымухамедова, «Туркменистан последовательно выступает за расширение и активизацию партнерства по ключевым аспектам именно каспийской проблематики. В первую очередь, это поддержание и упрочение мира и безопасности, предупреждение и нейтрализация риска военных конфронтаций. И при этом мы выступаем за тесную координацию усилий наших стран в борьбе с противоправной деятельностью на Каспийском море, в том числе с контрабандой, браконьерством, незаконным оборотом наркотиков и любыми проявлениями экстремизма и терроризма»².

Накануне встречи в Астрахани вступило в силу Рамочное соглашение о безопасности на Каспийском море, которое было подписано на предыдущем саммите в 2010 г. Однако принципиальное значение для обеспечения безопасности в Прикаспийском регионе имел утвержденный участниками саммита в Астрахани принцип «неприсутствия на Каспийском море вооруженных сил, не принадлежащих сторонам». Кроме того, в итоговом Политическом заявлении стран-участниц отмечалось, что главы пяти прикаспийских государств договорились о принципах стабильного баланса вооружений на Каспийском море и военного строительства в пределах «разумной достаточности», а также о принципах «соблюдения согласованных мер доверия в военной деятельности в духе предсказуемости и транспарентности в соответствии с общими усилиями по упрочению региональной безопасности и стабильности»³.

---

¹ <http://www.12news.uz/2014/09/29/>

² <http://www.kremlin.ru/transcripts/46689>

³ http://ria.ru/defense_safety/20140929/1026099285.html

Тем не менее о создании реального механизма коллективной безопасности в бассейне Каспийского моря, который способен обеспечить взаимодействие и согласование мер в борьбе с общими рисками и проблемами, говорить рано. По мнению российской стороны, в действующем Рамочном соглашении по безопасности не прописан четкий формат многостороннего сотрудничества в области коллективной безопасности на Каспии¹. Ситуацию в определенной степени могло бы исправить утверждение разрабатываемых странами-участницами дополнительных протоколов к Рамочному соглашению о безопасности, конкретизирующих закрепленные в нем договоренности. Они касаются взаимодействия пограничных служб в области борьбы с организованной преступностью, незаконным оборотом наркотиков, терроризмом, браконьерством, а также взаимодействия налоговых органов. Однако подписание этих документов было отложено. Собственно, только две страны Прикаспия – Россия и Казахстан как члены ОДКБ – юридически имеют возможность предпринимать совместные действия по обеспечению безопасности в регионе.

Очевидно, что положение усугубляет неурегулированность статуса Каспийского моря. Поэтому принципы, по которым сторонам удалось договориться на саммите и которые должны лечь в основу Конвенции по правовому статусу Каспия, важны и для создания эффективной системы безопасности на Каспии. По словам В. Путина, «прикаспийским странам удалось выйти на четкие формулировки о разграничении водных пространств, дна и недр», а сама Конвенция может быть принята уже в 2015 г.² Пока же с большой долей вероятности можно ожидать усиления военного потенциала стран каспийской пятерки, в том числе Туркмении, в соответствии с их собственными концепциями национальной безопасности.

Оставаясь на позиции нейтралитета и сдержанно относясь к идее более тесной интеграции с Россией, в том числе в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС), в Ашхабаде тем не

---

¹ <http://vesti.az/m/?c=show&id=222323>

² В принятом на саммите Политическом заявлении было зафиксировано, что стороны получают права на акваторию в пределах 25 морских миль прибрежного пространства, из которых на 15 миль распространяется национальный суверенитет каждой страны, а в пределах, примыкающих к нему 10 миль, они будут иметь исключительные права на добычу водных биоресурсов. Остальная часть Каспия составит общее водное пространство.

менее не забывают о развитии двусторонних контактов с РФ. Руководство республики не может не учитывать наметившуюся тенденцию усиления роли России как гаранта обеспечения безопасности Центральной Азии. По словам Г. Бердымухамедова, Россия является стратегическим партнером Туркмении, хотя республика не планирует вступать в ЕАЭС.

В развитии отношений с РФ руководство Туркмении делает упор на развитие двустороннего экономического сотрудничества. Наиболее активно идет развитие отношений Туркмении с регионами России, прежде всего с Татарстаном, Астраханской и Свердловской областями. В настоящее время Туркмения связана экономическими проектами с более чем 20-ю регионами РФ. Они охватывают химическую, судостроительную, текстильную, пищевую промышленность, а также целый ряд других.

Вместе с тем инициативы, с которыми выступил Г. Бердымухамедов в Астрахани, свидетельствуют о сдвиге политики Ашхабада в сторону многостороннего сотрудничества с участием России. На саммите глава Туркмении предложил начать подготовку проекта о торгово-экономическом сотрудничестве между прикаспийскими государствами, а также создать постоянно действующий Каспийский экономический форум с проведением его заседаний попеременно в прибрежных городах прикаспийских государств. Также глава Туркмении выступил за развитие партнерства в энергетической области, подчеркнув, что «политизация любых энергетических проектов на Каспии контрпродуктивна».

Кроме того, по мнению Г. Бердымухамедова, необходима разработка проекта соглашения о сотрудничестве в области транспорта на Каспийском море, поскольку речь «идет о создании уже принципиально новой архитектуры отношений в транспортной сфере». Туркмения и Россия взаимодействуют в развитии транспортной инфраструктуры Прикаспийского региона, в частности создании приоритетного для РФ транспортного коридора «Север – Юг». Он должен связать страны Западной и Северо-Западной Европы с Южной Азией через Россию, Каспийский бассейн и Иран. Поддержкой Ашхабада пользуется также проект создания железнодорожного кольца вокруг Каспия, при этом, как уже отмечалось, Туркмения замкнула восточное полукольцо между Казахстаном и Ираном. Президент РТ выступил также с предложением о создании единого регионального транспортно-логистического центра.

Между тем одной из наиболее острых проблем в отношениях между Москвой и Ашхабадом остается вопрос о прокладке Транс-

каспийского газопровода по дну Каспия с выходом в Азербайджан. На саммите в Астрахани Г. Бердымухамедов еще раз подчеркнул, что «строительство таких трубопроводов – это суверенное право государств, по территории которых они проходят, и потому может осуществляться только именно с их согласия». Ашхабад, опираясь в данном вопросе на поддержку Баку, не скрывает, что противоречия с Азербайджаном по спорным месторождениям и отсутствие окончательного решения по статусу Каспия не являются препятствием для реализации идеи Транскаспийского газопровода.

В настоящее время Ашхабад продолжает обсуждать вопрос о трубопроводе по дну Каспия как с Баку, так и в трехсторонних форматах Туркмения – Азербайджан – ЕС и Туркмения – Азербайджан – Турция. Со своей стороны, Москва, как и прежде, настаивает на том, что строительство подобного газопровода нанесет непоправимый вред экосистеме Каспия, и решения по нему должны приниматься на основе консенсуса и только после определения статуса Каспийского моря.

В случае реализации этого проекта, шансы которого, правда, многие эксперты оценивают как минимальные, а также с учетом создания «Южного транспортного коридора» Центральная Азия–Европа, в обход России через Южный Кавказ и Прикаспийский регион, присутствие Запада на постсоветском пространстве может существенно возрасти. Вероятность усиления его влияния связана также с транзитом войск коалиции НАТО из Афганистана через коридор Центральная Азия–Южный Кавказ, в ходе которого США и союзники могут предпринять шаги для укрепления связей в сфере безопасности с постсоветскими государствами ЦА и Прикаспийского региона. Это может привести к росту противостояния России и США в Центральной Азии, а для стран Центральной Азии, в том числе – Туркмении, создать достаточно непростую проблему выбора внешнеполитических приоритетов.

*«Россия и новые государства Евразии / ИМЭМО РАН»,
М., 2014 г., № 4, с. 115–126.*

Г. Рудов,
доктор политических наук, профессор,
Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
**ФЕРГАНСКАЯ ДОЛИНА:
ПРИЧИНЫ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ
И ПУТИ ИХ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ**

Разрушение социального мира в Сирии, продолжающийся кризис на Украине, полыхающий Ближний Восток, оживление Нагорно-Карабахского конфликта – все эти события укладываются в озвученную в 90-е годы и расширенную в современных условиях концепцию «Евразийские Балканы». Изначально «Евразийские Балканы» включали девять стран, восемь из которых – это бывшие советские республики: Азербайджан, Армения, Грузия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан, и Афганистан.

Потенциальными кандидатами на включение в этот список, по мнению автора концепции Зб. Бжезинского, являлись Турция и Иран. Обострение в условиях мирового кризиса борьбы за влияние, территории и ресурсы привело к существенному расширению первоначальных границ «Евразийских Балкан»: теперь это и Ирак, и Сирия, и Украина. Однако неизменной осталась их главная отличительная черта – нестабильность полиэтнических пространств, рождающая «соблазн для вмешательства со стороны более мощных соседей, каждый из которых полон решимости оказать сопротивление доминирующей роли другого соседа в регионе» [1].

Одной из наиболее конфликтогенных зон, максимально приближенных к границам России, продолжает оставаться Центральная Азия, имеющая, в свою очередь, собственные «супер-Балканы» – Ферганскую долину.

**Базовые конфликтогены кризисных явлений
в Ферганской долине**

Особое значение Ферганской долины (ФД) не только в региональной, но и мировой политике определено природно-географическими, этнокультурными и геополитическими факторами. Расположенные в юго-восточном «углу» Центральной Азии, окруженные на севере хребтами Тянь-Шаня, а на юге – Гиссарско-Алайскими горами, обильно политые водами самой протяженной

среднеазиатской реки – Сырдарья¹ и ее многочисленными притоками, плоские равнины ФД (около 22 тыс. км², что составляет менее 5% от общей площади всей ЦА) отличаются высокой плодородностью почв.

Уникальное для региона природно-географическое положение определило исключительное значение долинных земель – быть источником питания (выживания) для всей Центральной Азии, что, в свою очередь, не могло не отразиться на демографической ситуации. В настоящее время в Ферганской долине проживают немногим менее четверти от общей численности населения региона – почти 15 млн из 63 млн.

Однако не только численность населения является причиной кризисных явлений в этой части региона.

Конфликтогенный потенциал ФД определен комплексом взаимосвязанных факторов. Среди наиболее значимых и способных сыграть ключевую роль в возможной дестабилизации обстановки можно выделить три блока факторов.

Первый блок – это социально-экономические причины кризисных явлений, включающий как демографию, так и миграцию, уровень безработицы и т.д.

Второй блок – это широкий спектр историко-политических проблем, выражающихся, в частности, в проблеме анклавов.

Третий блок – включает интересы внешних игроков, новые вызовы и угрозы безопасности всего региона, являющиеся в значительной степени следствием развития мировой системы эпохи глобализации.

Детализируем наиболее значимые факторы риска нестабильности ФД. Начнем с социально-демографических. Ферганская долина имеет самую высокую плотность населения в ЦА. По этому показателю ФД сегодня занимает 10-е место в мире (в среднем – 659 человек на кв. км, но во многих районах плотность населения превышает 2 тыс. человек на кв. км), а в недалеком будущем она может войти в пятерку самых густонаселенных регионов планеты.

---

¹ Сырдарья – вторая по водности река в Средней Азии после Амударьи. Длина русла Сырдарьи – 2212 км, а общая площадь бассейна – 219 км². На территории бассейна реки находятся три области Киргизии: Нарынская, Джалал-Абадская, Ошская; шесть областей Узбекистана – Андижанская, Джизагская, Наманганская, Сырдарьинская, Ферганская, Ташкентская; две области Казахстана – Кизилординская и Южно-Казахстанская, а также Согдийская область Таджикистана.

Однако не столько плотность населения, сколько его этно-религиозный состав заставляет задуматься о (без)опасном будущем региона.

В самом общем виде долина разделена на три неравные части. Центральная часть ФД – это самые густонаселенные области Узбекистана (Ферганская, Наманганская, Андижанская). Здесь живет около трети населения Узбекистана, а плотность населения примерно в 10 раз превышает среднюю по республике. Две «пограничные» части ФД принадлежат Киргизии (Джалал-Абадская, Ошская и Баткенская области) и Таджикистану (Согдийская область).

В таджикской части долины также проживает более трети населения республики, а в киргизской – около половины. При этом темпы годового прироста населения долины составляют более 2% в год, или более 300 тыс. человек.

Прямое следствие перенаселенности – нехватка земли, безработица, трудовая миграция. Численность населения, живущего ниже уровня бедности, в ряде районов ФД достигает 40% и более. Что же касается безработицы, то официальные цифры не отражают истинной картины. Например, официально в Киргизии безработица составляет 8,6%, в Таджикистане – 2,5, в Узбекистане – 4,9% [2]. Но это, как говорится, «средняя температура по больнице». Рост темпов трудовой миграции и оттока населения является косвенным подтверждением роста безработицы.

Миграция, частично решая проблему безработицы и уровня жизни за счет снижения напряженности на рынке труда, формирует новые, не свойственные ранее данному региону проблемы. Так, за последние годы произошли: удвоение числа разводов, рост числа неполных семей с несовершеннолетними детьми, увеличение гендерного дисбаланса в миграционных потоках.

По данным Международной организации по миграции, ООН и Всемирного банка, около 300 тыс. женщин в возрасте до 30 лет не состоят в браке [3], что также серьезным образом влияет на дестабилизацию региона, полностью деформируя веками существовавший социальный уклад.

Еще одним новым вызовом для ФД стала так называемая ползучая экспансия, выражающаяся в расселении этнических таджиков и граждан Таджикистана в киргизских селах. В результате уже буквально через несколько лет сложится ситуация, когда формально принадлежащие Киргизии селения фактически будут заселены таджиками, что не может не привести к возникновению так

называемого «албанского казуса». Возникновение новообразования – Республики Косово – на территории некогда сербского автономного края Косово и Метохия в значительной степени было определено тогда, когда численность албанского населения в этой части страны достигла отметки в 90%, чем воспользовались внешние игроки, активизировавшие этническую карту. В ФД не стоит нивелировать возможный факт провозглашения в ближайшем будущем автономии, а затем и независимости от Республики Киргизстан территорий, населенных этническими таджиками и узбеками.

Отдельную группу первого блока представляют *экономические факторы* кризисных явлений. Как в целом ряде других конфликтов современности, национализм – это лишь внешнее проявление экономических и политических проблем. Экономика, тесным образом «завязанная» на политику, остается одной из главных причин дестабилизации региона. Конкретно это проявляется в следующем.

Подавляющая часть населения ФД занята в сельском хозяйстве. На орошаемых землях выращивают хлопок, рис, виноград, бахчевые и зерновые культуры. ФД – это крупный район шелководства с полуторатысячелетней историей производства. В постсоветский период ежегодный прирост населения постоянно усиливает старую проблему Ферганской долины – нехватку пахотной земли.

Так, по данным Минсельхоза Таджикистана, в 2013 г. площадь пахотных земель в республике составляет 0,11 га на душу населения, что является самым низким показателем среди стран СНГ.

В Киргизии этот показатель несколько выше, но тоже недостаточный для нормального обеспечения населения работой и продуктами питания.

В узбекской части ФД эксперты называют показатель в 0,19 га на одного сельского жителя.

Все названные цифры существенно ниже среднемировой нормы – 0,3 га на человека. Однако это еще не предел. В последние годы во многих районах ФД величина «нормы» уже опустилась ниже отметки 0,1 га на человека [3]. Такое положение вещей нельзя квалифицировать иначе как критическое и чреватое серьезными конфликтами. И это лишь одна из проблем.

Не менее значимым для населения региона является скотоводство. Пустынные равнины ФД служат круглогодичными пастбищами, а земли с эфемерной растительностью – весенними. В рамках общего (советского) государства использование долин-

ных земель осуществлялось целесообразно государственным интересам, но появление новых госграниц нарушило свободное перемещение скотоводов с равнинных на горные пастбища. Это естественным образом сказалось на снижении качественных и количественных показателей животноводства, а также на занятости людей, что, в свою очередь, усугубляет общую экономическую ситуацию, непосредственно связанную с физическим выживанием местного населения.

Однако не только сельским хозяйством жива долина. Рынок в Кара-Суу (Ошская область), издревле известный как одна из торговых станций на Великом шёлковом пути, и сегодня крупнейшая оптовая база региона. Через город Кара-Суу проходит межрегиональная транспортная автодорога Бишкек–Ош–Урумчи (Китай) и железная дорога Джалал-Абад (Киргизия)–Андижан (Узбекистан). Ежедневно в Кара-Суу из Китая поступают тонны продукции, которая потом попадает в Узбекистан и Таджикистан.

Ежемесячный оборот рынка превышает 200 млн долл., и это только по официальным данным. Теневой оборот, по признанию местных продавцов, как минимум в два раза больше.

Граница с Узбекистаном находится буквально в 100 м от рынка. Прежде через границу, представляющую собой бурную реку от силы 5 м в ширину, вело несколько мостов. В 2005 г. по предложению узбекских властей для прохода населения и транспорта был оставлен лишь один мост. По нему ежедневно в обоих направлениях границу переходят по 15–20 тыс. человек [4]. Из-за таких огромных людских потоков здесь регулярно случаются давки и потасовки, переходящие в кровопролитные конфликты.

Отдельную тему в исследованиях потенциала конфликтности в странах ЦА занимает *проблема водных ресурсов*. Вода в Ферганской долине с полным основанием может быть названа одним из главных конфликтогенов.

По данным узбекских экспертов, дефицит оросительной воды на узбекской территории ФД достигает 1,5 млрд м³ в год. Несколько меньший дефицит в долине испытывает население киргизских и таджикских областей.

Но в связи с практически полным отсутствием водосберегающих технологий проблема нехватки оросительной воды регулярно приводит к межхозяйственным и межэтническим спорам и конфликтам. Кроме того, по некоторым данным, до 60% населения ФД не имеют доступа к качественной питьевой воде и используют воду из оросительных каналов, куда попадают неочищенные

стоки. Последствия этой проблемы весьма печальные – резкое ухудшение санэпидемиологической ситуации и рост болезней. Однако проблема водных ресурсов имеет не столько социальный, сколько политический статус. Все аналитики, занимающиеся проблемами региона, обратили особое внимание на слова президента Узбекистана И. Каримова, сказанные им во время визита в Астану (8 сентября 2012 г.): «Водные ресурсы могут завтра стать проблемой, вокруг которой будут обостряться отношения. И не только в нашем регионе. Всё может усугубиться настолько, что это может вызвать серьезное не просто противостояние, а даже войны» [5].

Действительно, в ближайшем будущем вряд ли удастся договориться о справедливом распределении водных ресурсов стран «верховья» и «низовья». К такому выводу подвигает не только знание обстановки в регионе, но и опубликованный для обсуждения (17 июня 2014 г.) предварительный вариант исследования Всемирного банка – «Ключевые вопросы для дальнейшего рассмотрения предлагаемого проекта Рогунской ГЭС». В документе, в частности, дана оценка Рогунской ГЭС, которая может эксплуатироваться таким образом, чтобы максимально увеличить производство энергии зимой, но это существенно сократит летнее поступление воды в страны низовья, что может усугубить и без того сложную ситуацию в сельскохозяйственной сфере ФД.

«Плотина Рогунской ГЭС может быть использована для увеличения передачи воды от летнего к зимнему сбросу примерно от 4 до 7 млрд кубометров, что сократит летний сток в Амударью на 10–20%. Такое снижение нанесет несомненный вред ирригации в странах низовья и, по сути, превратит средний год в эквивалент сегодняшнего очень сухого года» [6]. И это лишь небольшая выдержка из предложений ВБ, которые основаны на создании максимально выгодных условий для энергетических компаний, заинтересованных в модернизации энергосистем ЦА и строительстве новых сооружений. Что получится в итоге из обсуждения этого документа, а также при поиске новых механизмов решения водной проблемы – пока неясно. Однако очевидно, что этот процесс не должен проходить без России.

Историко-политические причины дестабилизации Ферганской долины

Напряженность ситуации в регионе во многом является следствием социальных и политических экспериментов советского периода. Сегодня в ФД сосуществуют три государства, в то время как на протяжении большей части своей истории Ферганская долина существовала под единым политическим управлением.

В древние времена она была частью Мавераннахра, провинции Персидской империи; в XIII в. ФД попала под управление монголов и была включена в состав ханства Чагатай. Политические границы были сняты после того, как в регионе получили распространение тюркские группы и ислам, но Фергана всегда управлялась как единое целое. В XVIII–XIX вв. ФД являлась центром Кокандского ханства, а в 1876 г. она целиком вошла в состав Российской империи [7]. Однако в советский период после многочисленных переключений внутригосударственных границ, основанных на принципе наций на самоопределение, ФД была поделена между тремя среднеазиатскими республиками – Киргизией, Таджикистаном и Узбекистаном.

Провозглашение независимости бывших советских республик потребовало немедленной демаркации и делимитации государственных границ, которые в целом ряде случаев (особенно в анклавов) до сих пор не проведены. Нерешенность этих вопросов является основой для перманентных, замешанных на национализме конфликтов, зачастую сопровождающихся жертвами.

Важно понимать, что память о погромах и изгнании узбеками (май 1989 г.) турок-месхетинцев служит в условиях обострения социально-экономической ситуации не предостережением, а катализатором конфликтов. После изгнания месхетинцев столкновения узбеков и киргизов, киргизов и таджиков, таджиков и узбеков стали почти регулярными. Чаще всего межэтнические конфликты происходят на границах. При этом межэтническую карту представители оппозиционных и антиправительственных сил трех стран ЦА используют в своих политических целях. Именно с обострением внутривнутриполитической борьбы в Ташкенте и Бишкеке были связаны события в Андижане (2005) и Оше (2010). Из последних серьезных локальных конфликтов следует назвать столкновения на таджикско-киргизской границе в январе и мае 2014 г.

Проблему анклавов следует рассматривать как отдельный фактор кризисных явлений в странах ЦА в целом и в Ферганской

долине в частности. Возникшие в результате административного деления в советский период анклавов существенным образом осложняют ситуацию в долине. В настоящий момент здесь их существует несколько, в том числе узбекские в окружении Киргизии – Сох, Шахимардан, Чон-Кара и Джанияйыл; киргизский эксклав Барак, окруженный территорией Узбекистана; а также три таджикских села – Ворух (в Киргизии); Кайрагач и Сарван (в Узбекистане).

Конфликты в анклавах вспыхивают, как правило, из-за стремления официальных структур государства установить некие новые правила. Хотя и конфликты на бытовом уровне в этой местности происходят чуть ли не каждый день, зачастую приобретая этническую окраску [8].

Так, 5 января 2012 г. в узбекском анклав Сох вспыхнул конфликт из-за попытки киргизских пограничников установить опоры для линий электропередачи на пограничном участке. Сам Сохский район относится к Ферганской области Узбекистана, но полностью изолирован от остального Узбекистана территорией Киргизии. При этом 99% населения Соха составляют таджики, многие из которых имеют родственников и друзей в Согдийской области. Любопытный факт: на карте Таджикистана Сохский район и прилегающие к нему киргизские населенные пункты отмечены как таджикская территория. Хотя официальный Таджикистан к этим территориям претензий не предъявляет.

Деятельность экстремистских и террористических организаций

Проблемы Ферганской долины создают условия для самых опасных явлений современности – долину образно, но обоснованно называют «краем для экстремизма и терроризма».

По данным Центра стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан, на его территории решениями судов запрещена деятельность 13 экстремистских и террористических организаций, включая наиболее известные из них «Хизб ут-Тахрир», Джамоат Ансоруллох¹, Таблиги Джамаат¹ и Исламское движение Узбекистана.

---

¹ Джамоат Ансоруллох (ДА) является ветвью ИДУ в Таджикистане и финансируется «Аль-Каидой». ДА была создана в 2006 г. на территории пакистанской провинции Вазиристан из отделившихся от ИДУ группы таджиков. Она активизировала свою деятельность в 2010 г. и своей целью ставит продвижение

Ежегодная численность членов экстремистских и террористических организаций, привлеченных к уголовной ответственности, как в Узбекистане, так и в Таджикистане превышает 100 человек. Судя по числу осужденных, «кадровый резерв» экстремистов и потенциальных террористов в Ферганской долине эксперты оценивают не менее чем в 3–5 тыс. человек [3].

Непростая ситуация и в киргизской части долины. В частности, город Кара-Суу является не только крупнейшим торговым узлом, но и считается центром ваххабизма и противостояния официальным властям как Киргизии, так и Узбекистана.

Большинство экспертов убеждены в том, что после вывода войск НАТО и США из Афганистана (2014) ситуация с исламским радикализмом в Ферганской долине в частности и в странах ЦА в целом серьезно ухудшится.

«Тогда боевики из Центральной Азии, которые сейчас ведут военные действия в Афганистане, скорее всего, вернутся домой в поисках новых планов. Например, ИДУ хочет устранить христиан и евреев и установить мировой халифат. Дестабилизация ФД является хорошим началом для экспорта исламской революции. Активная террористическая деятельность в долине может вызвать

радикального исламизма, возвращение мусульман Таджикистана к исламскому образу жизни и образование единого халифата. Как и ИДУ, она пропагандирует идею террора через Интернет посредством создания или использования сайтов экстремистской направленности. ДА признана причастной к теракту в Худжанде (2010), когда взорвался заминированный автомобиль на территории областного РОБОП. В мае 2012 г. Верховный Суд РТ признал деятельность организации террористической и экстремистской и объявил данное движение вне закона (URL: <http://news.tj/ru/news/chetvero-zhitelei-sogda-zaderzhany-po-podozreniyuv-chlenstvev-dzhamoati-ansorullokh>).

¹ Таблиги Джамаат («Общество по распространению веры») было основано в конце 20-х годов в Индии. Создавая небольшие группы (от 3 до 12 человек), представители ТД – фактически профессиональные миссионеры, пропагандировали свои цели и суннитскую ветвь ислама. Внутренняя структура ТД строится на жесткой дисциплине и подчинении лидеру; часть доходов члены организации обязательно отдают на нужды ТД. Многие последователи террористических и экстремистских групп посещали встречи, организованные ТД, хотя еще не доказано, что организация пропагандирует джихад и имеет связи с террористами. Тем не менее организация запрещена в Иране, России, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане. Индия также рассматривает вопрос о ее запрете. Главный офис организации расположен в пакистанском городе Раивинд недалеко от Лахора. ТД имеет влиятельный филиал в Лондоне (*Потарь II*. Центральную Азию обволакивает сеть Таблиги Джамаат // URL: <http://inozpress.kg/news/view/id/38545>).

дестабилизацию в Центрально-Азиатском регионе и стать угрозой для России, где, как полагает ИДУ, проживают 20 млн мусульман» [9]. На усиление радикализации ситуации в долине обращают внимание и западные эксперты.

В частности, в конце 2012 г. полковник Военного колледжа армии США Т. Донелли в докладе «Фергана – территория племен федерального управления? Центральноазиатская стратегия после 2014 года» утверждал, что после ухода американских военных из Афганистана именно Ферганская долина может стать оплотом терроризма.

В ближайшем будущем, по мнению Донелли, ФД будет всё больше напоминать зону племен федерального управления Пакистана и представлять собой «неуправляемую территорию, которая станет служить прибежищем, инкубатором и плацдармом для вооруженных экстремистских группировок и боевиков» [10], которые будут все активнее оказывать давление на центральные власти стран региона.

Коррупция, криминал, наркотрафик являются в значительной степени порождением глобальной среды, внешнего воздействия и также относятся к третьему блоку факторов – конфликтогенов. Деятельность радикальных группировок непосредственным образом связана с криминалом разного уровня, однако доминантой является наркотрафик.

Например, повальное взяточничество на пропускных пунктах и высочайшего уровня коррупция в силовых структурах всех трех государств ФД создают условия для появления множества нелегальных мест пересечения границ не только простыми гражданами, но и наркокурьерами и представителями экстремистских организаций. Хотя последние нередко именно в силу коррумпированности госструктур пересекают границу вполне легально. Что же касается обходных путей, то они существуют во всех приграничных населенных пунктах. Они расположены вблизи дорог и в густонаселенных пунктах недалеко от официальных КПП.

Например, только между Баткенской областью Киргизии и Согдийской областью РТ существует более 50 нелегальных путей для пересечения границы.

Наркотрафик рождает клубок проблем, самым непосредственным образом касающихся нашей страны. Афганистан является мировым лидером по производству наркотиков, поставляя на международный чёрный рынок более 90% всех производимых в мире опиатов.

По данным ФСКН России, ежегодно в Афганистане производится порядка 150 млрд разовых доз героина и около 30 млрд разовых доз гашиша. Количество афганских нарколабораторий, работающих только для поставки героина в Россию, с 2009 г. увеличилось более чем в 2,5 раза – с 200 до 550.

Если на юге Афганистана в таких провинциях, как Гильменд и Кандагар, локализуется культивация опийного мака, то на севере, особенно в гористой местности провинции Бадахшан, сконцентрировано огромное количество нарколабораторий. Именно оттуда начинается трафик героина в сторону России [11].

В результате наркотрафика, производства и налаженной торговли наркотиками целые районы таких афганских провинций, как Кундуз, Гельманд, Кандагар, на 99% обеспечивают себя необходимыми продуктами и товарами.

По данным ООН, ежегодно в мире от афганского героина погибает более 100 тыс. человек. Каждый третий из них – россиянин. По официальным данным, каждые сутки в России от афганского героина умирает 82 человека. В 2010 г. в России от потребления наркотиков погибло 80 тыс. человек – более 200 человек в день.

Объем героина, употребляемого в последние годы в нашей стране, больше, чем во всех странах Европы, вместе взятых. Число наркозависимых в Российской Федерации, по оценкам экспертов, составляет от 2 до 2,5 млн человек [12].

Очевидно, что в современном мире наркотики превратились в мощное оружие, которое используется для решения серьезных геополитических целей: наркотики «косят» народы и коррумпируют элиту богатых ресурсами стран, среди которых первенство принадлежит России. Иными словами, нам есть над чем серьезно задуматься и предпринять все необходимые шаги, чтобы обезопасить свою страну от физического уничтожения.

Интересы геополитических гигантов как фактор дестабилизации

Влияние ведущих игроков мировой политики, к которым относятся как государства (США, Китай), так и транснациональные и наднациональные структуры (ТНК, НАТО), а также региональные державы (Иран, Саудовская Аравия, Турция), в Центральной Азии обусловлено прежде всего экономическими и геополитическими интересами. Внешние игроки умело используют весь

комплекс названных проблем для продвижения своих интересов. Если США и страны НАТО заинтересованы в дестабилизации этого региона и втягивании его в наркозону, то исламские государства поддерживают прежде всего радикальные исламские учения, способные подвинуть жителей ЦА к формированию исламского халифата.

По мнению авторитетного эксперта по ЦА А. Князева, одним из важных маркеров грозящей дестабилизации (достаточно вспомнить события «арабской весны», не говоря уже об украинском кризисе) является рост активности прозападных неправительственных организаций.

В последние годы активность западных НПО именно в долине заметно возросла, по крайней мере в таджикском и киргизском секторах ФД.

В частности, регулярно проводятся семинары и тренинги для местных журналистов по тематике освещения конфликтов, что нельзя не расценивать как очевидную подготовку к грядущему.

Одним из катализаторов конфликта может стать, например, активизация проекта строительства железной дороги, именуемой китайско-киргизско-узбекской, по маршруту Кашгар–Ош–Андижан, активно лоббируемой ангажированной частью киргизского истеблишмента. Очевидно, что установление железнодорожного сообщения между Китаем и Ираном (а продолжение дороги ведет именно туда) не в интересах США и их союзников. Не радует англосаксонских проектировщиков и российская активность, в частности по строительству ГЭС в регионе.

По мере активизации политики России и Китая в регионе число поводов для роста конфликтного потенциала у наших западных контрагентов будет только возрастать. Однако вне зависимости от *casus belli* для максимальной дестабилизации ситуации в ФД туда будет переброшено несколько десятков боевиков из Исламского движения Узбекистана (управляемого американскими и британскими спецслужбами). Именно для этого управления несколько месяцев назад в афганском Файзабаде (а это ближайший крупный город по отношению к горной части таджикско-афганской границы) была создана стационарная резидентура британской разведки MI6, работающая на направлении Дарваз–Памир–Фергана [13].

Недавно спецслужбы РТ обнаружили и подавили группу таких боевиков в Матчинском районе Согдийской области, это север Таджикистана, уже рядом с Ферганской долиной. Коррумпирован-

ность пограничных и прочих силовых структур всех трех государств легко позволяет подобное передвижение осуществлять. Надо четко понимать, что даже небольшая группа боевиков способна спровоцировать открытый межэтнический конфликт, последствия которого могут быть катастрофическими для всего региона. Важно также и то, что в конфликт всеми силами будут втягивать ОДКБ, в первую очередь Россию. Этого требует логика расширения зоны дестабилизации, главной целью которой является ослабление геополитических конкурентов – России, Китая, Ирана.

В 2010 г. российское руководство сумело так выстроить геополитическую игру, чтобы не ввязаться в киргизско-узбекский конфликт, хотя провокационных призывов со стороны тогдашнего киргизского руководства было достаточно.

В современных условиях, особенно после того как Узбекистан покинул ОДКБ, в Бишкеке и Душанбе вполне осознанно рассчитывают на российское вмешательство в случае конфликта с Ташкентом. Однако очевидно, что в новых исторических условиях Россия не может проигнорировать ситуацию, требующую вмешательства, но это вмешательство должно быть, во-первых, сугубо политическим, во-вторых, коллективным.

Причем речь должна идти не о привлечении к урегулированию уже состоявшегося горячего конфликта ОДКБ, а о превентивных мерах со стороны ШОС. Одной из таких мер, способной сломать игру и западным, и исламским контрагентам, может стать действенный мониторинг в сфере безопасности, ключевая роль в котором может быть отдана Пекину.

Роль и место России в урегулировании кризисных явлений в Ферганской долине

Резюмируя вышесказанное, отметим, что в условиях обострения международной обстановки, особенно в свете современного украинского кризиса, вызвавшего конфронтацию по линии Россия – интегральный Запад, любое осложнение ситуации в регионе Центральной Азии может быть использовано против нашей страны и самым непосредственным образом скажется на внутривнутриполитической ситуации. Любой серьезный конфликт в ФД приведет к увеличению потоков беженцев и наркотиков, к активному проникновению экстремистских групп радикальных исламистов на территорию России, к возможным террористическим атакам

на нашей территории. Борьба с этими явлениями и их последствиями в разы сложнее, чем предотвратить их. Любые превентивные меры, какими бы затратными они ни были, всё равно обходятся государству дешевле, чем участие (даже косвенное) в конфликте и его урегулировании. Украинский кризис служит ярким тому подтверждением. Поэтому при формировании внешнеполитической деятельности России в Центральном-Азиатском регионе следует исходить не из реакции на возможный конфликт, планировать шаги не по урегулированию конфликтов, а по их предотвращению.

Борьба за влияние в Центральной Азии уже давно приобрела многоуровневый характер.

Первый уровень – это геополитические столкновения для укрепления своего влияния и позиций в регионе геополитических гигантов – России, США, Китая, что не исключает возможности использования военно-политических и региональных блоков – ОДКБ, НАТО, ШОС.

Второй уровень – региональный, между самими странами ЦА.

Третий уровень – конфликты между политическими группировками внутри центральноазиатских стран.

Какова должна быть роль России, чтобы не допустить дальнейшей деградации и «афганизации» стран региона?

Очевидно, что на первом уровне главными союзниками России в регионе являются страны ОДКБ и ШОС. Поэтому самое пристальное внимание должно быть уделено укреплению этих структур и активизации их представительств в регионе ЦА. Причем на первых позициях в деятельности ОДКБ и ШОС должны быть не российские чиновники и военные, а представители других стран-членов. Достижение обнадеживающих результатов в обеспечении безопасности не представляется возможным без широкой институционализации ОДКБ и ШОС на уровне стран региона. Буквально в каждом городском и поселковом совете должны быть оснащенные компьютерами, наглядными материалами и т.п. представительства-центры этих структур. Очевидно, что быстро это сделать не удастся, но проведение разного рода семинаров, тренингов с представителями местных, государственных и силовых структур обязательно. Должна быть разработана комплексная программа по фактическому присутствию ОДКБ и ШОС в регионе. Это обеспечит решение многих возникающих в ФД проблем и даже конфликтов на базе или при посредничестве ОДКБ и ШОС. На этом уровне возможна и обязательна борьба с наркотрафиком,

радикальными экстремистскими и террористическими организациями, что, в свою очередь, невозможно без укрепления безопасности внешних границ всех стран ЦА и принятия заградительных мер для изоляции ФД от действующих на афганской территории боевиков и наркодилеров.

Второй уровень предполагает более тесное взаимодействие всех уровней власти РФ и стран ЦА. Первостепенное внимание (постоянная, каждодневная работа с политической элитой — это само собой разумеющееся) должно быть уделено работе с молодежью разных социальных групп. Россия не может позволить допустить повторения «бандеровского сценария», когда на Украине выросло целое поколение ненавидящих нашу страну людей, в ЦА.

Фонд публичной дипломатии им. А.М. Горчакова выполняет очень важную работу, но одна эта структура не в состоянии конкурировать с сотнями НПО, финансируемых западными и исламскими странами. Необходима комплексная программа по продвижению нашего влияния в регион: образование, гражданские институты, теле- и радиовещание, кино, цирк, эстрада — всё должно работать на создание положительного и притягательного образа России.

Параллельно с «мягкосиловым» присутствием должно осуществляться социально-экономическое, что, в свою очередь, невозможно без тесной экономической интеграции и расширения границ Евразийского экономического сообщества (ЕАС). В Ферганской долине можно инициировать создание зоны свободной торговли. Тогда проблемы анклавов, границ, коррупции представителей силовых структур будут решены довольно быстро. Однако надо понимать, что стабилизация ФД невозможна без реиндустриализации и модернизации экономики всех трех граничащих здесь стран. Что опять же максимально быстро можно достичь только через ускоренную интеграцию в рамках единого экономического пространства. Убедить политическое руководство и население стран ЦА в преимуществах и жизненной необходимости ЕАС — наша первоочередная задача.

Новый уровень проникновения в политическую элиту, как и работа с оппозицией и молодежью, естественным образом будет способствовать снятию противоречий третьего уровня — внутри-страновых.

Таким образом, роль и место России в урегулировании кризисных явлений в Ферганской долине выходит далеко за границы евразийских «супер-Балкан».

Безопасность этого микрорегиона зависит от сложного клубка проблем, решение которых может быть только комплексным, что, в свою очередь, заставляет политическое руководство нашей страны серьезным образом корректировать внешнеполитические приоритеты и подходы.

Примечания

1. Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Господство Америки и ее геостратегические императивы. – М.: Международные отношения, 1998. – С. 149–180.
2. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook>
3. Захватов А. Долина проблем – Фергана // URL: <http://www.dialog.tj/news/dolinaproblem-fergana>
4. Ферганская долина – государство в государствах // URL: <http://bukharainfo.com/blog/?p=328>
5. URL: <http://www.ktk.kz/ru/news/video/2012/09/28/19202>
6. Документ Всемирного банка. Ключевые вопросы для дальнейшего рассмотрения предлагаемого проекта Рогунской ГЭС. С. 25–26 // URL: http://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/Event/ECA/central-asia/WB%20Rogun%20Key%20Issues_rus.pdf
7. ЦА: Сложности в ФД // URL: <http://inozpress.kg/news/view/id/40387>
8. Приграничные конфликты в Ферганской долине как фактор дезинтеграции в ЦА // URL: http://www.region.kg/index.php?option=com_content&view=article&id=731:2013-03-19-06-16-23&catid=39:2013-03-01-13-06-27&Itemid=48
9. Ротарь И. Ферганская долина – ахиллесова пята Центральной Азии // URL: <http://inozpress.kg/news/view/id/37459>; http://www.jamestown.org/single/?no_cache=1&tx_ttnews%5Btt_news%5D=39924&tx_ttnews%5BbackPid%5D=13&cHash=4f4f9f23d1afd3a56fae18bcf5c49794
10. Военные аналитики США: ФД станет неуправляемой территорией и оплотом терроризма // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1352785800>
11. Обзор производства опиатов в Афганистане за 2011 г. // URL: http://fskn.gov.ru/includes/periodics/review_gak_all/2012/0213/084017308/detail.shtml
12. Шарифов Б. Не проиграть Центральную Азию // Эксперт. – 2012. – № 39.
13. Князев А. Новая резидентура британской разведки в Файзабаде и перспективы межэтнического конфликта в Фергане // URL: <http://www.iarex.ru/interviews/33278.html>

*«Обозреватель=Observer»,
М., 2014 г., № 11, с. 16–28.*

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Ф. Толипов,

директор негосударственного образовательного учреждения «Билим карвони» (г. Ташкент)

ВЫИГРАТЬ СРАЖЕНИЕ И НЕ ПРОИГРАТЬ ВОЙНУ. СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ АФГАНСКОЙ КАМПАНИИ

Спектр мнений о том, что ждет Средний Восток и Центральную Азию после вывода международных сил из Афганистана, широк – от алармистских до успокоительных оценок с явным преобладанием первых. Пессимизм усилился в связи с резким ухудшением ситуации в Ираке из-за «неожиданного» появления ИГИЛ, к которому потянулись также и террористы из Афганистана, в том числе Исламское движение Узбекистана. Так, Ташкент нынче придерживается позиции, что вывод войск *ISAF* из Афганистана является преждевременным, о чем, например, заявил с трибуны Генассамблеи ООН министр иностранных дел Абдулазиз Камиров.

Несмотря на интенсивную дискуссию, не вполне понятно, каковы стратегические результаты военной операции и в целом международных миротворческих усилий в этой стране.

Афганистан-2014: Стратегические вызовы

НАТО удалось создать в 2001 г. уникальную коалицию для проведения миссии в Афганистане – *ISAF*. В ее состав вошли не только представители союзников, но и не входящие в блок государства – всего более 40 участников. Однако со временем уровень общественной поддержки операции в странах коалиции резко понизился. Именно наступившей апатией и усталостью объясняют в Альянсе нежелание оставаться в Афганистане после 2014 г. И в этом проявилась аберрация военно-политического и стратеги-

ческого мышления: психологическое состояние предопределяет стратегическое решение.

Афганская кампания началась в октябре 2001 г. под лозунгом «война с террором». Не с «Аль-Каидой» или с бен Ладеном, а именно с террором. Кто победил и кто проиграл? Клаузевиц в фундаментальном труде «О войне» подчеркивал первостепенную важность понимания природы войны. Он говорил, что цель войны – «навязать противнику нашу волю», а «задача военных действий заключается в том, чтобы обезоружить противника, лишить его возможности сопротивляться». Навязать противнику нашу волю – пока не получилось. Обезоружить и лишить его возможности сопротивляться – не удалось. Наконец, война завершается, а побуждения, моральные мотивы, воля противника к победе не устранены и даже не уменьшились. Применительно к Афганистану все меньше говорят о борьбе с терроризмом и всё больше – о противодействии мятежникам. А есть ли вообще террористы в Афганистане?

Для оправдания изменения риторики часто ссылаются на отсутствие международно принятого определения терроризма. Однако, во-первых, в странах НАТО и прежде всего в Соединенных Штатах есть собственные определения, которыми они могут оперировать. Ведь вошли же они в Афганистан, руководствуясь именно национальным законодательством об обороне вне пределов государственных границ, в целях осуществления возмездия за атаки 9 сентября 2001 г. и официально объявив войну против террора. Во-вторых, существует ряд международных конвенций по борьбе с международным терроризмом, некоторые из которых применимы и здесь.

Можно предположить, что причиной перехода к риторике противодействия мятежникам было стремление вести с талибами переговоры об их возвращении к мирной жизни, а с террористами переговоры не ведутся. Однако многолетнее (начавшееся с прихода «Талибана» к власти) настойчивое и безрезультатное стремление США и правительства Карзая к переговорам с талибами обнарило несостоятельность такой установки.

Причина фиаско, на мой взгляд, в том, что к диалогу должна вызывать не более сильная и побеждающая сторона, а более слабая и терпящая поражение. В Афганистане мы наблюдаем обратное. Широко распространено мнение, что у афганской проблемы нет военного решения, и необходимо создать коалиционное правительство, где были бы представлены все основные воюющие группировки. Тезис об отсутствии военного решения в основном

связан с иностранным вооруженным присутствием и ссылками на непримиримость «Талибана» к оккупантам. Это утверждение опровергается тем, что острый военный конфликт между Северным альянсом и талибами начался задолго до ввода войск коалиции в Афганистан. Кстати, часто можно слышать, что в результате действий *ISAF* погибают мирные жители. Однако, согласно статистике, около 80% жертв среди мирного населения – на совести боевиков.

Надежды на то, что формирование коалиционного правительства с талибами решит базовые проблемы страны, тщетны. Во-первых, при высочайшем уровне коррупции никакая коалиция не создаст функциональное правительство. Во-вторых, ни одна из воюющих фракций в Афганистане, включая «Талибан», не провозглашала ясных программных целей, и квотирование мест в правительстве по принципу «и волки сыты, и овцы целы» вряд ли приведет к прекращению междоусобицы. В-третьих, конфликт в Афганистане не есть исключительно внутреннее дело этой страны, и вмешательство деструктивных внешних сил не позволит достичь устойчивого мира и стабильности. Другими словами, есть внешние силы, просто не заинтересованные в мире, поэтому здесь дело не в коалиционном правительстве.

Широко обсуждаемая концепция передачи ответственности за безопасность и стабильность в стране самим афганцам будет сталкиваться с теми же тремя обстоятельствами, которые упомянуты выше в связи с проблемой коалиционного правительства.

Наконец, в попытках найти формулу мира и стабилизации афганское правительство и международная коалиция выдвинули концепцию привлечения так называемых «умеренных» талибов в правительство, возвращения их к нормальной жизни. «Умеренным», перешедшим на сторону властей, обещают безопасность, рабочие места и даже возможность получить образование. В связи с этим напрашиваются, по крайней мере, три вопроса. Каковы критерии «умеренности», и что делают «умеренные» в рядах мятежников / террористов? Если даже предположить существование «умеренных» и возможность их возвращения, то что тогда будут делать радикалы? Разве это приведет к прекращению их борьбы? Наконец, если правительство обещает «умеренным» защиту, обеспечение и даже образование, почему же оно не предоставляет эти блага афганцам до того, как они превратились в «умеренных» талибов?

Поиск «умеренных» может оказаться бесконечным, безрезультатным или в лучшем случае малоэффективным. В связи с этим четвертый вопрос: а как, собственно, пополняются силы мятежников? С одной стороны, в ходе боев и в результате спецопераций, естественно, их ряды редуют, а с другой – есть приток за счет обычных афганцев. Очевидно, что недостаточно просто констатировать: «идет процесс рекрутирования в формирования мятежников», а потом призывать их вернуться к нормальной жизни. Особым направлением действий афганского правительства, да и коалиционных сил должны стать решительные меры по пресечению появления новых боевиков. Это специфическая проблема – выявить причины, механизмы, масштабы и среду рекрутирования.

Афганистан дал мировому сообществу уникальный опыт успехов и поражений в борьбе с терроризмом, но из него следует извлечь правильные уроки, поскольку борьба с терроризмом на этом не завершается. Если в Афганистане НАТО и мировое сообщество сдадутся, наверное, больше нигде эта борьба не сможет быть успешной и останется импульсивной реакцией с примесью геополитических искажений. Поэтому стратегически важно поставить точку в вопросе о терроризме и вселили полевых командиров.

Справедливости ради необходимо упомянуть результаты состоявшихся недавно президентских выборов в Афганистане. По итогам произошло беспрецедентное консенсусное разделение власти между основными претендентами на высший пост в стране – нынешним премьер-министром Абдуллой Абдуллой и нынешним президентом Ашрафом Гани. Вице-президентами стали генерал-узбек Абдул Рашид Дустум и хазарец Мохаммад Сарвар Данеш. Правительство относительно представительное. Возможно, с опорой на такую специфическую политическую модель, а также при активном содействии международного сообщества удастся наладить мирную жизнь и продолжить восстановление разрушенной войной страны.

Ни один из политических лидеров, управляющих сейчас Афганистаном, не заинтересован в новой эскалации внутреннего конфликта, который нарушит едва достигнутый политический баланс и лишит их реальной власти, вынудив вернуться к прежнему статус-кво. Теперь на них лежит основной груз ответственности за функционирование государственной системы как таковой и за нормализацию политического процесса в масштабе всей страны – то, чего не смог обеспечить Карзай. Следовательно, перед ними

стоит задача двоякого характера. Во-первых, консолидация управления и создание полноценной государственности, которой на самом деле пока не существует. Во-вторых, противодействие спорадическим атакам со стороны мятежников и террористов, мобилизация всего потенциала страны и населения против деструктивных сил.

Нужен системный пересмотр

Бывает ли война без победы одной из сторон? Могут ли военные действия завершиться, не выполнив главной задачи? Клаузевиц утверждал, что «только преследование разбитого врага даст нам плоды победы». За 2013 г. из афганских тюрем в результате указов президента Хамида Карзая и по инициативе Высшего совета мира освобождены более 500 боевиков «Талибана», но полезность данной меры, по мнению обозревателей, остается под вопросом. Как сообщал частный афганский телеканал *ITV*, число освобожденных из тюрем талибов, в том числе граждан Пакистана, достигло 536 человек, 224 из которых были задержаны в связи с атаками смертников. Среди получивших свободу и приближенные лидера «Талибана» Муллы Омара. Тем не менее до сих пор афганские талибы не демонстрируют готовности вступать в переговоры с официальным Кабулом. По данным телеканала, большинство амнистированных возобновляют участие в повстанческой деятельности.

В докладе Корпорации *Rand* говорится, что вывод всех военных сил США из Афганистана не пойдет на пользу национальной безопасности. Соединенные Штаты должны продолжать контртеррористические операции и помогать в борьбе против мятежников после 2014 г. Причина проста: есть несколько вооруженных групп в Афганистане и Пакистане, которые угрожают безопасности Соединенных Штатов и их внешним интересам. Это «Аль-Каида», которая всё еще удерживает контроль вдоль афгано-пакистанской границы. «Лашкар-и-Тайба», которая проводила теракты в регионе и даже засылает своих оперативников в США. «Техрик-и-Талибан Пакистан», причастная к попытке теракта на Таймс-сквер в Нью-Йорке в 2010 г. Сеть Хаккани, которая провела ряд атак против американских сил и посольства в Афганистане.

Ситуация может ухудшиться, если представлять ее как сугубо афганскую или региональную проблему. На самом деле за ней встает экзистенциальный вопрос о мировом порядке и возможно-

стях международного сообщества. Расширенная концепция безопасности, с точки зрения автора, должна быть основана на новой системной секьюритизации национальной перспективы Афганистана. Безопасность понимается как военная, нормативная, правовая, культурная и экономическая проблема.

Важным условием такого подхода является коррекция информационного измерения кампании. В публичном пространстве преобладают алармистские, поверхностные и упрощенные толкования ситуации в Афганистане и регионе, которые многократно тиражируются, создавая искаженное общественное мнение и неосновательные ожидания. В частности, необходимо внести ясность в представления о мифической «реталибанизации» Афганистана. На взгляд ряда экспертов, после 2014 г. афганская политика вероятнее всего будет «зоной, свободной от талибов» в том смысле, что они вряд ли смогут вернуться к власти.

Необходимо усилить нормативную и международную составляющие исследований, репортажей, дискуссий, политической риторики и стратегических решений. Во всякой войне есть виновная сторона, из-за которой она началась и ведется. Назвать виновника войны – важный момент всей международной антитеррористической стратегии. Особая роль, без сомнения, принадлежит ООН. Эта организация как никто другой обладает нормативным авторитетом. Именно она должна выразить твердую и принципиальную позицию как по поводу ситуации в Афганистане в целом, так и, в частности, по поводу «Талибана». ООН, помимо прочего, должна продемонстрировать, что международное присутствие в Афганистане – не американская кампания, а именно интернациональное миротворчество, результат всеобщего сотрудничества в борьбе с терроризмом.

Более активную и принципиальную роль должна играть Организация исламского сотрудничества (ОИС), ей следует занять твердую позицию по отношению к процессам в Афганистане с точки зрения ислама. Многие западные комментаторы, пишет Ахмед Рашид, не вникают в сущность «Талибана», а обвиняют ислам целиком за его якобы нетерпимость и антисовременность. И когда глава Высшего совета улемов Пакистана издает фетву о законности джихада и террористических акций смертников, очевидно, ОИС не должна оставаться безразличной к этому.

Международная стратегия должна исходить из триединства военной кампании, устойчивого правления и экономического развития. Это взаимно дополняющие составляющие нового между-

народно решаемого афганского вопроса. Всё связано с безопасностью, влияет на нее и от нее зависит – таким должен быть системный взгляд на Афганистан-2014. А безопасность требует перманентного присутствия международных миротворцев.

Соглашение о безопасности между Вашингтоном и Кабулом логично сочетается с американской стратегией «Новый Шёлковый путь», которая предусматривает большую вовлеченность Афганистана в экономику региона. Так называемая Северная распределительная сеть (*Northern Distribution Network*), созданная для снабжения войск коалиции в Афганистане, как считают многие, может стать важной транспортной артерией. Известный специалист по региону Фредерик Старр уверен, что подход «сначала безопасность, потом экономическое развитие» не вполне оправдан, поскольку экономика не может ждать. Старр приводит данные американских геодезических исследований, согласно которым Афганистан обладает природными ресурсами на триллион долларов, что в 50 раз превышает ВВП страны. Это газ, нефть, медь, железо, другие минералы, а также редкоземельные металлы. Поэтому главная и неотложная задача – соединить Афганистан с региональными и международными рынками посредством развития транспортной инфраструктуры.

И такой взгляд, при всей его привлекательности, не учитывает одного важного обстоятельства: те, кто ведет борьбу против государства и международных сил в Афганистане, не столь озабочены экономическим развитием страны, они постоянно нападают на эшелоны с гуманитарным грузом, представителей международных донорских организаций, мирных граждан и т.д. Говорят, для возрождения Афганистана надо больше иностранных инвестиций. Однако ни инвестиции, ни иные формы экономической поддержки не должны приводить к нивелированию первичной задачи – ликвидации очагов и причин возникновения терроризма. Инвестор руководствуется своими интересами, и у него свои условия и требования к стране – реципиенту инвестиций.

Военная кампания должна продолжаться с конкретно провозглашенной целью. 71% афганцев считает, что переговоры с талибами можно вести, если они прекратят вооруженную борьбу, и при этом лишь немногим больше трети афганцев думают, что Афганская национальная армия способна победить антиправительственные силы. Как ни парадоксально, сами талибы, кажется, не хотят, чтобы международные силы покинули страну, ведь они потеряют «любимого» врага.

Тем временем текущая операция больше сфокусирована на удержании и защите территорий, а также на завоевании умов и сердец афганцев. Как утверждает аналитическая группа *Stratfor*, такая стратегия имеет ключевое значение для успешной разведки, которая может решить исход войны. С повышением уровня безопасности придет лояльность, а с лояльностью и разведывательная информация. Разведка, способность опираться на местное население являются стратегическим преимуществом мятежников, и если они проиграют разведывательное соперничество, то проиграют и войну.

Большая стратегия для и в отношении Афганистана подразумевает ту или иную форму взаимодействия ОДКБ и НАТО. Возможно, в разгар операции *ISAF* такое сотрудничество было преждевременным: Альянс не мог отвлекаться от театра военных действий. Но теперь вопрос о кооперации уместен. Это верно, что по мощи, ресурсам и политическому весу ОДКБ намного уступает НАТО. Но верно и то, что снижение уровня западного военного присутствия в макрорегионе Центральной и Южной Азии после 2014 г. должно компенсироваться коллективными мерами безопасности самих стран региона. Весь период сотрудничества стран Центральной Азии с НАТО, с одной стороны, и с ОДКБ – с другой, показал, что Центральная Азия оказалась между двумя структурами безопасности – Евро-Азиатской и Евро-Атлантической. Это породило дилемму. Страны региона не могут быть членами западного альянса, но их партнерство с ним было достаточно эффективным, включая операцию в Афганистане. А ОДКБ пока не показала свою эффективность просто потому, что ее услуги не были востребованы, но в Евразии нет другой системы коллективной безопасности, к которой страны региона могли бы присоединиться.

Понятно, что в ситуации острого конфликта России и Запада из-за Украины такое партнерство представляется еще менее вероятным. Однако объективно потребность велика. Всякая отсрочка будет лишь консервировать пережитки геополитического напряжения холодной войны и взаимного недоверия между двумя системами коллективной безопасности.

Основное средоточие проблем южно-азиатского комплекса безопасности – это, конечно, Пакистан. Сомневаясь в возможности достичь в ближайшей перспективе регионального сотрудничества государств, соседствующих с Афганистаном, Амин Сайкал подчеркивает, что приоритетом должна стать стабилизация Афганистана и Пакистана, а этого не добиться в скором времени. Как

пишут Барнет Рубин и Ахмед Рашид, до тех пор пока лица, принимающие решение в Пакистане, не захотят сделать стабилизацию афганского правительства более высоким приоритетом, чем противостояние индийской угрозе, мятеж, имеющий происхождение на базах в Пакистане, будет продолжаться. Стратегические цели Пакистана в Афганистане приводят Исламабад к разногласиям не только с Кабулом и Дели, с задачами США в регионе, но также и со всем международным сообществом.

На пороге перемен

В Афганистане государство / международные силы, будучи несравнимо сильнее вражеских сил, ведут ограниченную войну в целях привлечения противника к переговорам, а тот, будучи несравнимо слабее, ведет тотальную войну в целях полного их изгнания или уничтожения. Эта асимметрия порождена не каким-то особым характером так называемой нетрадиционной угрозы, а вполне традиционным подходом к ней. Интересный вывод сделал немецкий ученый Вульф Лапинс: «Война в Афганистане велась с 2001 г. согласно принципу Карла фон Клаузевица как продолжение политики иными средствами. В соответствии с этим пониманием политики ведутся переговоры и с “Талибаном”... Тем не менее для Муллы Омара политика (переговоры с США / Карзаем) кажется продолжением войны». Это, возможно, и есть наиболее существенный аспект ситуации в Афганистане.

Необходимо скорректировать стратегию международного присутствия на основе системного подхода к секьюритизации всего афганского вопроса в XXI в. В Афганистане решается вопрос о новом мировом порядке и в частности политический и моральный статус США, России и других великих держав. В этой обновляемой системе центральноазиатские страны не могут оставаться на периферии, поскольку соседство с Афганистаном, с одной стороны, и интерес великих держав – с другой, вынуждают к активным действиям.

*«Россия в глобальной политике»,
М., 2014 г., № 6, ноябрь-декабрь, с. 116–124.*

А. Васильев,
академик РАН
(Институт Африки РАН),
А. Коротаев,
доктор исторических наук,
Л. Исаев
(НИУ ВШЭ)

ВОЕННЫЕ ВНОВЬ У ВЛАСТИ?

С 26 по 28 мая 2014 г. в Египте прошли очередные президентские выборы, уже вторые за последние два года. После событий 30 июня 2013 г. высший пост в стране вновь оказался вакантным. Военные установили контроль над политическим процессом, а временным главой государства стал Адли Мансур – председатель Конституционного суда. За президентское кресло боролись лишь два кандидата: экс-министр обороны Абдель Фаттах ас-Сиси и лидер египетских умеренных левых от Египетского народного движения (ат-Тайяр аш-ша'бий аль-мисрий) Хамдин Сабахи, считавшийся «насеристом».

Весьма скудный список кандидатов в нынешней избирательной кампании резко контрастирует с выборами образца 2012 г. Тогда свои кандидатуры выставили более десяти кандидатов, причем как минимум пять из них – Мухаммед Мурси, Ахмед Шафик, Амр Муса, Хамдин Сабахи и Абдель Муним Абуль Футух – представлялись достаточно сильными и имели высокие шансы на успех в избирательной гонке. Да и решилось все в самый последний момент, когда во втором туре Ахмеду Шафику не хватило 2% голосов для победы над Мухаммедом Мурси.

Ситуация изменилась коренным образом. У армейского кандидата ас-Сиси на майских выборах 2014 г. де факто не оказалось конкурентов. Амр Муса, Мухаммад аль-Барадеи, Абдель Муним Абуль Футух, Ахмед Шафик и другие серьезные кандидаты отказались от участия в президентской гонке, а лидеры запрещенного движения «Братья-мусульмане» вообще лишились этой возможности.

Падение режима М. Мурси было закономерным. Уже в первые месяцы своего правления Мурси вплотную столкнулся с необходимостью проведения крайне непопулярной политики по преодолению социально-экономического кризиса в стране.

Сигналом того, к каким политическим последствиям это может привести, послужило голосование на референдуме в декабре

2012 г., когда поддержка «проталкиваемой» исламистами Конституции была не столь очевидна, как это имело место, скажем, в марте 2011 г. при голосовании по принятию временной конституционной декларации или на парламентских выборах в декабре 2011 – январе 2012 г.

«Братья-мусульмане», став жертвой головокружения от успехов, отказались идти на компромисс с другими политическими силами Египта и вступать с ними в коалиции. Это во многом можно объяснить и тем, что у движения еще не было опыта не только управления государством, но и участия в легальном политическом процессе. «Братство» за год своего правления настроило против себя главные политические силы Египта, а агрессивная исламизация оттолкнула от него не только коптов, но и светски настроенных интеллектуалов.

«Братья-мусульмане» не справились с нахлынувшими экономическими проблемами: инфляция привела к росту цен, бегство капитала из страны означало закрытие предприятий и рост безработицы, надежды на повышение уровня жизни улетучивались.

Интересно отметить «поведение» основных египетских биржевых индексов¹. Так, за два дня до начала протестов, направленных против президента Мурси, 24 июня 2013 г. главный египетский биржевой индекс EGX 30 начал устойчиво расти: за период между этой датой и до момента закрытия торгов 2 июля 2013 г., т.е. непосредственно перед свержением М. Мурси, он вырос более чем на 10% – с 4523 до 4986 пунктов, а сразу после переворота 4 июля до 5335 пунктов (так что общий рост за период с 24 июня по 4 июля составил 18%)². Это свидетельствует о том, что уже перед самым свержением Мурси существовала, вероятно, информация о предполагаемой попытке смены власти в стране в совершенно определенном направлении, что и стимулировало биржевых игроков «вкладываться» в акции египетских компаний.

После победы «Братьев-мусульман» на парламентских выборах 2011–2012 гг. (хотя и аннулированных судом), прихода к власти М. Мурси и отстранения от должности министра обороны Мухаммеда Тантави и начальника генштаба Сами Анана, с последовавшими кадровыми перестановками в рядах военных, ситуация стала угрожающей и для египетского генералитета. Более того, «Братья» стали заглядываться на находящиеся под контролем военных сферы экономики, что вызвало крайне негативную реакцию генералов и офицеров³. Уже к 2013 г., будучи самым крупным «бизнесменом» страны, египетская армия наряду с уцелевшими

в «постмубараковское» время бизнесменами, работавшими в «команде Гамалы Мубарака», осознали необходимость совместного противостояния «Братьям», что подтверждается динамикой изменения египетских биржевых индексов после открытия торгов 24 июня 2013 г.⁴

Еще одно важное обстоятельство: с момента ухода Х. Мубарака с президентского поста в Египте начали происходить перебои с бензином и электроэнергией – ситуация постоянно ухудшалась, достигнув к лету 2013 г. своей кульминации. Снижение объемов добычи природного газа, снижение числа туристов, а соответственно, и притока иностранной валюты, падение курса египетского фунта – всё это ограничивало способность правительства Х. Кандиля платить за топливо, как импортированное, так и произведенное в стране международными нефтяными компаниями.

Кроме того, на ситуацию, сложившуюся в сфере электроэнергии, сильное влияние оказывали вопросы безопасности. Так, в начале июня 2013 г. две электростанции Египта (в Банхе и Айн-ас-Сохне) не функционировали ввиду того, что правительство не смогло обеспечить безопасность их сотрудников. Помимо этого, уровень национального потребления электроэнергии в Египте вырос к лету 2013 г., в то время как ее производство упало⁵. На улицах страны начали появляться многокилометровые очереди к АЗС, феллахам не хватало горючего для сельскохозяйственных машин, насосов и т.д.

После «революции 30 июня»

Однако после «революции 30 июня» ситуация улучшилась, что также может служить косвенным подтверждением того, что в июне перебои с поставками топлива и электроэнергии были связаны и с прямым саботажем участвовавших в заговоре бизнесменов. Похоже, что имел место довольно высокий уровень спланированности и скоординированности событий, приведших к отставке президента М. Мурси.

В пользу этой точки зрения может говорить и тот факт, что после свержения М. Мурси пост исполняющего обязанности премьер-министра достался Хазему аль-Баблави. Он, будучи юристом по образованию, начинал свою карьеру в качестве советника министра финансов Кувейта в 1970-х годах, а десять лет перед событиями «арабской весны» работал советником в Арабском валютном фонде в Дубае.

Не исключено, что достижение договоренности о предоставлении Египту займа по линии этой организации было во многом его заслугой, в обмен на что он и получил пост премьера. Нельзя исключать и того, что назначение хорошо знакомого финансовым структурам Залива Хазема аль-Баблави на пост премьера (или вице-премьера) в том правительстве, которое планировалось поставить у власти после переворота, было одним из условий гарантий предоставления «путчистам» нескольких миллиардов долларов сразу же после «революции 30 июня»⁶.

При этом было бы неверно считать, что «Братья-мусульмане» осознанно проводили особую социально-экономическую политику, базировавшуюся на их идеологии. Это видно хотя бы из того, что аль-Баблави, став премьером, фактически продолжил финансовую политику кабинета Х. Кандиля. Не менее важным для экономики Египта стал и полученный при М. Мурси заем со стороны Катара: с апреля по май 2013 г. наметился рост золотовалютных резервов Египта, который достиг в мае отметки в \$16,04 млрд. Так, в начале апреля 2013 г. египетская правительственная делегация направились в Доху, где было подписано соглашение об оказании катарцами финансовой помощи Каиру в размере \$3 млрд⁷. Аналогичную динамику демонстрировали и египетские биржевые индексы: в преддверии визита египетской делегации в Катар, 3 апреля 2013 г., EGX 30 прекратил свое падение на отметке 4926,22 пункта.

Наконец, точку в правлении «Братьев-мусульман» поставил конфликт между Саудовской Аравией, к которой присоединились Кувейт, ОАЭ и Бахрейн, и Катаром и Турцией, оказывавшими поддержку М. Мурси. Подтверждением этого служит тот факт, что сразу же после свержения М. Мурси и его ареста Саудовская Аравия, Кувейт и ОАЭ заявили о предоставлении финансовой помощи Египту в размере \$12 млрд: большая часть из них – 5 млрд – поступили от Эр-Рияда, 4 млрд – от Кувейта и на 1 млрд меньше от ОАЭ. При этом предполагалось, что финансирование будет осуществляться тремя путями: посредством размещения депозитов в египетском Центральном банке, в форме поставки нефтепродуктов, а также посредством прямых денежных переводов⁸.

В принципе этой суммы Египту должно было хватить как раз на полгода, т.е. до планировавшихся на февраль 2014 г. (но не состоявшихся) выборов в Народную ассамблею, учитывая, что

в канун выборов субсидии являются «священной коровой» для любой власти и не подвергаются сокращениям¹. Таким образом, транш Египту, одобренный вышеуказанными странами Персидского залива, имел под собой четко просматривающиеся политические цели.

Безусловно, всё более сильные позиции Катар в регионе в последние годы не могли не волновать его соседей и, прежде всего, Саудовскую Аравию, которая с конца второй половины прошлого века не скрывала своих лидерских амбиций на Ближнем Востоке.

На сегодняшний день Катар самая богатая страна мира по душевому доходу. Ее ВВП за последние десять лет вырос почти в 4 раза, в то время как аналогичный показатель других монархий Персидского залива увеличивался вдвое медленнее⁹. Особенно усилилось влияние Катара с началом «арабской весны», что во многом было вызвано тем, что традиционные «тяжеловесы» в лице Египта, Сирии, а еще ранее и Ирака, были заняты внутренними проблемами, на время позабыв о своей роли региональных игроков.

Чего только стоит тот факт, что во времена М. Мурси Лигу арабских государств начали называть не иначе как департаментом катарского МИДа, проводя аналогию со временами Гамаль Абдель Насера, когда Арабская лига именовалась филиалом внешнеполитического ведомства Египта. А когда в Египте ключевой стране всего арабского мира к власти пришел М. Мурси, финансировавшийся из Дохи, ситуация для соседей Катара стала, как показали дальнейшие события, невыносимой. И сегодняшняя политика Саудовской Аравии, Кувейта, Бахрейна и ОАЭ в отношении правящего дома ат-Тани во многом имеет своей целью указать Дохе на ее место.

Непредсказуемость и скоротечность происходящих в последние годы событий в арабском мире стали непременными атрибутами «арабской весны». В Египте за последние три года сменилось два президента, выбирался и распускался парламент, были приняты две конституции и т.д. Неизменным осталось лишь

---

¹ Здесь достаточно вспомнить «хлебные бунты» в Египте в январе 1977 г., когда отмена субсидий на хлеб привела к массовым акциям протеста с многочисленными жертвами, что вынудило президента Анвара Садата вернуться к политике субсидирования.

сильное влияние армии на внутривластный процесс в стране, вне зависимости от того, кто находился у власти.

И получилось так, что наиболее прагматичной оказалась политика нейтралитета в отношении египетских событий последних трех лет, которую и занимала Россия. Ведь изначальная ставка Катара и Турции на пользовавшихся в 2011 г. огромной популярностью «Братьев-мусульман» была наиболее очевидным решением, но, как оказалось, лишь в краткосрочной перспективе. Сегодня трудно найти столицу, у которой были бы более натянутые отношения с официальным Каиром, чем Доха и Анкара.

Менее очевидная, но тем не менее совершенно лихорадочная позиция Соединенных Штатов угодить практически всем, также себя не оправдала. Сделав, в конечном счете, ставку на «Братьев», американцы оказались в конфузной ситуации, ослабившей их позиции в Египте. Недоверие к Вашингтону в египетском обществе продолжает расти, а ассоциировать себя с американцами и уж тем более демонстрировать сближение с США по каким бы то ни было вопросам в современном Египте тождественно крайне непопулярной позиции.

В подобной обстановке египетским генералам было удобно найти приемлемого партнера в лице России.

Во-первых, давние тесные связи между двумя странами до сих пор живы в воспоминаниях египетского народа, а их «живые» символы, такие как высотная Асуанская плотина или Хелуанский металлургический комбинат, продолжают сохранять память о той помощи, которую много десятилетий тому назад Советский Союз оказывал Арабской Республике Египет.

Во-вторых, играет роль незапятнанная репутация России в событиях «арабской весны», в том числе и в Египте: Москва так и не встала за последние три года на чью-либо сторону в египетском противостоянии, что, в итоге, дало возможность египетскому генералитету рассматривать Россию как одного из немногих нейтральных партнеров.

В-третьих, египетские военные уже давно осознали свою зависимость от американского вооружения и, как только представилась возможность, не преминули ее ослабить. Нынешний глава египетского оборонного ведомства американцам ничем не обязан и в состоянии действовать более свободно во внешнеполитическом плане, нежели его предшественники.

Наконец, взгляд египтян в сторону Москвы осенью 2013 г. во многом был последствием «сирийского синдрома», после кото-

рого многие арабы начали воспринимать Кремль в качестве возможного гаранта их безопасности и защитника от внешних вторжений в случае конфликта со странами Запада.

Армия – «непотопляемый» институт

В итоге военные вновь получили президентский пост, который, за исключением продлившегося лишь год правления М. Мурси, с 1952 г. принадлежал выходцам из армейской верхушки. Интересно, что в обращении к нации в марте 2014 г. по случаю своего выдвижения на пост президента ас-Сиси заявил, что больше никогда не наденет военную форму, повторив тем самым аналогичный ход Мубарака, ставшего первым как бы «демилитаризованным» президентом в Египте. Мубараку тогда было необходимо сформировать свой собственный имидж, отличавшийся и от Гамалы Абдель Насера, и от Анвара Садата, обладавших незаурядной харизмой. Что и было сделано. Хосни Мубарак стал первым президентом, который пытался преподнести себя в качестве «гражданского» лидера¹⁰. По этому же пути пошел и ас-Сиси, что в очередной раз только подчеркивает преемственность мубараковской и нынешней эпох.

Сейчас в Египте наблюдается все возрастающее влияние военных на власть в стране, что явилось следствием «революции 30 июня». Портреты маршала ас-Сиси все чаще соседствуют с портретами лидера революции 1952 г. Гамалы Абдель Насера. Те силы, которые свергали заодно с военными М. Мурси, и прежде всего экономическая элита, поняли, что продолжать какие-либо серьезные попытки захватить собственность военных «себе дороже» и лучше признать доминирующее положение военных в новом правящем блоке, а также неприкосновенность их «экономической империи» (в том числе и путем конституционных изменений). Союзникам военных в борьбе с «Братьями» было понятно, что любые их серьезные попытки выйти в правящем блоке на лидирующие позиции могут закончиться тем, что они потеряют несравненно больше, чем смогут приобрести¹¹.

Другой вопрос – насколько прочным окажется нынешний союз армии и экономической элиты, уцелевшей с мубараковских времен. Очевидно, что в ближайшее время идти против военных на легальном уровне не способен в Египте никто. Еще летом 2013 г., после свержения Мухаммеда Мурси, постановка вопроса военными была абсолютно категорична: кто не с нами, тот против

нас. Уже тогда практически все политические силы в стране, за исключением самих «Братьев-мусульман» (хотя многие руководители движения поспешили от Мурси отречься), по сути, присягнули на верность Высшему совету Вооруженных сил.

Армия в очередной раз доказала, что является «непотопляемым» институтом в бурном политическом море Египта, она вновь популярна в стране фараонов: Абдель Фаттах ас-Сиси, в отличие от своего предшественника, поступил куда дальновиднее и предпочел увести военных «в тень», выполняя роль «серого кардинала» и практически сразу же формально отдав бразды правления временному правительству. Ас-Сиси, убрав тем самым себя из-под огня и подставив команду (пока) аль-Баблави в качестве ответственного за экономические неудачи, обеспечил неуязвимое положение военным, сохранив контроль над происходящим в стране.

При таком раскладе вступать в противоборство с армией за лидирующие позиции в будущей политической элите страны выглядело бы просто странным. Даже салафиты предпочли поступиться собственными принципами и встать на сторону ас-Сиси, нежели оказаться «смятыми» подобно тому, как это произошло с «Братьями». Кроме того, салафиты вынуждены оглядываться на позицию Саудовской Аравии, которая, порвав с «Братьями», решительно поддержала военных. Альянс же с военными для экономической элиты «синица в руках», гарантированная свобода предпринимательской деятельности, которую египетский генералитет готов этой элите предоставить за лояльность.

С другой стороны, и военным сегодня необходима команда грамотных экономистов, чтобы вывести страну из глубокого финансово-экономического кризиса. При этом здесь очевиден конфликт между остатками мубараковской команды и левыми секуляристами, вроде Хамдина Сабахи, чьи взгляды на программу экономических реформ различны.

По-видимому, вектор дальнейшего экономического развития во многом определился на прошедших выборах, победа на которых — это вместе с тем и серьезный риск для победителя: ведь роль силы, ответственной за эффективность претворяемой в жизнь социально-экономической политики, теперь будет осуществлять армия. Ей за последние три года удалось охранить свои позиции как после январской революции, так и в период правления «Братьев-мусульман». Гамалевские бизнесмены стали ее союзниками, как и светская интеллигенция, а исламисты были устранены с легальной

политической арены. Но она же будет отвечать и за возможный неуспех социально-политической линии.

Сам ас-Сиси не спешил выставлять свою кандидатуру на президентских выборах. Ему было невыгодно менять кресло министра обороны на президентское, так как «фараон» несет ответственность за социально-экономическую ситуацию в стране, а реальных улучшений не предвидится. Его выдвижение свидетельствовало, что армейская элита не хотела рисковать. Это было обусловлено и тем, что в соответствии с принятой в январе 2014 г. Конституцией должность министра обороны выглядит заметно более привлекательной, нежели пост президента.

Именно министр обороны является верховным главнокомандующим (ст. 201), он выведен из подчинения президенту (ст. 234) и подотчетен непосредственно председателю Высшего совета Вооруженных сил (а эти две должности в Египте, как правило, совмещаются). Ввиду нестабильной ситуации в стране должность президента выглядит более уязвимой, по сравнению с постом министра обороны, во многом из-за того, что лидеру страны в ближайшее время предстоит провести ряд непопулярных социально-экономических реформ.

Как бы то ни было, на президентских выборах победил ас-Сиси, набрав 96,91% голосов. Даже несмотря на то что Сабахи сильный оппонент, занявший третье место на выборах 2012 г. с 20,7% голосов, что лишь на 2% меньше, чем у Ахмеда Шафика и на 4%, чем у М. Мурси, шансы его на победу над ас-Сиси изначально были равны нулю. И дело здесь, скорее, в том, что сейчас не его время. Страна нуждается в реформах, обеспечении безопасности и выходе на траекторию стабильного развития. «Братья-мусульмане» на данный момент политически нейтрализованы, хотя их экстремистское крыло прибегает к актам насилия и террора, и задача военных состоит в том, чтобы закрепить достигнутый в этом направлении успех. Новая египетская власть объективно становится более авторитарной, навевая воспоминания о мубаракском прошлом. Но египетское общество продолжает оставаться расколотым, тенденция к чему наметилась еще во время президентской гонки 2012 г., когда во втором туре голоса избирателей распределились почти поровну: 48,27% за армейского ставленника А. Шафика и 51,73% за исламиста М. Мурси. Аналогичная тенденция сохранилась и после двух конституционных референдумов 2012 и 2014 гг. При этом результаты голосования в обоих случаях не должны вводить в заблуждение. Так, с полной уверенностью

можно утверждать, что египтяне в основной своей массе устали от неопределенности и нестабильности «смутного времени» и надеялись, что новая Конституция 2012 г. станет отправной точкой для нормализации внутривластной ситуации, положит начало социально-экономическим переменам.

Вот, пожалуй, одна из основных причин, почему население не стало принимать в расчет спорные положения Основного закона, даже несмотря на то, что он во многом отвечал интересам находящихся у власти «Братьев-мусульман»¹². Но недовольство накапливалось и вылилось практически в восстание 30 июня 2013 г.

Инициатива в руках военных

После «революции 30 июня» инициатива полностью перешла в руки военных, которые явно извлекли уроки из прошлых избирательных кампаний и подошли к референдуму по новой Конституции более подготовленными. И здесь уже «Братья-мусульмане» были вынуждены обратиться к своим избирателям с призывом бойкотировать референдум, назначенный на середину января 2014 г.

Уже отмечалось, что существует корреляция между числом лиц, не принявших участие в референдуме 2014 г., и числом сторонников «Братьев-мусульман» в соответствующих провинциях¹³.

Наибольший процент населения поддерживает «Братьев-мусульман» в северной части Среднего Египта (провинции Минья, Бани Суеф и Файум), на севере и востоке страны (Марса Матрух, Гиза и Александрия) и в двух провинциях зоны Суэцкого канала – Суэц и Исмаилия. Однако в Суэце, а особенно в Исмаилии и Александрии еще больший процент населения поддерживает военных. В южной части Среднего Египта (провинции Асьют, Сохаг и Кена) «Братьев-мусульман» активно поддерживает лишь довольно небольшая (порядка четверти) часть населения. Но военных здесь поддерживает еще меньшая доля населения, в результате «Братья-мусульмане» имеют тут заметное преимущество. Особо сильны их позиции в северной части Среднего Египта и на северо-востоке страны, где высокий процент населения, активно поддерживающего «Братьев-мусульман», сочетается с низким процентом населения, активно поддерживающего правящий режим¹⁴.

Результаты последних президентских выборов в Египте также не стоит воспринимать как полную поддержку ас-Сиси со стороны египетского населения. Явка на выборах составила 47,5%

(притом что власти приняли решение продлить выборы на один день), что продолжает свидетельствовать о расколе египетского общества. «Братья» призвали своих сторонников бойкотировать выборы, и многие последовали их призыву.

А.Ф. ас-Сиси достается тяжелое наследство. Египет сейчас, как никогда, зависит от внешней финансовой помощи, которая до сих пор поступала преимущественно из Саудовской Аравии, ОАЭ и Кувейта. Но даже саудовской щедрости рано или поздно настанет конец. И первые сигналы уже дали о себе знать: в начале июня 2014 г. король Абдалла выступил с инициативой проведения форума потенциальных доноров для Египта, что во многом свидетельствует о желании Эр-Рияда снять с себя часть финансового бремени по поддержке Египта.

Трудно складываются отношения нового руководства Египта с их как бы «традиционными» союзниками в лице США и Запада. Укрепление новой политической власти потребовало по отношению к «Братьям» жестких мер, сопровождавшихся и расстрелами демонстраций, и массовыми арестами. Суды приговорили к смертной казни полторы сотни лидеров «Братьев», а журналистов из катарского телеканала «Аль-Джазира», которые их поддерживали, ко многим годам заключения. Западные лидеры, жертвы собственной мессианской идеи «демократических свобод» и «свободы слова», вынуждены дистанцироваться от руководства нынешнего Египта. Займы, капиталовложения, экономическая и военная помощь Египту откладываются, а «Аль-Джазира» приобретает дополнительную популярность.

Еще одной важной для ас-Сиси проблемой остается вопрос безопасности, тесно связанный с ситуацией вокруг «Братев-мусульман». На сегодняшний день в Египте складывается довольно противоречивая картина: с одной стороны, наблюдаются стабилизация внутривнутриполитической обстановки и снижение уровня «легальной» протестной активности в обществе, с другой – ситуация в области безопасности становится угрожающей. Добавляет масла в огонь и тянущаяся уже три года судебная тяжба в отношении Хосни Мубарака. В этом вопросе ас Сиси придется приложить немало усилий, чтобы очередное решение в отношении экс-президента не вызвало очередного всплеска напряженности.

Наиболее серьезно перед ас-Сиси стоит проблема выхода Египта из тяжелого социально-экономического кризиса, в который страна попала в 2011 г. Ведь за последние три года не была решена ни одна из тех проблем, что инкриминировались Хосни Мубараку.

Напротив, ситуация только ухудшилась. По подсчетам МВФ, в Египте смена режима стоила 4,2% ВВП¹⁵. Реальный прирост ВВП упал с 5,1% в 2010 г. до 1,8% в 2012 г.¹⁶ Безработица в этот период выросла на 2,5%¹⁷. А по уровню коррупции рейтинг Египта по системе *Transparency International* ухудшился на 16 пунктов¹⁸. Кроме того, по данным компании *Standard & Poor's*, занимающейся исследованием финансовых рынков, кредитный рейтинг Египта упал с уровня «ВВ+» до «В»¹⁹, что свидетельствует о неблагоприятных экономических условиях, которые отрицательно влияют на готовность страны проводить выплаты по долгам.

* * *

Таким образом, события, произошедшие в стране 30 июня 2013 г., фактически привели к власти силы, находившиеся у руля до 2011 г. Реконструкция политической жизни обнаруживает возвращение египетского общества к той нулевой отметке, с которой, собственно, и начинались потрясения. Новая египетская власть становится более милитаризованной и менее демократичной. Обращает на себя внимание то, что подобные перемены инициируются не только «сверху», но и «снизу».

Египтяне истосковались по «сильной руке». Ас-Сиси стал олицетворением новейших чаяний египетского народа. Проголосовав за него, большинство египтян не просто выбрали себе очередного президента, вышедшего из военной среды, они продемонстрировали готовность вернуться назад, во времена Мубарака, предпочитая «стабильность» демократическим преобразованиям. В лице ас-Сиси народ хотел бы обрести сильного лидера, человека, способного «жесткой рукой» навести порядок, сосредоточив всю полноту власти. Абдель Фаттах ас-Сиси, в свою очередь, должен идти до конца в реализации своей предвыборной программы.

Примечания

¹ Исаев Л.М., Коротаев А.В. Египетский переворот 2013 г.: Опыт эконометрического анализа // Азия и Африка сегодня. – 2014. – № 2 (Issaev L.M., Korotayev A.V. 2014. Egipetskiy perevorot 2013 goda: Opyt ekonometricheskogo analiza // Aziya i Afrika segodnya. № 2) (in Russian).

² Там же.

³ Васильев А.М., Винницкий Д.И. «Смутное время» продолжается? // Арабский кризис и его международные последствия / Под общ. ред. А.М. Васильева. Отв. ред. А.Д. Саватеев, Л.М. Исаев. – М.: Ленанд, 2014. – С. 149. (Va-

- siliev A.M., Vinitskiy D.I. 2014. «Smutnoe vremya» prodolzhaetsya? // Arabskii krizis i ego mezhdunarodnye posledstviya (in Russian).
- 4 Исаев Л.М., Коротаев А.В. Указ. соч.
- 5 Ismail A. With Electricity and Water in Short Supply, Egyptians Grow Tense. McClatchyDC, 24.06.2013 http://www.mcclatchydc.com/2013/06/24/194616/with_electricity_and_water_in.html#.UjIWMFHnCNg
- 6 Исаев Л.М., Коротаев А.В. Указ. соч.
- 7 Daragahi B. Qatar Gives Egypt \$3 bn Aid Package // Financial Times. 10.04.2013. http://www.ft.com/cms/s/0/790a7d52_a1f411e2_8971_00144feabdc0.html#axzz2e5gDeWxu
- 8 Mustafa H., Flanagan B. Gulf's \$12 bn Aid to Egypt Seen as «Lifeline», Not a Cure // Al Arabiya News, 11.07.2013. http://english.alarabiya.net/en/business/economy/2013/07/11/Gulf_s12bnaidtoEgypt_seen_as_lifeline_not_a_cure.html
- 9 <http://www.worldbank.org>
- 10 Видясова М.Ф. Египетская модель: Демократизация на фоне чрезвычайного положения // Современная Африка: метаморфозы политической власти / Отв. ред. А.М. Васильев. — М., 2009. (Vidyasova M.F. 2009. Egipetskaya model: Demokratizatsiya na fone chrezvychainogo polozheniya // Sovremennaya Afrika: metamorfozy politicheskoy vlasti / Отв. ред. А.М. Васильев. — М., 2009) (in Russian).
- 11 См.: Коротаев А.В., Исаев Л.М. Анатомия египетской контрреволюции // МЭиМО. — 2014. — № 7, 2014. (Korotayev A.V., Issaev L.M. 2014. Anatomiya egipetskoй kontrevolutsii // World Economy and International Relations. № 7) (in Russian); Исаев Л.М. Генералы ушли, генералы вернулись: египетской революции три года // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2014, № 1. (Issaev L.M. 2014. Generaly ushli, generaly vernulis: egipetskoй revolutsii tri goda) (in Russian).
- 12 Васильев А.М., Винницкий Д.И. Новый виток египетской революции // Азия и Африка сегодня. — 2014. — № 1. (Vasiliev A.M., Vinitskiy D.I. 2014. Novy vitok egipetskoй revolutsii // Aziya i Afrika segodnya, № 1) (in Russian).
- 13 Подробнее см.: Исаев Л.М., Коротаев А.В. Политическая география современного Египта: опыт количественного анализа // Азия и Африка сегодня. — 2014. — № 9. (Issaev L.M., Korotayev A.V. 2014. Politicheskaya geografiya sovremennogo Egipta // Aziya i Afrika segodnya. № 9) (in Russian).
- 14 Там же.
- 15 <http://www.imf.org>
- 16 Ibidem.
- 17 <http://www.worldbank.org>
- 18 <http://www.transparency.org.ru>
- 19 http://www.tradingeconomics.com_

*«Азия и Африка сегодня»,
М., 2014 г., № 10, с. 2–7.*

Л. Пахомова,
кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник (ИВ РАН)
ИСЛАМСКИЙ СЕКТОР
В ЭКОНОМИКЕ СТРАН ЮВА

В современной экономической науке практически стало аксиомой утверждение о том, что нормы доминирующей в стране религии оказывают влияние на формирование и пути развития национальной экономики. В основе этого тезиса лежит известный труд Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма», где достаточно четко увязывается протестантизм и экономическое поведение, что впоследствии повлияло на развитие капитализма.

Аналогичное сравнение справедливо и для других мировых конфессий. Догматика, в том числе религиозная, имеет вполне определенное влияние на экономическое поведение и отдельного человека, и даже целых государств. Поэтому изучение проблематики исламской экономики в настоящее время имеет практический интерес¹.

Рост исламского сектора происходил и в других странах, где не было численного преобладания мусульман. По мере развития исламского банковского сектора усиливалась его интеграция в систему мировых финансов. Это признают крупнейшие финансовые центры мира – Лондон, Нью-Йорк, Гонконг и Сингапур. На рубеже нынешнего десятилетия общее число исламских банков в 75 странах мира превысило 300, а объем их совокупных операций составил 1 трлн долл.²

После того как шариатские банки получил право выпускать ценные бумаги и облигации (*sukuk*), они стали инструментом рынка капитала, так как исламские облигации торгуются на бирже. Общие активы этих учреждений превышают 300 млрд долл. США. При этом многие свопы и другие торгово-финансовые операции осуществляются в национальных валютах. Оживленно проводились сделки с деривативами (вторичными финансовыми документами), что повлекло за собой осуществление свопов и других финансовых операций в шариатской валюте. Общие активы

---

¹ См., например, Калимуллина М. «Тема исламской экономики становится все более актуальной», ИА Росбалт, 13 января 2014 г.

² Indonesia Shariah Economic Outlook 2010 // Indonesia Economic Outlook 2010. – Jakarta, 2009. – С. 92.

250 фондов, действующих на основе принципов шариата, составляли 300 млрд долл.

В конце 2013 г. в Дубае прошел очередной Всемирный исламский экономический саммит (Global Islamic Economy Summit 2013), где обсуждались, в частности, перспективы развития шариатского бизнеса. Темами для дискуссий также стали направления развития индустрии халяль, в частности фармацевтической и косметической отраслей, туризма, образа жизни, пищевой промышленности, практические шаги в сфере исламских финансов. Международная компания Thomson Reuters представила на форуме при сотрудничестве с ICD (Исламская корпорация по развитию частного сектора) и Исламского банка развития новый индекс развития исламских финансов¹.

В странах Юго-Восточной Азии, в которых преобладают мусульмане (Индонезия, Малайзия и Бруней Даруссалам), основы новой системы банковского дела с учетом норм шариата разрабатывались с середины 1960-х годов.

Малайзия стала первым государством региона ЮВА, учредившим в 1963 г. исламский банк (Bank Islam Malaysia Berhard). Становление шариатской банковской системы в Малайзии началось с середины 1960-х годов. В 1969 г. был создан первый в Малайзии банк, оказывающий вкладчикам услуги для свершения хаджа – Tabung Haji. Дело пошло успешно и в 1983 г. в стране был издан Закон «Об исламских банках»². Таким образом, была создана основа легитимности этого банковского сегмента, что активизировало деятельность шариатского банкинга в стране³.

Другим сегментом финансового сектора является страхование активов. Именно Малайзия разработала новый вид исламского страхования (takaful) и развивала его наиболее высокими темпами. В конце 1990-х годов был создан Шариатский консультационный совет, который занимался разработкой профильного закона совместно с Центральным банком Малайзии, в этой работе также принимали участие эксперты.

---

¹ <http://islamic-finance.ru/news/2013-11-28-1250>

² Third Industrial Master Plan 2006–2020. Malaysia – Towards Global Competitiveness. Ministry of International Trade and Industry. Malaysia Percetakan Nasional Berhard. – K-L., 2006. – С. 131

³ Шариат является сводом законов, обязательных для мусульман. В частности, отвергалась возможность использовать запрещенные исламом виды деятельности, связанные с получением процента или «лихвы» (riba), спекуляцией и азартом (gharar, maisir) и др.

Исламский финансовый ландшафт в стране претерпел изменения в 2006 г. после запуска Малазийского Международного Исламского Финансового Центра (MIFC). Этот Центр является коллективным проектом ЦБ Малайзии, Комиссии по ценным бумагам, Управления по финансовым услугам Лабуан-офшор и Бурса Малайзии (Биржа ценных бумаг Малайзии). Центр включает в себя отраслевых игроков банковского, страхового секторов и фондового рынка страны.

Особого внимания государства потребовала разработка норм деятельности венчурных фирм, приемлемых для мусульман. В 2008 г. был издан Закон «Об исламском венчурном капитале». Также был создан институт независимых советников по вопросам соблюдения норм шариата в новом секторе финансовых услуг.

На бирже Куала-Лумпура активное участие принимает Пенсионный страховой фонд Employees Provident Fund (EPF). По величине активов он является пятым в своей категории (после Японии, Норвегии, Южной Кореи и Канады). В 2011 г. свыше миллиарда долл. было истрачено на приобретение шариатских облигаций (*sukuk*). К 2014 г. руководство фонда планировало инвестировать в них пятую часть своих средств. Диверсификация размещения свободных средств приносит фонду приличную прибыль – в 2010 г. она составила 38,6 млрд ринг.¹

Одновременно в малайзийской экономике набирал темпы роста шариатский сегмент бизнеса. В регионе ЮВА было продано шариатских облигаций (*sukuk*) на общую сумму 2 млрд долл. Из них купленные пятилетние облигации были реализованы на 1,2 млрд долл., однако десятилетние *sukuk* расходились труднее. Благодаря созданным условиям в Малайзии оперировало 16 иностранных банков, в том числе три шариатских.

Высокая динамика роста подобных финансовых учреждений привела к появлению в конце первого десятилетия XXI в. в Федерации свыше 20 шариатских банков, что составляло треть от всех коммерческих банков в стране. Они имели различный статус и оказывали широкий круг услуг своим клиентам. Доля активов 20 банков (90 млрд долл.) составляла пятую часть всех финансовых средств банковской системы Малайзии².

В 2013 г. Комиссия по ценным бумагам Малайзии сообщила о том, что подготовила новые стандарты соответствия акций

---

¹ Business Times, 29.11.2012.

² Ibid. – С. 93.

требованиям шариата, которые будут выпущены в стране, что однозначно заинтересует инвестиционные фонды стран арабского региона.

При составлении данного списка специалисты комиссии использовали обновленную методологию скрининга, в которую были добавлены качественные фильтры, например, ограничения по ряду финансовых показателей. Ожидается, что введенные корректировки помогут малазийской методологии приблизиться к общепринятым в странах Персидского залива стандартам финансовой отчетности¹.

Согласно оценкам в аналитическом отчете Ernst & Young «Мировая исламская конкурентоспособность 2013–2014» исламские банковские активы Малайзии к 2018 г., как ожидается, вырастут за пять лет в три с лишним раза до 390 млрд долл. США (1,27 трлн ринг.) по сравнению с 125 млрд долл. (419 млрд) в 2012 г. В отчете отмечается, что введение правительством Малайзии в 2013 г. Акта об исламских финансовых услугах помогло стране намного опередить другие рынки по развитию исламских финансов, регуляторике и транспарентности в этой сфере.

Продолжающаяся либерализация финансового сектора страны создает возможности партнерства между малазийскими и международными банками, особенно на Ближнем Востоке². В аналитическом отчете говорится, что исламские банковские активы наиболее быстрорастущих рынков, а именно: Катара, Индонезии, Саудовской Аравии, Малайзии, ОАЭ и Турции (эта группа рынков в последнее время известна под аббревиатурой Qismut), к 2018 г. достигнут 1,6 трлн долл.

В итоге Малайзия добилась не только международного признания как современное и прогрессивное исламское государство, но и вышла на мировой рынок с разрешенными нормами шариата продуктами и услугами. Рынок халяль-продукта успешно развивается, совершенствуется и его сертификация. Принята установка на превращение страны в центр (хаб) производства продукта и услуг halal. При учреждении отделения за рубежом производящая такой продукт компания освобождается от выплаты налогов на открытие предприятия, регистрацию патента, торговую марку, лицензирование в зарубежной стране, создание вебсайта и т.д.

---

¹ Business Times. 5.12.2013.

² Bernama, 13 January 2014.

Таким образом, к настоящему времени исламский банковский сектор страны уже перерос национальные границы, а Малайзия превратилась в региональный центр шариатского бизнеса.

Формирующийся исламский сектор в индонезийской экономике состоит из нескольких сегментов: шариатское банковское дело (*banking syariah*); страхование банковских депозитов (*takaful syariah*); выпуск облигаций (*obligasi syariah – sukuk*); фондовая биржа (*reksa dana syariah*); «очищенный» налог (*zakat*); земельной фонд (*wakaf syariah*) и пр.

В 1983 г. в **Индонезии** была учреждена первая исламская корпорация Sumber Daya Manusia Syariah. На этапе становления в стране системы исламского бэнкинга обычные банки стали открывать «окна» (небольшие отделения) в сельских районах, что как бы подчеркивало их близость к народу, особенно к малоимущим слоям населения.

Кроме того, подобная деятельность создавала возможности расширения политической активности на местах и работы с электоратом. Набиравшие популярность банки ускоряли распространение исламского бэнкинга в аграрных районах, где еще сохранялись атавизмы ростовщичества.

В 1992 г. в Республике Индонезия был издан Закон № 7, который признавал «двуальную систему», при которой наряду с обычными финансовыми институтами открывались и шариатские банки. В том же году был учрежден первый шариатский банк – Bank Muallamar Indonesia. Второй банк – Bank Syariah Mandiri был учрежден в 1999 г., куда сразу начался приток клиентов.

Развитие шариатской банковской системы в стране получило новый импульс после издания Закона № 10 от 1998 г., который разрешал открывать шариатские отделения в обычных банках. Это помогло привлечь клиентов, поскольку таким структурам население доверяло больше. К тому же они предоставляли кредиты на более выгодных условиях в 7–9%, тогда как в обычных банках они составляли 11% и выше. В 2002 г. был издан специальный закон, обеспечивающий правовую основу деятельности исламского банковского дела, определяющую принципы и механизмы его работы.

В 2008 г. правительство издало Закон № 21 «О шариатских банках», создающий перспективу развития нового сегмента банковского дела. Прежде всего, банкам разрешалось оперировать на всей территории Республики Индонезия. Был определен и порядок стандартизации новых банковских продуктов. Специфической чертой исламских банков является их приверженность законам,

нормам и этике шариата¹. При этом ведущим направлением развития ислама в Индонезии является умеренный ислам (Islam hadhari). Поэтому созданные финансовые институты также кредитуют предприятия, в том числе по производству продукции с учетом шариатских норм (халяль).

На начальном этапе становления шариатских банков в Индонезии главное внимание уделялось основной массе клиентов, большинство которых были малоквалифицированными рабочими и крестьянами. В дальнейшем по мере становления шариатского банкинга менялась и его клиентура.

В 2005 г. в Индонезии уже действовали три шариатских банка. Позднее открылось 17 банков, предоставлявших кредиты на еще более привлекательных условиях. Темпы прироста шариатских банков были выше, чем у обычных банков. В 2000-е годы рост шариатских банков составил 60%, тогда как у обычных – 13%². Объемы финансовой деятельности этих банков быстро росли и в начале 2006 г. превысили 21 трлн рупий, в том числе операции трех крупнейших банков достигли 15,6 трлн. Соотношение кредитов к сумме вкладов клиентов составляло 109%.

Новым сегментом шариатского банкинга стало страхование активов. В 1994 г. появился первый страховой банк – *takaful*. Не менее бурный рост (65%) был характерен и для исламской системы страхования. В этом секторе финансовых услуг также действует запрет на получение прибыли за счет банковского процента.

Представление о социальной справедливости, равенстве и правах собственности требует, чтобы заемщики и кредиторы получали вознаграждения и несли убытки на паритетных основах. Процесс накопления и создания богатства, считают мусульмане, должен отражать реальный вклад акторов в экономическое развитие страны.

Наряду с местными обычными банками шариатским финансовым учреждениям разрешалось участвовать в капитале исламских банков других стран, в основном государств Ближнего

---

¹ Коран и шариат – свод правовых и религиозных норм, которые являются основой разрабатываемой экономической теории. Расширяющийся свод положений о деятельности шариатских банков включает запрет на взимание процентов (*riba*). Не меньшим грехом считается и гарар, трактующий различные виды спекулятивной деятельности. Наиболее длительные дискуссии возникали в связи с трактовкой «долевого участия» и «долевого финансирования».

² Indonesia Shariah Economic Outlook... – С. 95–96.

Востока и Персидского залива. Обычные банки могли изменять свой статус и становиться «шариатским» после 15 лет работы в качестве филиала исламского банка и наличия доли не менее 50% в его капитале.

Важным элементом банковской системы является деятельность Религиозного наблюдательного совета. На этот орган возложено сертифицирование допущенных финансовых инструментов, подсчет и уплата заката (религиозного налога), проверка банковских операций, определение их соответствия законам шариата. Данный орган может вырабатывать рекомендации по распределению доходов и издержек. Совет улемов Индонезии, в частности, заявил, что принципы работы шариатских банков не противоречат рыночным механизмам.

Так, Совет улемов и Союз интеллигенции Индонезии (Ikatan Cendekiawan Indonesia) инициировали создание исламского банка – Bank Muallamat. Правительство поддержало эту инициативу и укрепило правовую основу шариатского банковского дела, предоставив банку Muallamat Indonesia лицензии на операции с иностранной валютой.

Следующим важным шагом в развитии шариатского банкинга страны было его вхождение в число акционеров международного финансового института – Исламского банка развития (IDB). Это способствовало привлечению в Индонезию иностранного капитала и банков из исламских стран, включая Саудовскую Аравию.

Наряду с упорядочением состояния наличных средств продолжалась работа по выработке консенсуса в толковании ряда положений шариата. Особо важной их частью было толкование норм группы ZISVAF (*закят, инфак, седеках и вакф*)¹. Одновременно появлялись новые инструменты шариатского рынка капитала наряду с такими, как saham syariah – шариатские акции; Reksa Dana Syariah – Исламская биржа и др. На основе этих принципов и инструментов определялись условия специальных соглашений, финансирование долевого участия в совокупной прибыли, полученной в результате экономической деятельности.

К их числу относились и операции, известные как «хорошая ссуда» (*kadrul hasan*). При предоставлении юридическому или физическому лицу ссуды оговаривается срок ее возвращения, однако проценты не начисляются. При этом такой кредит может рассмат-

---

¹ Indonesia Syariah Economic Outlook 2010. Oleh Pusat Ekonomi UI // Indonesia Ekonomik Outlook 2010. PT Gramedia, Jakarta, 2009.

риваться как форма благотворительности. Приведенные выше виды инструментов шариатского бэнкинга далеко не единственные, но они наиболее востребованы на данном этапе развития этого вида банковского дела¹.

Важным шагом в создании правовой основы исламского бэнкинга стал опубликованный в 2002 г. Генеральный план развития исламского банковского дела. В нем излагались основные положения и толкование сути законов и норм ислама, регулирующих деятельность нового института.

В частности, допускалась возможность предоставления обычному банку статуса шариатского. При этом разрешалось иностранным банкам в сотрудничестве с местными исламскими банками принимать участие в процессе их слияния. При конверсии государственного банка, или банка правительства провинции, разрешалось придавать новому учреждению статус шариатского.

Развитая сеть шариатского банковского дела подготовила почву для вовлечения в производство *halal*-продукта для правоверных многих малых и средних предприятий. В последние годы предпринимаются попытки развивать религиозный туризм и прочие виды деятельности.

Мусульмане-предприниматели и владельцы шариатских видов бизнеса активно включаются в создающиеся структуры и формируют особый социальный слой в бизнес-сообществе. Исламский сектор в экономике страны становится не только важным фактором экономического роста, но и его генератором, особенно на местах.

В 2010 г. было разработано три варианта среднесрочного прогноза развития шариатской банковской системы. Пессимистический прогноз исходил из возможности роста активов до 67,4 млрд рупий (2,95% от активов всей банковской системы); умеренный вариант сценария предполагал доведение активов до 77,2 млрд (3,4%). Оптимистический вариант считал возможным рост активов до 87 млрд рупий (3,9%)². Столь высокие темпы частично объяснялись стартовым началом деятельности шариатских банков.

Еще в 1997 г. Совет улемов Индонезии выработал принципы деятельности рынка капитала *shariah*. В 2003 г. эти принципы были

---

¹ Indonesia Syariah Economic Outlook 2010. Oleh Pusat Ekonomi UI // Indonesia Ekonomik Outlook 2010. PT Gramedia, Jakarta, 2009.

² Indonesia Shariah Economic Outlook 2010... – С. 108, 109.

одобренны Фондовой биржей Индонезии (Bursa efek Indonesia – BEI), а также определен механизм купли-продажи акций. В 2000 г. Danareksa Investment Management опубликовала Джакартский исламский индекс (JII). Первой государственной компанией, выпустившей облигации в 2002 г., стала P.T. Indosat, действующая в сфере высоких технологий, а первой частной фирмой была Matahari Putra Prima Tbk.

Созданный при Джакартской фондовой бирже Совет индонезийских улемов контролирует списки компаний, числящихся в листинге. Их задача определять, есть ли в их деятельности на выходе продукта «греховность», которая проявляется во взимании ростовщического процента (*riba*) или азарте (*gharar*).

Мнение Совета улемов весьма важно для потенциальных инвесторов из стран Ближнего Востока. Но в то же время оно позволяет воздействовать и на бизнесменов своей страны. Предъявляемые требования к компании, проходящей сертификацию через Совет, весьма строгие. В 2000 г., например, положительная характеристика была дана лишь немногим более трети от общего числа компаний-заявителей.

Для проведения этих операций был использован принцип *mudharabah*. Согласно заключенному контракту, банк выступает как собственник капитала и доверяет свои средства для их эффективного использования предпринимателю, обладающему возможностями, опытом и репутацией. При этом банк не имеет права требовать залог. Такой вид контракта обычно применяется для финансирования краткосрочных и среднесрочных проектов. Контракты на основе принципа *mudharabah* по сути, являются аналогом обычного доверительного финансирования.

При обсуждении соответствия вида деятельности и норм шариата в мусульманских кругах выявляются различные подходы. Наряду с утверждением, что ислам создает основу для побуждения к экономической деятельности, чрезмерное накопление богатства считается недопустимым. Именно поэтому запрещается использовать процент (*riba*) в целях получения прибыли, так как при этом не создается продукт и не улучшается благосостояние общества.

Либеральная позиция части правоверных по отношению к исламу в Индонезии проявляется достаточно четко. Например, доктор Саид Сираджа считает допустимым отхождение от норм ислама при осуществлении экономической деятельности. При этом он полагает, что не следует всецело воспринимать западные экономические учения. С подобными оценками в Джакарте высту-

пил и глава Торгово-промышленной палаты Индонезии доцент Шариф Хидьятуллах¹.

После длительного обсуждения и острых дискуссий, индонезийские исламские круги смогли добиться принятия «Хартии совместного владения» (так называемая «Хартия Гонтор» – *Piagam Gontor*). Она исходила из отрицания парадигмы развития, основанного на либеральных и капиталистических принципах. Положения, содержащиеся в Хартии, были призваны стать механизмом выравнивания экономического и социального развития.

Такая позиция имеет много сторонников в Индонезии, достаточно широко распространена даже среди молодежи. В частности, директор «Института свободы» (неофициально считающийся «мозговым центром») Ризал Малларангенг отмечал, что «радикальные мусульманские студенты и рабочие всегда были против приватизации, дерегулирования и глобализации»².

Напротив, в Малайзии до сих пор продолжают дебаты по определению шариатского рынка капитала. В частности, местные улемы полагают, что рынок капитала не противоречит нормам ислама. Но одновременно они придерживаются сохранения строгого запрета получения процентов и дохода от азартных игр (*riba, maysir, gharar*).

По всей вероятности, в перспективе шариатский рынок капитала будет определяться как рынок капитала, использующий ценности шариата как этическую основу всей своей деятельности. Эти положения шариата действительны и для других индонезийских сегментов сектора исламской экономики³. К 2008 г. в Министерстве кооперации и малых предприятий было зарегистрировало почти 2,5 тыс. небольших финансовых институтов и их подразделений, включая кооперацию. Они предоставляли кредиты местному населению для совершения хаджа, страхования и других целей.

Перспективным направлением работы таких банков является их подключение к программам развития человеческого потенциала. Основой деятельности этих сегментов экономики являются новые принципы организации дела, исходя из этики и норм ислама.

---

¹ Kompas. Jakarta, 09.09.2009.

² Far Eastern Economic Review. – НК, 2003. – Т. 166. – № 3. – С. 18.

³ Трунин П., Каменских М., Муфтяхеидинова М. Исламская финансовая система. Современное состояние и перспективы развития. ИЭПП. – М., 2009. – С. 15.

Помимо исламского банковского дела, новый продукт или услуга создаются с использованием таких принципов, как *zakat*, *vakaf*, *takaful*.

При этом утверждается, что такие принципы содействуют формированию гражданского общества (*masharakat madani*). Предшествовавшие банкротства многих обычных банков заставило многих индонезийцев лучше присматриваться к работе новых банков. Поэтому весьма быстро шариатские банки стали завоевывать доверие клиентов.

Быстрому росту и диверсификации нового сектора экономики, а также его интеграции в индонезийскую кредитно-банковскую систему способствовали как традиционные устои шариата, так и внедрение современных методов ведения дела, включая интернет-бизнес, международную систему контроля и отчетности, введение единых стандартов.

Особое внимание заслуживают диверсификация сферы услуг (*takaful*), выпуск облигаций *shariah* и др. Шариатские банки стремятся при содействии Центрального банка усилить контроль над деятельностью финансовых институтов, а также повышать качество предоставляемых услуг¹. Развитие новой формы деятельности проявляется в росте производства *halal*-продукта и других шариатских бизнесов.

Вместе с тем качество обслуживания клиентов в обычной банковской системе всё еще оставляло желать лучшего. Долги банков в 2003 г. превышали 50 трлн рупий, а их прежнюю задолженность, которую взяло на себя правительство, составляли 65 трлн. На восстановление банковской системы правительство затратило свыше 100 млрд долл., или 80% ВВП. Это намного увеличило долг государства (внутренний и внешний). В свою очередь, эти тенденции замедляли становление государственности нового типа на крупнейшем архипелаге мира².

Бурное развитие новых структур привело к изменению и в современном социуме. В низших укладах, где наряду с открытием тысяч отделений и «окон» обслуживания правопослушных всё еще сохраняются атавизмы ростовщичества, и кончая появлением обслуживающих новую экономику банкиров.

---

¹ Gatra. – 2006. – № 29. – С. 72–73.

² Более подробно об этих проблемах банковского сектора см.: Пахомова Л.Ф. «Модели процветания: Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия». – М.: «Наука», ИВ РАН, 2007. – 256 с.

Совместное предпринимательство (*musyarakah*) относится к совместному проекту банка и предпринимателя на основе договора, в котором определяется пропорционально сделанным вложениям разделение прибыли и потерь. Этот вид контрактов имеет место при финансировании долгосрочных инвестиционных проектов. Еще один новый продукт – (*idjarah*) во многом аналогичен лизингу, практикуемому в обычной банковской системе. Его отличие заключается в возможности определять, кто именно несет издержки, связанные со страховкой и амортизацией.

В последние годы правительство Сусило Бамбанг Юдхойоно вырабатывает «Большую стратегию развития шариатского банковского дела» (*Grand Strategy Pengembangan Pasar Perbankan Syariah*).

Разработка данного документа в рамках реализации концепции «народной экономики» находит отклик и в индонезийской умме. На начальном этапе учреждения исламских банков весьма важно было добиться компромисса относительно принципа разделения убытков и прибылей всеми акторами экономического процесса.

Сторонники данной парадигмы инварианта «народной экономики» считали, что сначала необходимо расширить границы совместной экономической деятельности мусульман (*santri*). Следует отметить, что трактовка «народной экономики» в Индонезии в этом контексте несколько иная.

Предпринятые правительством Индонезии меры законодательного и административного характера способствовали динамичному развитию шариатского банкинга в стране. Так, в середине 2009 г. число отделений, обслуживавших шариатскую банковскую систему, составило 1440, число банков – 20; их общие активы – 55 238 млрд рупий. В целом численность служащих достигла почти 11 тыс.

В 2010 г. в стране было уже пять шариатских банков и 25 филиалов, обслуживавших клиентов-мусульман. Однако операции с шариатскими денежными средствами и валютой осуществляли 3 тыс. различных подразделений. Не менее впечатляющим был рост операций по страхованию банковских вкладов (65% в год).

По данным Центрального банка Индонезии, доля исламских банков в банковской системе страны в 2011 г. составляла 3,8% (1,8 млрд долл. активов) с ростом в 35% в год. В 2012 г. активы местных исламских финансовых компаний (небанковских) выросли в 5 раз и достигли 22,7 трлн рупий. По состоянию на конец

2012 г. таких фирм в Индонезии насчитывалось 35, их них 21 открылась в течение того же года¹.

По итогам 2013 г. исламские банки Индонезии вновь зафиксировали двузначные темпы роста, при этом банковские подразделения по работе с сельским населением и небанковским услугам расширялись еще более высокими темпами. В 2013 г. активы исламского бэнкинга в Индонезии увеличились на 24,2% до отметки в 242 трлн рупий (21,4 млрд долл. США) и теперь составляют 4,9% от общей величины банковских активов страны (при плане правительства – 5%).

В настоящее время в Индонезии насчитывается 163 исламских сельских банка, и их активы в 2013 г. возросли на 24% – до уровня в 5,8 млрд рупий. Доля исламских активов в общей величине финансовых ресурсов сельских банков, таким образом, достигла 7,5%. Динамичный рост активов сельских исламских банков был зафиксирован, даже несмотря на то что количество их филиалов по стране за год практически не увеличилось и составило 402².

Приведенные цифры в абсолютном выражении не столь впечатляющи, но здесь важна тенденция устойчивого роста. Поэтому, согласно планам правительства страны, ожидается, что доля этого сектора на рынке в 2020 г. составит 15%.

Появление нового сектора в индонезийской экономике является, как отмечалось выше, новацией, влияющей на процесс становления качественно новой финансовой системы. Практически за три десятилетия шариатский бэнкинг совершил прорыв в региональный и даже глобальный банковский мир. Он становится интегральной частью региональной и мировой финансовой системы.

Потенциально Индонезия представляет большие возможности для развития исламского бэнкинга. Население страны в 2014 г. превысило 250 млн человек, 85% которого исповедует ислам³. Таким образом, Индонезия – страна с крупнейшим по численности мусульманским населением в мире, но ее потенциал в сфере исламских финансов остается нереализованным.

---

¹ «Indonesia Raises Rp 1.56t of Islamic Bonds, Above Target». Rieka Rahadiana. April 8, 2014. – <http://www.thejakartaglobe.com/business/indonesia-raises-rp-1-56t-islamic-bonds-target/>

² «Indonesia's Islamic Finance Sector Broadens», Bernardo Vizcaino, April 2, 2014. – <http://www.thejakartaglobe.com/business/indonesias-islamic-finance-sector-broadens/>

³ Indonesia Syarian Economic... – С. 92. – <http://countrymeters.info/ru/Indonesia/>

Исламский бэнкинг в Индонезии остается достаточно слабо-развитым и значительно отстает, например, от малазийского. Внутренние выпуски облигаций сукук пока исключительно суверенные, что ограничивает круг их обращения. Как правило, это среднесрочные (пять-шесть лет) ценные бумаги с хорошей доходностью в 6–8%. Однако размещение этих ценных бумаг проходит не столь успешно, как ожидало правительство, что обусловлено нестабильной экономической и финансовой ситуацией в стране¹. Поэтому корпоративные выпуски индонезийские банки и компании предпочитают делать в той же Малайзии.

Позиции индонезийских шариатских банков всё еще остаются не слишком сильными, и считается, что Индонезия припоздала с учреждением шариатских банков. Более успешно развивается шариатский бэнкинг в Египте и Малайзии и в государствах Персидского залива. Однако, несмотря на имеющиеся проблемы, шариатский бэнкинг имеет вполне реальный потенциал для дальнейшего развития.

*«Экономические, социально-экономические
и этноконфессиональные проблемы стран Востока»,
М., 2014 г., с. 139–149.*

О. Хлопов,

кандидат политических наук,
доцент кафедры мировой политики
и международных отношений (РГГУ)

ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ СНИЖЕНИЯ ЦЕНЫ НА НЕФТЬ: ИНТЕРЕСЫ США И САУДОВСКОЙ АРАВИИ

Снижение цены на нефть негативно повлияло на финансовое и экономическое положение России. Это привело не только к сокращению доходов в бюджет и Стабилизационный фонд.

На фоне неблагоприятных для России международных отношений, выразившихся в санкциях и политическом давлении со стороны западноевропейских стран и США, цена на нефть превращается в инструмент геополитики и передела сфер влияния между потребителями и производителями нефти.

---

¹ «Indonesia Sees Slower Islamic Banking Growth in 2014 on External Risks», Jakarta Post. December 17, 2013.

Снижение цен на нефть со 114 до 50 долл. и ниже породило множество предположений и теорий относительно причин такой тенденции. Так, глава Службы внешней разведки (СВР) России, бывший премьер-министр Михаил Фрадков заявил в интервью агентству «Bloomberg», что Запад и союзники стремятся ослабить Россию с помощью санкций и атаки на курс рубля и стоимость нефти. «Снижение стоимости российской валюты более чем на 30% вызвано действиями Соединенных Штатов». Он подчеркнул, что главной причиной падения цены на нефть стали действия США¹.

Российский президент В. Путин в интервью китайским СМИ в преддверии саммита АТЭС в КНР дал следующие емкое объяснение причин снижения цены на нефть. Он заявил, что «объективной причиной снижения мировых цен на нефть стало замедление темпов роста экономики, а значит, и энергопотребления в целом ряде стран. Кроме того, как стратегические, так и коммерческие запасы нефти в развитых странах находятся на уровне исторических максимумов. Сказываются и новации в технологии добычи нефти, которые привели к появлению новых объемов углеводородов на региональных рынках.

При этом политическая составляющая в ценах на нефть также всегда присутствует. Более того, в некоторые кризисные моменты возникает ощущение, что в ценообразовании на энерго-ресурсы как раз и превалирует политика.

Другим негативным фактором является отсутствие четкой прямой связи между физическими рынками нефти и финансовыми площадками, на которых ведется торговля. При этом активно используются производные инструменты, которые многократно усиливают волатильность нефтяных цен. Такое положение вещей, к сожалению, создает условия для спекулятивных действий и, как следствие, для манипулирования ценами в зависимости от чьих-либо интересов².

Факторы, воздействующие на нефтяные цены, очень разнообразны. По одной из версий, мировая цена сдерживалась целе-

---

¹ Russian Spy chief Blames U.S., EU for Ruble, Oil Price Collapse. – Bloomberg. 04.12.2014. – URL: <http://www.bloomberg.com/news/2014-12-04/russian-spy-chief-blames-u-s-eu-for-ruble-oil-price-collapse.html> (Assessed 20.01.2015.)

² Путин В. Интервью ведущим китайским СМИ. – Президент России. Официальный сайт. 06.11.2014. – Доступ: <http://kremlin.ru/transcripts/46972> (Проверено 18.01.2015.)

направленно странами ОПЕК, в первую очередь Саудовской Аравией, для того чтобы приостановить добычу сланцевой нефти в США и не допустить ее на международный рынок нефти. Главная идея заключается в том, что затраты на проекты «сланца» при низкой цене будут для американских компаний нерентабельными. Государства Персидского залива, имеющие половину голосов в Организации стран – экспортеров нефти (ОПЕК), на министерской сессии 27 ноября 2014 г. в Вене выступили единым фронтом за сохранение квот добычи на текущем уровне – 30 млн бар / день (40% мировой добычи).

Представители Саудовской Аравии заявляют, что не намерены в ближайшее время выступать за сокращение добычи, даже если цены продолжают снижаться до уровня в 60 долл. за баррель. По мнению генерального секретаря ОПЕК Аблаллы эль Бадри, снижение цены обусловлено переизбытком предложения от государств, не входящих в ОПЕК, и именно они должны первыми уменьшить добычу на фоне избытка нефти на рынке, спровоцировавшего падение цен ниже 50 долл. за баррель¹.

Другое объяснение заключается в том, что США и Саудовская Аравия приняли план по значительному снижению мировых цен на нефть с целью нанесения финансового урона России и ближайшим ее партнерам – Ирану и Венесуэле. Визит Барака Обамы в Саудовскую Аравию, состоявшийся сразу после саммита G-7 в Гааге весной 2014 г., где были приняты резкие заявления в адрес России, вызвал целую волну публикаций и комментариев на эту тему. Приводятся аналогии с 1980-ми годами, когда Саудовская Аравия приняла решение о снятии ограничений на нефтедобычу, что привело к резкому снижению цены и нанесло серьезный удар финансовой устойчивости СССР.

Такое объяснение вполне соответствует современному состоянию международных отношений, когда США и их союзники по НАТО предприняли усилия по политической и финансово-экономической изоляции России в ответ на усиление ее роли и возобновление экономического роста. Как отмечается в новой редакции Военной доктрины РФ, утвержденной президентом В. Путиным в декабре 2014 г., «мировое развитие на современном этапе характеризуется усилением глобальной конкуренции, напряженности в различных областях межгосударственного и

---

¹ Глава ОПЕК пообещал рост цен на нефть в будущем. – Интерфакс. 22.01.2015. – Доступ: <http://www.interfax.ru/business/419386> (Проверено 23.01.2015.)

межрегионального взаимодействия, соперничеством ценностных ориентиров и моделей развития, неустойчивостью процессов экономического и политического развития на глобальном и региональном уровнях на фоне общего осложнения международных отношений. Происходит поэтапное перераспределение влияния в пользу новых центров экономического роста и политического притяжения»¹.

Очевидно, что одними из главных тенденций современного мира являются передел прежних геополитических реалий и стремление ведущих стран обеспечить контроль над ресурсами на глобальном, региональном и отраслевом уровнях.

Выступая с посланием к Конгрессу 20 января 2015 г. американский президент Б. Обама заявил, что усилиями США нанесен значительный урон экономике России. «Сегодня Америка продолжает оставаться сильной и единой, как и наши союзники, в то время как Россия изолирована, а ее экономика разорвана в клочья»². Цель США очевидна – не допустить возрождения сильной России, а все попытки ее усиления блокировать при помощи всевозможных средств и методов с целью нанесения существенного урона. В области финансов и экономики, когда Россия стала частью глобального мира, это можно сделать, не прибегая к военной силе.

Как показывает анализ истории XX и начала XXI в., в основе реальных действий государств на мировой арене лежат их стремление обеспечить доступ к запасам дефицитных естественных ресурсов и контроль над ними, а также жесткая конкуренция и борьба за свою ценовую политику.

Рассмотрим особенности влияния на ценообразование двух главных акторов международного рынка нефти – США и Саудовской Аравии.

Принимая во внимание финансово-экономические и политические возможности США, можно констатировать, что Соединенные Штаты обладают вполне самостоятельными рычагами влияния на цену нефти на международных рынках. В последние годы прослеживается тенденция снижения роли США как импор-

---

¹ Военная доктрина Российской Федерации, утвержденная Президентом РФ 26 декабря 2014 г. – Доступ: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d527556bec8deb3530.pdf> (Проверено 22.01.2015.)

² Remarks by the President in State of the Union Address. January 20, 2015. – URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/01/20/remarks-president-state-union-address-january-20-2015> (Assessed 23.01.2015.)

тера нефти и их постепенное превращение в экспортера нефти и нефтепродуктов. Высказывается предположение, что мы можем стать свидетелями превращения биполярного мирового нефтяного рынка в рынок монополярный, на котором ключевую роль вместо сегодняшних двух центров «нефтяной силы» (США и Саудовская Аравия и ОПЕК) станут играть только США [Конопляник 2013: 2]. И для такого утверждения есть все основания.

Во-первых, в Соединенных Штатах происходит бум добычи сланцевой нефти. Стратегическая цель США – стать независимыми от импортных поставок нефти, в первую очередь ближневосточной.

Управление энергетической информации Соединенных Штатов (EIA) прогнозирует в 2015 г. уровень добычи сырой нефти в США, включая жидкий конденсат, в 9,3 млн бар / день, а в 2019 – 9,9 млн бар / день¹. Америка в результате сланцевого бума обойдет Россию и Саудовскую Аравию по объему нефтедобычи и приблизится к самодостаточности. В своих прогнозах специалисты компании «British Petroleum» подчеркивают, что США к 2035 г. могут стать страной, практически полностью обеспечивающей себя энергоресурсами².

Во-вторых, процессы глобализации и информатизации превратили нефть не только в биржевой (физический) товар, но и в финансовый актив («бумажная» нефть). Изначально биржевая цена нефти определялась балансом спроса и предложения и слабо зависела от факторов финансового характера. К началу нулевых годов произошел переход от системы краткосрочных контрактов к долгосрочным, а затем – к фьючерсным сделкам. Отмена в 1999 г. в США Закона Гласса–Стиголла, который ограничивал спекулятивную деятельность американских банков, привела к дополнительному росту ликвидности рынка.

Эти новые производные «нефтяные» финансовые активы стали превосходить по объемам торговли рынок физической нефти. Сегодня большая часть нефти в мире продается по долгосрочным контрактам, которые и определяют цену.

---

¹ US Energy Information Administration. International Energy Outlook. 2014. 09.09.2014. – URL: [http://www.eia.gov/forecasts/ieo/pdf/0484\(2014\).pdf](http://www.eia.gov/forecasts/ieo/pdf/0484(2014).pdf) (Assessed 25.10.2014.)

² BP Energy Outlook 2035. US Fact Sheet. – British Petroleum. January. – URL: http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/Energy-economics/Energy-Outlook/Country_insights_US_2035.pdf (Assessed 12.10.2014.)

Таким образом, для того чтобы США смогли влиять на цену нефти, им достаточно целенаправленно ограничить или увеличить приток долларов на нефтяную биржу, обеспечивая приток или отток капиталов [Симонов 2014: 1].

Анализ причин снижения нефтяных котировок ввиду односторонних действий Саудовской Аравии в 1980-х годах будет неполным, если их свести только к заговору против СССР. Падение цен на нефть стало результатом формирования на мировом рынке большого переизбытка объема нефти. После арабского нефтяного эмбарго 1973 г. со стороны ОПЕК страны Запада предприняли системные меры по разработке концепции энергетической безопасности. Были внедрены новые технологии экономии нефти, открыты новые месторождения, включая месторождения Северного моря и новые проекты по добыче нефти. Доля ОПЕК в мировой нефтедобыче снизилась с 51% в 1973 г. до 41% в 1981 г. и до 28% в 1985 г. К 1985 г. стало ясно, что сдерживать ситуацию не удастся: при всех попытках ОПЕК сохранить высокие цены за счет ограничения нефтедобычи, нефть подешевела с 36 долл. за баррель сорта Dubai в 1980 г. до 28 долл. в 1984 г.

В 1985 г. Саудовская Аравия переменяла стратегию и не захотела терять свои экспортные доходы, оставляя их другим экспортерам. В декабре 1985 г. Саудовская Аравия подняла добычу на уровень своей квоты внутри ОПЕК. В результате создавшегося избытка предложения цены снизились. Однако, учитывая низкий уровень издержек по добыче в Саудовской Аравии, даже снижение цен обеспечивало ей запас рентабельности.

В результате снижения производства нефти темпы экономического роста снизились до нулевых или весьма низких значений, бюджетный дефицит составлял в среднем около 7% ВВП в течение последующих десяти лет, а госдолг в 1990-х годах вырос до уровня более 100% ВВП. Так что вряд ли у Саудовской Аравии есть желание повторять этот негативный опыт – потерять свою долю рынка и значительно снизить прибыль в результате падения цены.

Сегодняшнее снижение цены выгодно Саудовской Аравии и направлено против США, поскольку если цены на нефть упадут до очень низкого уровня, то «сланцевая революция» в США окажется

под угрозой срыва, и сланцевые технологии окажутся нерентабельными и невыгодными¹.

Государственная нефтекомпания Саудовской Аравии «Saudi Aramco» сократила январские 2015 г. официальные цены реализации своей нефти на 1,5–1,9 долл. за баррель для Азии и на 0,1–0,9 долл. за баррель для США по сравнению с декабрем 2014 г. Это самые значительные скидки азиатским покупателям за последние 14 лет². Следовательно, это признак того, что Саудовская Аравия активизирует «ценовую войну» с целью отстоять свою рыночную долю в борьбе с американскими производителями. Между тем аналитики крупнейшего мирового банка Goldman Sachs в начале 2015 г. резко понизили прогнозируемую стоимость нефти Brent и WTI, отметив, что цены на нефть должны оставаться около уровня в 40 долл. за баррель в течение первой половины 2015 г., чтобы спровоцировать сокращение инвестиций в сланцевую отрасль США.

Международное энергетическое агентство (IEA) предположило, что наблюдаемый сегодня спад цен на нефть – это признак наступления нового этапа в эволюции глобального нефтяного сектора, который несет угрозу социальной стабильности некоторых нефтедобывающих стран³.

В октябре 2014 г. МВФ дал оценку тому, какой уровень цен на нефть необходим отдельным странам для обеспечения бездефицитного бюджета. По данным фонда, Кувейт, Катар и Объединенные Арабские Эмираты устроят 70 долл. за баррель, тогда как для Ирана этот показатель составляет 136 долл., для Венесуэлы и Нигерии – 120 долл., а для России – 101 долл.⁴

---

¹ Crooks G., York Ed. Saudi Arabia Tests US Ties with Oil Price. – Financial Times. 06.10.2014. – URL: <http://www.ft.com/cms/s/2/e2fd08c6-554c-11e4-b750-00144feab7de.html#axzz3H4HzjAa> (Assessed 30.11.2014.)

² Saudi Arabia Cuts All January Crude Oil Prices to U.S., Asia. – Wall Street Journal. 04.12.2014. – URL: <http://online.wsj.com/articles/saudi-arabia-cuts-all-january-crude-oil-prices-to-u-s-asia-1417700645-?KEYWORDS=saudi+Arabia> (Assessed 07.12.2014.)

³ Oil Market Report: 14 November 2014. – International Energy Agency. 14.11.2014. – URL: <https://www.iea.org/oilmarketreport/omrpublic/currentreport/> (Assessed 10.01.2015.)

⁴ Saudi Arabia Sees Oil Prices Stabilizing Around \$60 a Barrel. – Wall Street Journal. 03.12.2014. – URL: <http://online.wsj.com/articles/saudi-arabia-believes-oil-prices-could-stabilize-around-60-a-barrel-1417623664> (Assessed 17.01.2015.)

По оценке официальных представителей Венесуэлы, которая оказалась наиболее уязвимой из стран-экспортеров, нынешнюю ситуацию на нефтяном рынке можно определить как «войну цен».

Благодаря доходам государственной нефтяной компании PDVSA правительство Венесуэлы могло увеличивать социальные расходы в течение последнего десятилетия, что было ключевой целью социально-экономической политики Уго Чавеса и его преемника Н. Мадуро.

Сегодня экономика Венесуэлы находится в предкризисном состоянии: годовая инфляция превышает 60%, экономика за первые полгода сократилась на 5%, наблюдается нехватка продовольствия, медикаментов и других товаров. Проблемы в экономике могут спровоцировать социальные волнения, поскольку резервы правительства в твердой валюте сокращаются.

До введения Евросоюзом санкций против Ирана с 1 июля в 2012 г. в ответ на отказ Ирана прекратить «ядерные разработки», Иран добывал почти 3,7 млн бар / день (2-е место в ОПЕК после Саудовской Аравии), из них 2,5 млн бар / день уходило на экспорт. После введения санкций уже в октябре 2012 г. экспорт нефти из Ирана упал до 715 тыс. бар / день. Политическое сдерживание и изоляция Ирана способствовали деформации и перераспределению рынка экспорта нефти стран ОПЕК. В случае отмены санкций Иран повысит добычу до 4,8 млн бар / день. В этой ситуации, очевидно, что Иран больше всего заинтересован в восстановлении своей доли рынка и высокой цены на нефть.

Падение мировых цен на нефть, ослабление рубля на фоне финансово-экономических санкций обозначили потери и уязвимость России. Минфин РФ оценил потери бюджета на 2015 г. от низких цен на нефть, а также низких темпов роста экономики и проблем с импортом в 1 трлн руб. Если такая ситуация сохранится, то в 2015 г. бюджет страны может недополучить примерно 500 млрд руб. доходов¹.

Сегодня у России пока еще есть запас прочности. Исходная ситуация другая, так как в отличие от перестроечной эпохи страна имеет низкий госдолг, а бюджетный дефицит пока находится под контролем – есть запасы Стабилизационного фонда и золотовалютные резервы.

---

¹ Силуанов: Низкие цены на нефть продержатся долго. 26.11.2014. – Доступ: <http://newsru.com/finance/26nov2014/siluanovplan.html> (Проверено 18.01.2015.)

Новые политические вызовы определяют финансово-экономические возможности и пути выхода из предкризисной ситуации. Ослабление рубля позволяет получать больше дохода при конвертации их в доллары от продажи нефти. С другой стороны, урон наносится частному сектору, а дальнейшее снижение курса рубля приводит к тому, что россияне вынуждены больше платить за импорт, а растущие цены могут создать политические проблемы. Настоящей проблемой являются снижающиеся реальные доходы и продолжающийся отток капитала. Очевидно, что назрело время серьезных структурных экономических реформ и изменения экономической модели развития России. Необходимо не только принять пакет законопроектов антикризисной программы – следует учитывать, что, по большому счету, речь идет о финансово-экономическом суверенитете России: зависимость от доллара, иностранных инвестиций и доходов от экспорта сырья чрезмерна. А внешнее давление на Россию, как показывает исторический опыт, – это обычная практика.

Таким образом, США и Саудовская Аравия обладают инструментами влияния на ценообразование нефти и могут их задействовать, исходя из собственных интересов. Их интересы также могут как совпадать, так и вступать в противоречие, исходя из ситуации в нефтегазовой индустрии и геополитической ситуации на Ближнем Востоке и в мире. Низкая цена на нефть до определенных минимальных пределов не является угрозой и проблемой для их экономик. Очевидно, что США, западные страны, Китай, Индия как крупнейшие потребители углеводородных ресурсов в целом оказываются в выигрыше от низкой цены на нефть. В проигрыше оказываются те страны, чьи бюджеты сильно зависят от экспорта нефти. Учитывая это обстоятельство, США и Саудовская Аравия могут целенаправленно создавать финансовую и социальную напряженность для своих конкурентов. В условиях низких темпов мирового экономического роста и неравномерного глобального развития управление снижением цены на нефть даже на краткосрочном временном отрезке является инструментом нанесения социально-экономического ущерба.

Литература

1. Конопляник А. 2013. Однополярный нефтяной мир – реальная перспектива. – Экономическая политика. 05.09. Доступ: <http://ecpol.ru/component/content/article.html?id=1016> (Проверено 21.10.2014.)
2. Симонов К. 2014. Почему США не заинтересованы в обвале цены на нефть. – ИТАР-ТАСС. 03.04. Доступ: <http://tass.ru/opinions/2057> (Проверено 12.11. 2014.)

*«Власть»,
М., 2015 г., № 3, с. 156–160.*

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Е. Крамарова,

аспирант Института социологии
и регионоведения ЮФУ

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ И ЭТИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАВКАЗОВЕДОВ

**(К итогам работы II Международного форума
историков-кавказоведов)**

15–16 октября 2014 г. в Ростове-на-Дону состоялся II Международный форум историков-кавказоведов. Как и первый, он был организован по инициативе Центра региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, Российского института стратегических исследований, Института социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН, Академии наук Чеченской Республики и гуманитарного фонда «Кавказ – новые горизонты».

Программа форума включала 44 доклада ученых из Москвы, Абхазии, Азербайджана, Армении, вузов и научных учреждений ЮФО и СКФО.

Работу форума открыл сопредседатель оргкомитета, профессор ИСиР ЮФУ В.В. Черноус. Он отметил, что после первого форума удалось сделать шаг по преодолению политизированности российского кавказоведения. Принятая на нем хартия получила поддержку нескольких научных конференций, была опубликована рядом научных журналов и СМИ. Начался переход от конфликтующего кавказоведения к конструктивному, к диалогу между различными научными школами и направлениями. Задача – закрепить и усилить эти тенденции.

С приветствиями к участникам форума обратились заместитель председателя ЮНЦ РАН доктор физико-математических наук В.В. Коленчук, президент АН ЧР Ш.А. Гапуров, профессор

Адыгейского госуниверситета Э.А. Шеуджен и руководитель ЧКРИАЦ РИСИ доктор политических наук А.А. Озеров.

С первым пленарным докладом на тему «Еще раз к вопросу о присоединении народов Северного Кавказа к России» выступил президент АН ЧР профессор Ш.А. Гапуров. Он проанализировал историографию вопроса, предлагавшиеся дефиниции – завоевание, присоединение, вхождение. Обосновал тезис, что данные события необходимо рассматривать как длительный процесс, начавшийся в XVI в. и завершившийся у разных народов в конце XVIII – начале XIX в. Народно-освободительную борьбу горцев в 20–60-е годы XIX в., за некоторым исключением, следует рассматривать как события внутренней истории России.

В.В. Черноус выступил с обоснованием проекта Этического кодекса кавказоведа, разработанного рабочей группой по поручению первого форума. Он показал, что преодолеть кризисные явления в кавказоведении только нормативно-правовыми, административными и финансовыми инструментами невозможно. XXI век, по его мнению, характеризуется дальнейшим уходом морали из всех сфер жизни, включая науку, и постмодернистской депрофессионализацией. Восстановление морали, этики становится императивом. В проекте кодекса решено было уйти от специфических этических проблем отдельных наук о Кавказе и сконцентрироваться на универсальных для кавказоведения проблемах. Они достаточно очевидны, но практически всеми обходятся, и корпоративная культура кавказоведов требует напомнить о них. Он предложил в докладах высказаться не только по избранным темам, но и по проекту кодекса, который также целесообразно обсудить в вузовских и исследовательских коллективах.

Э.А. Шеуджен остро поставила в докладе «Историки Северного Кавказа: Проблемы историографического наследия» этическую проблему преемственности поколений ученых. Она обратила внимание на снижение качества многих историографических очерков и обзоров, фактическое игнорирование богатейшего наследия советской исторической науки, выдающихся ученых XX в. и на этой сомнительной основе постоянное объявление своих работ «новаторскими» и т.п., хотя в большинстве случаев это хорошо известные сюжеты. Э.А. Шеуджен высказалась за принятие кодекса, но только после проведения обсуждения в научных коллективах.

Профессор ИСЭГИ ЮНЦ РАН Т.П. Хлынина в докладе «Нациестроительство на Северном Кавказе: Исследовательский

проект и его итоги» представила результаты крупного исследования, проведенного ЮНЦ РАН. На основе широкой источниковой базы, включая экспертные интервью, она показала различия в подходах к нациестроительству в различных республиках Северного Кавказа.

Профессор А.М. Бугаев (Комплексный научно-исследовательский институт РАН, Грозный) охарактеризовал научное наследие академика РАН Ю.А. Полякова, который был тесно связан с учеными Северного Кавказа, в частности был главным редактором третьего тома «Истории народов Северного Кавказа». Он обратил внимание на книгу воспоминаний ученого, в которой содержатся идеи, темы, требующие реализации в новейших трудах по истории Северного Кавказа.

Ведущий научный сотрудник РИСИ Я.А. Амелина выявила новые направления и подходы в политике Грузии на Северном Кавказе, в том числе в социально-гуманитарной сфере, и показала их неоднозначный характер. Ссылаясь на неудачный опыт журналистского сообщества, Я.А. Амелина выразила сомнения в эффективности действия Этического кодекса кавказоведа для деполитизации научных исследований.

Доклад патриарха ростовских кавказоведов профессора СКНЦ ВШ ЮФУ Н.С. Авдулова стал своеобразной перекличкой с докладом А.М. Бугаева. Он раскрыл методологию изучения Кавказа в работах члена-корреспондента РАН Ю.А. Жданова, основанную на идеях диалога и синтеза культур народов Кавказа и России, реализованных в проектах «История народов Северного Кавказа» и незавершенной «Энциклопедии культур народов Юга России». Эти же аспекты осветил профессор ИСиР ЮФУ Г.А. Матвеев на конкретных примерах взаимопроникновения культур Кавказа и русской культуры.

Доцент ЮФУ, старший научный сотрудник ЧКРИАЦ РИСИ А.В. Аверьянов провел параллели в восприятии событий на Кавказе консерваторами начала XX и начала XXI в.

Аспирант ИСиР ЮФУ Е.Н. Крамарова показала консолидирующую роль журналов «Известия вузов. Северо-Кавказский регион», «Научная мысль Кавказа», «Гуманитарий Юга России» и др., которые создали коммуникативную сеть, позволяющую ученым преодолевать территориальную замкнутость исследований и укреплять единство и целостность Юга России. В докладе также показан вклад издательств СКНЦ ВШ ЮФУ, «М. и В. Котляровых» и др. в публикацию кросскультурных трудов, объеди-

няющих связь дореволюционных, советских и современных кавказоведов.

Большой интерес вызвал доклад профессора Е.Н. Кринко (заместитель директора ИСЭГИ ЮНЦ РАН), который охарактеризовал дискуссионные вопросы истории Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны, отметил недооценку роли битвы за Кавказ в научной литературе и необходимость не уходить от научного анализа сложных проблем истории.

Доцент СКФУ (филиал в г. Пятигорске) А.А. Остахов предложил связать причины поражения горцев в Кавказской войне (1817–1864) с кризисом их военной тактики в связи с изменениями вооружения первой половины XIX в.

Декан исторического факультета АГУ профессор Н.А. Почешхов (Майкоп) системно рассмотрел развитие советской историографии Северного Кавказа, показал, что, несмотря на идеологическую ангажированность и сложные, ограниченные возможности работы с источниками, советские историки создали солидный фундамент для развития современной историографии.

Доктор исторических наук, доцент АГУ Р.А. Тлепцок концептуализировал важность подхода к истории Кавказа в геополитической системе координат, не замыкаясь только в локальных процессах.

Доцент КБГУ М.С. Тамазов (Нальчик) показал потенциал междисциплинарного подхода к изучению традиционной Кабарды, что позволит преодолеть ограниченную базу письменных источников.

Профессор ЮФУ Д.В. Сень обрисовал малоизученную проблему «казачьих проектов» Османской империи и Крымского ханства, что в серьезной степени уточняет проблему возможных альтернативных путей развития запорожского и донского казачества.

Все участники форума после обмена мнениями высказались за принятие кодекса в целом и направлении его на обсуждение в университеты и НИИ Северного Кавказа. Вновь прозвучал призыв вернуться к созданию коллективных региональных трудов по истории и культуре Северного Кавказа. В заключение прошла презентация новейших изданий по кавказоведению:

– Сайдаев И.В. «Муравьиная работа, или Развенчание “чеченского Геббельса”» (Москва, 2014);

– совместный польско-российский двухтомник «Элиты Северного Кавказа» (Варшава, 2014);

- Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф. «История, политика и национальное строительство на Северном Кавказе» (Ростов-на-Дону, 2014);
- новые издания по юридической антропологии Кавказа ЮРИУ РАНХиГС (Ростов-на-Дону).

Этический кодекс кавказоведа

Разработка «Этического кодекса кавказоведа» (далее – Кодекса) обусловлена проблемами, возникающими в сообществе практикующих ученых-гуманитариев и связанных с нарушениями профессиональной этики, что особенно актуально для современной исторической науки. В XXI в. в условиях нарастающей турбулентности современного глобального мира, которая сказывается на системе ценностей, на смысле интерпретации истории и культуры всего человечества и отдельных народов, на депрофессионализации многих сфер деятельности, включая наступление на современную науку и ее авторитет, возрастает значение нравственных, этических норм как важнейшего саморегулятора социальной жизни.

Для кавказоведов принадлежность к профессии определяется отождествлением себя с сообществом ученых, вовлеченных в коллективную деятельность по исследованию и интерпретации прошлого и настоящего в рамках конкретного региона как значимой части мирового исторического процесса. Кавказ – одна из колыбелей человечества, край древнейших культур и цивилизаций, «солнечное сплетение Евразии», но одновременно самый сложный этноконфессиональный регион с бурной и противоречивой историей. Это накладывает на кавказоведов-историков, археологов, этнографов, культурологов и других представителей социальных и гуманитарных наук высокую ответственность за соблюдение научных принципов, гуманистических идеалов, профессиональной этики, исключающих использование кавказоведения для провокации межнациональных конфликтов.

Кодекс призван способствовать нормализации взаимоотношений между кавказоведами, упрочению научных коммуникаций, конструктивному исследованию фундаментальных и актуальных проблем кавказоведения.

1. Цель и задачи «Этического кодекса кавказоведа»

Целью «Этического кодекса кавказоведа» является систематизация норм и правил, определяющих профессиональную культуру проведения научных исследований по проблемам Кавказа, стремление к неукоснительному соблюдению требований к научным публикациям, установление корректных взаимоотношений между учеными-кавказоведами, научными школами и направлениями, научно-образовательными учреждениями. Стратегической целью Кодекса является освобождение научных исследований в области кавказоведения от излишней политизации, повышение профессионализма и формирование корпоративной культуры кавказоведов в сфере науки и образования.

Задачами Кодекса являются:

- повышение требований к соблюдению принципов научности как внутреннего императива ученого при проведении исследований;
- учет историографического опыта институциональных и интеллектуальных форм диалога с прошлым как части интеллектуальной истории;
- формирование этики дискуссий и соблюдение этических норм при публикации результатов научных исследований, основанных на взаимном уважении и конструктивной критике;
- воспитание уважительного отношения к работам предшественников и современников: осознание того, что природа нашей дисциплины такова, что любое знание принадлежит определенному времени и пространству;
- исключение использования учебной литературы и образовательного процесса в школе и вузе для утверждения этнической исключительности и ксенофобии.

2. Сфера применения

2.1. Научная деятельность кавказоведов.

2.1.1. Проводить исследования на основе научной методологии, соответствующей объекту и предмету познания, осознавая, что никакой самый объективный анализ не может положить конец бесконечному креативному диалогу.

2.1.2. Быть открытым и конструктивно относиться к новым идеям и теориям, критически воспринимать модные концепции, но не получившие достаточного подтверждения в теории и практике.

2.1.3. Стремиться к максимально полному знанию степени разработанности, историографии темы и полученных результатов, учитывать, что разнообразные, противоречащие друг другу точки зрения – это и есть историческая истина.

2.1.4. Повышать источниковедческую культуру, основывая результаты исследования на комплексном и критическом использовании всех доступных источников, без тенденциозного их отбора, в принципе исключить фальсификацию данных источников.

2.1.5. Кавказоведы должны заботиться о сохранности исторических документов и других артефактов, способствовать свободному доступу к архивам, библиотекам и музейным коллекциям.

2.1.6. Корректно относиться к научному понятийному аппарату, избегая его подмены уничижительными терминами и выражениями.

2.1.7. Избегать одностороннего этноцентризма в трактовке исторических фактов и культурного наследия Кавказа, исключить политическую ангажированность, обслуживание социального заказа, противоречащего научной картине мира.

2.2. Публикация научных работ.

2.2.1. Серьезным нарушением этики научного сообщества признается плагиат, наносящий не только непоправимый ущерб авторитету, карьере, но и способный повлечь преследование по закону.

2.2.2. Повышать культуру научного цитирования коллег, не ограничиваясь только кругом единомышленников.

2.2.3. Восстановить культуру закрытого и титульного рецензирования научных текстов, публикаций, не сводя их к комплиментарному описанию.

2.2.4. Не использовать свой статус для навязывания соавторства коллегам.

2.2.5. Ограничить мультипликационный подход к публикации научных текстов.

2.3. Взаимоотношения между кавказоведами.

2.3.1. Строить научные коммуникации, плодотворный обмен мнениями, идеями и знанием на основе критического отношения, толерантности и открытости новым идеям.

2.3.2. Возродить традиционное уважение к вкладу предшественников в науку.

2.3.3. Поддерживать образование интеллектуальных сообществ и авторитет научных школ и направлений, способствующих интенсификации научного процесса в кавказоведении.

2.3.4. Строить научные коммуникации на основе аргументированного диалога, придерживаться уважительного отношения к коллегам, не приписывать им априори сепаратистские или шовинистические замыслы.

2.3.5. Укрепить этику взаимоотношений учителя и ученика, ответственно относиться к преподавательской деятельности, научному руководству диссертационными работами, оппонированию, работе в диссертационных советах.

2.3.6. Порицание профессионального сообщества должны вызывать оскорбительные попытки акцентировать внимание на негативных явлениях в истории народов, без четко продуманной научно обоснованной аргументации.

2.4. Образовательная деятельность.

2.4.1. Постоянно опираться в образовательной деятельности на современные достижения кавказоведения, получившие признание научного сообщества.

2.4.2. Использовать кавказоведческий (региональный) компонент гуманитарных курсов для преодоления этноцентричных стереотипов и ксенофобии, для утверждения гуманистических принципов и идеалов у учащихся и студентов.

2.4.3. Соотносить концепции и фактический материал местной учебной литературы с другими региональными учебниками Юга России, федеральными изданиями.

2.4.4. Учитывать состояние исторической и культурной памяти народов при изложении сложных и трагических событий прошлого, не провоцируя конфликтных ситуаций.

2.4.5. Способствовать укреплению у молодежи российской идентичности, включающей в себя все многообразие духовных ценностей народов России.

2.4.6. Готовить новую генерацию кавказоведов в соответствии с нормами профессиональной этики и социальной ответственности ученого.

2.4.7. Рекомендовать ознакомление с Кодексом студентам гуманитарных специальностей вузов Кавказа и Юга России.

Этические нормы кавказоведа являются добровольно-обязательными для ученых-гуманитариев в сфере науки, образования, личного поведения.

Нарушение данных этических норм порицается сообществом кавказоведов и может стать предметом обсуждения на корпоративных научных мероприятиях.

*«Гуманитарий Юга России»,
Ростов-на-Дону, 2014 г., № 4, с. 187–193.*

С. Сулимов, И. Черниговских,
Воронежский государственный университет
инженерных технологий
**АНТИСИСТЕМА И ПСЕВДОМОРФОЗ
В ЛЕВАНТЕ**

В наши дни, в эпоху глобализма и взаимопроникновения различных обществ и культур под лозунгами толерантности и экономического сотрудничества, очень актуально звучит вопрос о будущем «мира без границ», формирующегося на наших глазах. При этом еще в XIX–XX вв. Н.Я. Данилевский, А.Дж. Тойнби и другие исследователи доказали, что единого, общего для всех стран, народов и культур пути общественного развития не существует, равно как и не существует интернационального «мирового сообщества». Человечество состоит из этносов (по терминологии Л.Н. Гумилева) или культурно-исторических типов (по выражению Н.Я. Данилевского), которые взаимодействуют между собой и влияют друг на друга. Каковы же будут их отношения в грядущем, глобальном будущем? В данной работе мы рассмотрим межкультурное проникновение, сотрудничество и борьбу на примере Леванта в эллинистическую и средневековую эпохи, поскольку это один из наиболее изученных «культурных перекрестков».

Прежде чем рассматривать исторические факты, необходимо уточнить такие термины, как «этнос» и «суперэтнос», «псевдоморфоз» и «антисистема», которые являются ключевыми для понимания процесса межкультурного взаимодействия. «Этнос – устойчивый, естественно сложившийся коллектив людей, противопоставляющих себя всем прочим аналогичным коллективам и отличающийся своеобразным стереотипом поведения, который закономерно меняется в историческом времени» [3, с. 135]. То есть в основе этнической целостности лежит в первую очередь общий стереотип поведения, можно сказать, общие ценности, на основе которых возникает кровное родство и формируется нация.

Например, английский этнос формировался на основе ряда кельтских (валлийцы) и германских (англы, саксы) национальностей, которые в наши дни монолитно соединены общей историей, протестантизмом и единым географическим пространством, именуемым «Англия». А вот, к примеру, шотландцы-кельты, хотя и тоже протестанты, в состав английского этноса не вошли, равно как не сделали этого и ирландцы, отсеченные от англичан еще и религиозным барьером католицизма. Несколько соседствующих и поддерживающих между собой связь этносов образуют суперэтнос. «Суперэтнос – группа этносов, возникающих одновременно в одном регионе, и проявляющая себя в истории как мозаичная целостность» [3, с. 134]. Примером суперэтноса могут послужить европейцы (романо-германцы), которые между собой различаются в национальном и культурном планах, но при этом сходны друг с другом больше, чем с любыми другими этносами планеты. Например, в современном ЕС прекрасно уживаются французы, испанцы, немцы и другие романо-германские народы, но принять и ассимилировать в ЕС африканцев, по меньшей мере, проблематично. Если двум и более суперэтносам приходится соседствовать друг с другом продолжительное время, то они в лучшем случае поддерживают отстраненные отношения, выражающиеся в торговле и военных союзах, а в худшем случае на их стыке возникает антисистема, одинаково разрушающая все суперэтносы, с которыми она контактирует.

Антисистема – это социально-духовная общность людей с негативным мирозерцанием, имеющая общее для своих членов мировоззрение. Проще говоря, это люди, рассматривающие ситуацию, сложившуюся в их этносе, с позиции другого этноса и поэтому воспринимающие реальное положение дел как неправильное и нуждающееся в исправлении. Но поскольку они видят ситуацию «чужими глазами», то лишь разрушают «неправильное», а желаемое создать не могут, потому что вдохновляющий их образец либо непригоден в данной ситуации, либо настолько синкретичен, что не может быть воплощен нигде и никогда. Л.Н. Гумилев выделяет два непреложных условия для возникновения антисистемы: «Для появления устойчивой антисистемы необходимы два параметра: упадок, например, момент перехода из фазы в фазу местного этногенеза, и внедрение чужого этноса. Пусть даже обе системы будут перед началом процесса положительными, творческими, как в плане экологии, так и в аспекте культуры» [3, с. 493]. Антисистема не способна к развитию и обычно имеет эзотериче-

скую структуру, т.е. ее социальная структура происходит по принципу дозирования информации.

Для простоты можно заменить термины «этнос» и «супер-этнос» на «культуру». Ведь культура – это созданный человеком смысловой мир, который делает реальность понятной и близкой. И для формирования культуры требуются те же самые условия, что и для образования этноса. Тем более что культура может быть как мононациональной (английская, русская), так и многонациональной (романо-германская, исламская). Другое дело, что культура может находиться в зачаточном состоянии и носить племенной характер, но может быть достаточно развита для того, чтобы консолидировать несколько народов. Л.Н. Гумилев рассматривал исторический процесс с точки зрения экологии и географии, мы же делаем это с позиций социальной философии и культурологии. И сразу же дополняем концепцию сосуществования культур такой формой отношений, как псевдоморфоз. Впервые этот термин употребил немецкий философ О. Шпенглер, понимая под ним следующее: «Историческими псевдоморфозами я называю случаи, когда чужая старая культура настолько сильно довлеет над страной, что местной молодой культуре нечем дышать, и она не в состоянии не только создать свои выразительные формы, но даже не приходит к полному разворачиванию собственного самосознания. Всё, что поднимается из глубин молодой души, отливается в пустоты чужой жизни. Молодые чувства застывают в устаревших произведениях, и вместо подъема собственного формообразования (*Gestaltungskraft*) до невиданных размеров вырастает только ненависть к чужой и далекой силе» [10, с. 234]. Обычно новая, молодая культура, зарождаясь и развиваясь на ареале старой, дает о себе знать в форме национально-освободительного движения. Если же такое движение не состоится или потерпит поражение, то весь творческий потенциал молодого этноса израсходуется на поддержание старых, не им и не для него созданных форм. В данной работе мы рассмотрим механизм формирования антисистем и псевдоморфозов в Леванте, так как само его экономико-географическое положение делает невозможной изоляцию. Чтобы не расплываться, возьмем такие переломные моменты левантийской истории, как эллинизм (IV–I вв. до н.э.) и арабское нашествие (VII в. н.э.), и сравним их с нашими днями.

Сама география Леванта превращает его в настоящий проходной двор для культурных потоков, идущих с востока на запад и в обратном направлении. Из всех левантийских территорий

(Кипр, Анатолия, Сирия, Палестина, Финикия и Нижний Египет) самыми открытыми оказались Сирия и Финикия. Современный итальянский археолог С. Москати пишет об этом: «Эта промежуточная зона в свое время играла важную роль в истории и Ханаана, и Месопотамии. Для Ханаана она была по очереди то ограничивающим, то уравнивающим фактором для принятия краткосрочных политических решений. Для месопотамских государств она была дорогой к морю и воротами в Палестину и Египет. В таком месте не могла долго просуществовать сильная политическая власть. Как и остальная часть Сиро-Палестинского региона, это была территория, по которой проводились военные походы и на которой распространялись культурные веяния» [7, с. 177]. По иронии судьбы южные и восточные завоеватели (египтяне, ассирийцы, персы), столетиями оспаривая друг у друга эти земли, не пытались втянуть их жителей в орбиту своей культуры. Единственная известная нам древневосточная попытка ассимиляции местных жителей указана в Библии, когда вавилонский царь Навуходоносор II переселил в долину Евфрата палестинцев-иудеев, но это скорее насильственный завоз рабочей силы, нежели стремление превратить евреев в халдеев. Отличались толерантностью и персидские шахи, не отменявшие в этих краях даже местного самоуправления и ограничившиеся взиманием податей.

Ситуация коренным образом изменилась в ходе греко-македонского вторжения (IV в. до н.э.). Александр Македонский не только уничтожил персидское государство, но и вознамерился остаться на Востоке навсегда, демонстративно провозгласив своей столицей Вавилон. Его не устраивала обычная лояльность новых подданных, завоеватель хотел превратить жителей всех захваченных территорий в единый народ. Сам он дошел до того, что прямо предписывал своим полководцам и офицерам смешанные браки, сам женился по восточному обычаю на таджичке и персиянке одновременно и даже стал носить персидскую одежду вперемешку с греческой. После смерти венценосного космополита его наследники диадохи прочно утвердились в левантийских землях, а из более восточных владений (Персия, Синд, Бактрия) их медленно и неумолимо вытесняли аборигены, поддерживаемые кочевыми племенами. Зато Финикия, Сирия, Палестина и Египет на несколько веков стали полем грандиозного социокультурного эксперимента: здесь реализовалось сосуществование греческой культуры с ее местными аналогами.

Македонское завоевание разделило восточное общество на две неравные части, различные во всём: от численности и социального положения до культуры и взглядов на жизнь. Современный отечественный историк Л.С. Васильев указывает: «Каждая из стран была поделена на две неравные части: на эллинистические или, во всяком случае, заметно эллинизированные города и крупные поселения и на мало связанную с ними периферию, получившую наименование “хора”. (...) Всех жителей этих центров, независимо от их происхождения (а новые эллинского типа городские поселения начали быстро осваиваться наиболее активными мигрантами из восточных стран, будь то евреи, армяне, сирийцы, персы и многие-многие другие), вскоре стали именовать “эллинами”» [2, с. 339]. Этот же автор пишет, что в захваченных Александром Македонским негреческих странах (Сирии, Египте, Персии) сложилась небольшая интернациональная элита, всеми силами пытающаяся походить на победителей. При этом «настоящих» в национальном плане греко-македонцев в Леванте было мало, и даже такие деятели духовной культуры того времени, как Манефон и Бероз, были по происхождению египтянином и халдеем. Если малоазиатские греческие государства (Пергамское царство и полисы эгейского побережья) хотя бы имели какую-то непрерывную традицию, то Сирия, Персия и Египет оказались во власти разномастной номенклатуры греческих династий. В такой обстановке не мог не произойти синкретизм колоссальных масштабов.

Подавляющее же большинство новообразованных эллинистических государств оказалось вообще вне ареала греческой культуры: «Что же касается периферии покоренного Востока, хоры с ее небольшими деревенскими общинами, то она, численно во много раз преобладавшая, жила своей привычной жизнью с ее замедленными темпами и тягой к консервативной стабильности» [2, с. 340]. Иными словами, эллинистический Восток оказался разделен на два мира, один из которых жил для другого, ничего не получая взамен и не имея права голоса. Ведь греческие города и поселки-катэкии¹ не платили налогов, «эллины» (хоть даже и

---

¹ Катэкии (греч.) – поселения городского и полугородского типа в царстве Селевкидов, входившие в систему опорных пунктов власти на местах. Основным населением катэкии были воины-колонисты – катэки, наделявшиеся в катэкии земельными участками; в катэкии проживало и невоенное население. Во главе катэкии стояли два назначенных царем начальника: военный и гражданский. Жители катэкии находились в привилегированном положении по сравнению

туземного происхождения) не отбывали повинностей, но именно они управляли огромными и богатыми восточными монархиями. А огромное число коренного населения было вынуждено содержать их, оплачивать их причуды и сражаться за них во время междоусобных войн. При этом целью эллинистических династий Селевкидов и Птолемеев было лишь получение максимальной прибыли из своих царств, т.е. греческие правители не имели никакого грандиозного плана на будущее, которым можно было бы увлечь своих многонациональных подданных. Вот и получилось самое худшее из возможного: «наверху» общества интернациональная финансово-бюрократическая клика, а трудовые социальные низы оказались отсечены от власти культурным барьером. Даже языки властвующих и остальных подданных были разными: города говорили и писали по-гречески, а «хора» – на туземных языках. Построенные греческими завоевателями города с первых дней своего существования превратились в настоящие «плавильные котлы», в которых пересекались и причудливо перемешивались различные духовные традиции, которые далеко не всегда были совместимы между собой. Вот как характеризует религиозный климат Египта эллинистической эпохи британский историк Э. Бивен: «В папирусах упоминается культ сирийской богини и культ финикийского Адониса. Одна из надписей была сделана по заказу жреца, который посвящает святилище фригийскому Агдистису. В Фаюме III века до н.э. находится храм Митры, безусловно построенный персами. Кроме того, там отправлялся культ фракийского бога-всадника Герона, ставший наполовину египетским» [1, с. 141].

В эллинистической Сирии династия Селевкидов вообще игнорировала духовные запросы коренного населения, сделав Антиохию-на-Оронте и Селевкию-на-Тигре настоящими оазисами греческой культуры и противопоставив их остальной стране. Например, в пригороде Антиохии, Дафне, находилось огромное святилище Аполлона, которого только и почитали Селевкиды, отвергая любые туземные культы. В этой обстановке просто не могла сложиться новая культура или возобладать одна из старых. Такие творческие люди, как египтянин Манефон, были вынуждены излагать свои идеи в греческой форме и по интересным грекам вопросам, но сами они являлись носителями иного менталитета. Без преувеличения можно сказать, что Манефон уже не был егип-

---

с окрестным населением. Они обладали правами ограниченного самоуправления, но в меньшей степени, чем жители полиса.

тянином (даже носил чужестранное имя), но так и не стал настоящим греком, хотя и именовался «эллином».

Приход римлян ничего не изменил, потому что принцип имперского гражданства мало отличался от предшествовавшего ему принципа «эллинизации». Рим мог предложить особо деятельным и удачливым левантийцам участвовать в построении империи, воевать за нее и на равных делить плоды победы, но большинство туземного населения по-прежнему считалось людьми второго сорта. Правда, наученные веками жизни под греческим правлением, сирийцы и египтяне уже и не рассчитывали ни на какое понимание или солидарность и старались держаться подальше от любых государственных дел. Дошло до того, что римские императоры, несмотря на все свои попытки ввести в Сенат представителей восточных национальностей, смогли убедить стать сенатором всего только одного египтянина. Для сравнения уже в I в. н.э. едва ли не четверть сенаторов были кельтами по происхождению и римлянами по гражданству. Можно сказать, что римский Левант III–IV вв. – классический пример псевдоморфоза.

В то время как весь Ближний Восток испытывал небывалый прилив сил (настоящий зороастрийский ренессанс в Сасанидской Персии, движение анахоретов в Фиваидской пустыне и рост популярности христианства в Греции), большинство левантийских областей оказались буквально закованы в кандалы античной государственности периода упадка. Та же Антиохия управлялась римскими наместниками так же, как и в I в. до н.э., добровольцы, которых с каждым годом было все меньше, служили в легионах, а подавляющее большинство сирийцев либо инертно ждали неизвестно чего, либо примыкали к христианским общинам, которые были адекватным духовным ответом на политическое и социальное бесправие. Империя боролась с христианством и тем самым не позволяла сирийцам и египтянам вносить свой вклад в культурное развитие. Ярким примером проявления псевдоморфоза может послужить эксгумация императором Юлианом Отступником тела епископа Зосимы с территории храма Аполлона в Дафне под Антиохией. Этот символический акт отлично демонстрирует как старая, уже прошедшая свой путь до конца античная культура блокировала молодой творческий импульс Леванта.

Выше, говоря о факторах, необходимых для возникновения антисистемы, мы упомянули отрицательное мирозерцание и соседство двух и более развитых культур (суперэтносов). В положении псевдоморфоза, в котором оказались несколько поколений

сирийцев и египтян, мирозерцание могло быть только отрицательным, потому что ежеминутное ощущение себя человеком второго сорта не добавляет оптимизма никому. Все попытки вооруженных восстаний провалились, и объективно текущее положение дел должно было сохраниться навсегда. Какой бы император или узурпатор не правил в далеком Риме, в Сирии и дельте Нила всё для всех оставалось по-прежнему. Но при этом Левант был восточным краем империи и представлял собой грандиозные ворота, сквозь которые на запад стремились не только купцы, но и идеи. Персидское учение Заратуштры, индийский буддизм, еврейская каббала и халдейская астрология встречались в Александрии и Антиохии с философией стоиков и неоплатоников, формируя широкий корпус синкретических учений, получивших название «гностицизм». А поскольку мирозерцание местных интеллектуалов было отрицательным, то из всего богатейшего спектра идей они легче всего усваивали пессимистические учения эсхатологического и хилиастического характера. Самой известной синкретической доктриной римско-эллинистического Леванта стало манихейство, основанное пророком Мани во III в. н.э. в Месопотамии, прямо в точке соприкосновения римской и персидской культур (юридически границей между царством Сасанидов и Римской империи была река Евфрат).

Опираясь на работу отечественного исследователя Е.Б. Смагиной, мы изложим догматику манихейства для краткости по пунктам.

1. Мир всегда был дуальным. Свет и тьма не имеют общего источника и не могут найти компромисс. «Во вселенной извечно существуют два начала, или две силы, никак между собой не связанные и не имеющие ничего общего – свет и мрак» [8, с. 124].

2. Свет – это чистый дух, лишённый зла, но при этом не имеющий никакого материального воплощения. Все его творения величественны, прекрасны и бессмертны. Противоположность света – мрак, т.е. бездуховная, бесформенная материя. Свет спокоен и неподвижен, а мрак беспокоен и агрессивен. Силы мрака постоянно борются между собой и против света. Активное начало и персонификация мрака – материя (Мани именует ее Грех и Помысел Смерти).

3. Свет персонифицирован в верховное божество, именуемое Отец Величия или Бог Истины. Свет делится на 12 зонон. Эон – это понятие, позаимствованное из гностицизма, и оно плохо переводится на русский язык. Поэтому обратимся за разъяснением

к известному современному специалисту в данной области: «Манихейские эоны – небесные силы, принадлежащие свету и не соприкасавшиеся с миром смешения. Для обозначения подобных же единиц в темном либо смешанном мире употребляется слово “миры”» [8, с. 141]. Мрак включает в себя пять стихий (дым, огонь, ветер, воду и тьму) и два мира (сухое и влажное).

4. Между мраком и светом произошло столкновение. Обе стороны при помощи эманации создали свои воплощения в виде ангелов и демонов. Воплощениями Отца Величия являются также Великий Дух и Первый человек. В процессе этого противостояния в одной области мрак и свет перемешались, создав тем самым земной, материальный мир, в котором уживаются и дух, и материя. Мотивом, толкнувшим мрак к нападению на свет, является зависть.

5. Цель Отца Величия – вернуть тот свет, который смешался с материей. Для этого он создал Еву, чтобы она просветила Адама (эманацию первого человека). Но демоны, созданные материей (адаманты), тоже не бездействуют. Посланцы Отца Величия стараются уменьшить их влияние на людей, однако адаманты поступают точно так же. Каждый посланец Бога истины, именуемый «апостолом», создает свою церковь, которую люди по наущению демонов уничтожают. Как говорилось выше, к числу таких «апостолов» Мани причисляет Будду, Заратуштру, Платона, Моисея и, конечно же, себя.

6. Борьба за освобождения света, заключенного в материи, ведо́мая каждым верующим манихеем, заключается в запрете на нанесение вреда живым существам и при этом помощь им в уходе из земного мира. То есть манихей не должен никому ни в чем помогать, кроме как уйти из материальной жизни.

7. Манихейство признаёт переселение душ, занимавшее важное место в буддизме и философии Платона. По мнению Мани, человек, не избавившийся от греха, т.е. материальных влечений, будет рождаться снова и снова. Если после нескольких перерождений очищение не наступит, то душа признаётся потерянной и помещается в геенну огненную.

8. Количество света в мире постоянно дробится из-за того, что люди размножаются. Задача Отца Величия становится всё менее выполнимой. Поэтому размножение – грех. Чем скорее весь свет покинет материю, тем быстрее мрак будет побежден. Для этого одни люди должны умирать, а другие – не рождаться. И муж-

ское, и женское начала считаются в манихействе безусловным злом, ведь дух должен быть бесполом.

9. Когда света в мире останется совсем мало, то произойдет «последняя» война, в которой «грешники» на короткий срок возьмут верх над «праведниками». Под «грешниками» понимаются те люди, которые живут материальными интересами, следовательно, «праведники» – те, кто выбрал чистый дух. Дату начала «последней битвы» укажут звезды. «После этого Зов и Слух, образуя божественное двуединство – Помысел жизни, соберут весь оставшийся в мире свет и сделают из него Последнее изваяние (мессию. – *Авт.*), которое вознесется» [8, с. 129]. Таким образом, в манихейскую догматику входит и эсхатологическая война, в которой материя потерпит поражение. Ее нельзя уничтожить, но после изъятия утерянных частиц света она не будет иметь к людям никакого отношения. «Грешники» останутся в материи, а «праведники» вознесутся к отцу Величия, где из освободившегося света божество Великий Строитель уже создает новый эон.

Итак, из вышеперечисленного можно сделать вывод, что Мани соединил в синкретической системе разнородные фрагменты буддизма (переселение душ), гностицизма (неприятие наличного мира), иудаизма (учение об Адаме и Еве), христианства (конец света) и зороастризма («черно-белый» дуализм), а также античной философии (неоплатоническое учение об эманации).

Но какова же общая направленность манихейства? Думается, что Мани заставил компоненты всех указанных выше религиозно-философских начал вращаться вокруг доминанты его мировоззрения: отрицания мира. Ведь исходным пунктом манихейства является признание материи безусловным злом. Следовательно, мир, в котором есть хоть что-то материальное, уже в принципе не может быть хорошим. Пророк зовет не привести мир в порядок, оформив его или помогая в этом Творцу, а попросту указывает людям на дверь. По его мнению, в земном мире незачем бороться со злом или поддерживать добро, а единственный способ избежать худшего – завершить материальную жизнь. При этом убийство и самоубийство не являются выходом в силу догмата о переселении душ. Если человек просто умрет или будет убит, то страдания материального бытия для него не закончатся: наступит новое перерождение со всеми вытекающим из этого негативными последствиями. Поэтому, по мысли Мани, человеку ещё при жизни следует отвыкнуть от любых материальных устремлений, т.е. от самой жизни.

При этом все религиозно-философские доктрины, из которых синкретически «вылеплено» манихейство, отличаются позитивным и почти всегда активным отношением к реальности. Более того, почти все эти учения легли в основу жизнеутверждающих импульсов культурного развития. Например, существуют буддийская и христианская культуры. Но мирозерцание Мани и его учеников было отрицательным, и поэтому они заимствовали из изученных ими систем только самые негативные моменты¹. И везде, куда только не проникали манихеи, они сеяли разрушительное отношение к наличной реальности. Разумеется, их догматы не позволяли лично применять насилие, но последователи Мани быстро научились склонять к нему других. Более того, как и любая другая антисистема, манихейство представляло собой не только духовную, но и социальную общность, что позволило ему быстро обзавестись эзотерической структурой, низшие ступени которой далеко не всегда знали, во что верят их наставники. В результате, в то время как манихейские «епископы» говорили о ненасилии и пассивном отношении к миру, их менее осведомленные ученики активно сотрудничали с римской и персидской разведками, провоцировали восстания, блокировали распоряжения чиновников и т.д. Ведь Мани недвусмысленно сказал, что любая жизнь по сути своей есть зло. Поэтому манихеи полагали, что, уничтожая ближнего, они оказывают ему, ближнему же, услугу.

Правительства всех стран, где только возникали манихейские общины (т.е. от Рима до Китая), обоснованно преследовали их как разносчиков политической нестабильности. Манихеи отвечали похожими мерами, провоцируя социально-политические потрясения. Самым известным их выступлением было движение маздакитов в Персии (520-е годы), в ходе которого манихей Маздак Бамдад, при помощи мошенничества заняв пост визиря, устроил в стране тотальный передел имущества и даже замужних женщин считал вещами и поделил между всеми желающими. Его сторонники готовили расправу над всеми, кто не разделял учения манихеев, и только выдержка и отвага царевича Хосрова Ануширвана смогли

---

¹ Механизм формирования манихейства и его отношение к синкретически смешанным в нем системам подробно показаны в нашей работе: Сулимов С.И. Религиозно-философские основания манихейства / С.И. Сулимов, И.В. Черниговских // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 3 (29): В 2 ч. – Ч. II. – С. 189–194.

остановить, а затем и ликвидировать разгулявшиеся банды хилястов. Позднее манихеи участвовали в восстаниях хуррамитов, Сумбада Перса и Бабека Весёлого. Манихейская проповедь в Европе в IX в. косвенно повлияла на возникновение богомильской ереси, а в Китае вошла в состав доктрины сектантского движения «Белого Лотоса». В целом же расцвет манихейства пришелся на III–VI вв. н.э.

Возникновение и действие такой мощной антисистемы могло бы быть обусловлено одним, уникальным для истории фактором, который больше никогда не повторится: завоеваниями Александра Македонского. К сожалению, как мы указывали в начале работы, для Леванта географическое положение является во многом определяющим. И следующий же за римско-эллинистическим культурный и политический поток вновь наполнил «ветхие мехи» и снова заковал сирийцев и египтян в псевдоморфозу. Речь идет об арабском завоевании VII–VIII вв. Кочевые арабские племена, воспринимаемые соседями не иначе как дикари и разбойники, в течение нескольких десятилетий буквально перетряхнули Левант, Месопотамию и Северную Африку. Последствия эллинистической и имперской эпох были ликвидированы ими раз и навсегда. В 638 г. Иерусалим и вся Палестина были захвачены арабами под руководством халифа Омара; за три года до этого арабский полководец Халид ибн Валид по прозвищу «Меч Аллаха» взял штурмом Дамаск и тем самым овладел Сирией; в 641 г. войском Амра ибн аль-Аса был захвачен Египет. Еще раньше, в 635 г. была выведена из игры Персия, что открыло мусульманам путь в Среднюю Азию и Индию. В 762 г. арабами был основан Багдад, который и стал столицей их необозримого государства. Все прежние противоречия, терзавшие Восточное Средиземноморье с первых веков н.э., потеряли актуальность. В этот момент казалось, что начавшаяся в 622 г. хиджра действительно станет новой эпохой, а объединенные мусульманскими завоевателями земли сольются в новом, едином этносе.

Однако единство не только не наступило, но, более того, новообразованный халифат моментально раскололся на множество родовых, земляческих и религиозных группировок. Алиды, Омейяды и Аббасиды вступили в борьбу друг с другом. Везде, где только было возможно, заявили о себе сепаратистские тенденции, а на фоне политической борьбы всех против всех возникло множество сектантских течений, размывавших ислам еще сильнее, чем некогда ереси размывали христианство. При всей непримиримости

учения Пророка Мухаммеда к иным религиям и традициям, ислам халифата оказался буквально нашпигован ими. Ситуация осложнялась тем, что исламская доктрина еще не имела под собой богословской глубины, и единства ей по этой причине не хватало.

Современный арабский историк Ф. Дафтари пишет о раннем исламе: «Однако возникшее во времена Пророка единое мусульманское сообщество (*умма*. – Курсив автора) вскоре распалось на многочисленные соперничающие общины и группировки, поскольку мусульмане не смогли выработать единую точку зрения по ряду фундаментальных проблем» [4, с. 34]. Ведь Коран не записывался после смерти Пророка несколько веков. Поэтому каждый проповедник и даже светский лидер мог выдавать за исламскую доктрину свои собственные домыслы.

Также не стоит забывать о той двери, которую распахнул ислам для различных доисламских верований и философских систем, пытаясь всеми силами отгородиться от них. Дело в том, что мусульманские завоеватели в захваченных землях вводили специальный налог для иноверцев, что подвигло огромные массы людей притвориться мусульманами для того, чтобы сберечь свои деньги. Христиане предпочитали эмигрировать в оттесненную, но далеко не побежденную Восточную Римскую империю, иудеи вскладчину выплачивали «религиозный» налог, а вот персы оказались в более незавидном положении. В кратчайший срок государство Сасанидов было уничтожено арабами, в битве при Кадиссии в 635 г. войско последнего шаха Йездигерда III потерпело от Халида «Меча Аллаха» такое поражение, что ни о каком сопротивлении больше не могло быть и речи. Многомиллионный персидский народ оказался перед выбором: превратиться в зависимых людей, наблюдать, как их высокоразвитая страна превращается в периферию халифата, или же войти в новое движение на равных правах, сменив пламенную приверженность зороастризму на такое же рвение под знаменем ислама. Поскольку персидская культура, в особенности литература, во много раз превосходила арабскую, то халифы и их приближенные были бы только рады духовной интеграции персов в халифат. И вскоре улицы Багдада наполнились персидскими прозелитами, в особенности выходцами из чиновно-бюрократической среды, поскольку своей чиновничьей прослойки арабы пока не имели.

В конце VIII в. принявший ислам иранский князь Бармак настолько возвысился, что стал фаворитом халифа. Его сыновья и племянники, составив группировку Бармакидов, заправляли всеми

делами при дворе халифа Харуна аль-Рашида, занимая министерские посты. Исследовавший эту эпоху А. Джилман характеризует ее так: «Царствование этого монарха (Харуна аль-Рашида. – *Авт.*), поднявшего величие халифата на доселе небывалую высоту, можно разделить на два периода. Во время первого суверен, сам не избегавший удовольствий и роскоши, позволил своим министрам, сыновьям Бармака, вести повсеместно локальные войны с целью завоевания или подавления бунта» [5, с. 280]. Один из Бармакидов был даже женат на сестре халифа. Лишь поверхностно принявшие ислам персы принесли с собой литературное наследие, проникнутое дуализмом зороастризма, и, конечно же, манихейские идеи. Поэтому второй период отношений с ними халифа ознаменовался арестами Бармакидов и смещением их с государственных должностей, чего в полной мере сделать не удалось.

Ситуацию осложнял не только наплыв поверхностно исламизированных персов, но тесное переплетение политических и сектантских группировок среди самих арабских вождей. Например, достаточно было одному из полководцев не признать правящего халифа и заявить о поддержке наследника престола, как он мог говорить о новой ветви ислама. Так возникли сначала шииты, а потом и исмаилиты, сыгравшие в истории исламского Леванта роль даже более страшную, чем некогда манихеи. В X–XI вв. это маргинальное сектантское движение разделилось на три направления, каждое из которых оказывалось враждебным для самих же мусульман. Если кратко охарактеризовать исмаилитскую доктрину, то получится эзотерический ислам с многочисленными отсылками к манихейству и иудаизму. Так, Махди, последний «имам», должен прийти в мир по астрологическому прогнозу, уничтожить ислам и иные религии и облагодетельствовать своих адептов. Ислам, с точки зрения сектантов, представлял собой переходный этап от христианства к царству Махди. А пока Мессия не пришел, вся полнота власти принадлежит старшинам исмаилитских общин. Всё, что служит приближению царства Махди, дозволено, хотя бы даже и противоречит догматам ислама. Подобно манихеям, исмаилитские общины имели эзотерическую структуру, что позволяло им учить представителей низших степеней не своей догматике, а тому, что старшины (имамы, даи) считали выгодным в данный момент.

Исмаилиты-хилиасты, получившие название карматов, руководствуясь астрологическим прогнозом, в 930 г. напали на исламские святыни в Аравии, сожгли Мекку и осквернили Чёрный

Камень Каабы. Их лидеры, Хамдан Кармат, Абу Саид Джаннаби и Абу Тахир, прямо говорили, что ждут скорого прихода Махди, т.е. Мессии, и это позволяет предположить, что вдохновение исмаилитских радикалов было почерпнуто ими в манихейских и иудейских источниках. Более того, помощником Хамдана Кармата был персидский интеллектуал Габрэ, открыто говоривший, что ислам подлежит немедленному уничтожению. Другой сектантский вождь, Абу Тахир, разбив на куски Чёрный Камень, публично признал своим идейным вдохновителем Маздака Бамдада.

Не успели войска халифа подавить это варварское выступление, как Египет оказался захвачен другой ветвью исмаилитов – Фатимидами, которые базировали свою легитимность на мнимом родстве с Фатимой, дочерью Пророка. Они отбили попытки халифа вернуть провинцию и после этого организовали в Египте государство «двух народов»: в привилегированную категорию входили члены исмаилитских общин, а остальное, туземное население влачило нищенское существование, обеспечивая их безбедную жизнь и деятельность секты. Фатимиды основали новую столицу Египта, город Аль-Кахира (ныне Каир), в который был запрещен даже вход людям, не принадлежавшим к их организации. Агентурная сеть секты протянулась от портов Красного моря до Гуджарата и даже Китая. Цель всей этой разведывательной работы была лишь одна: подготовить мир к пришествию Махди.

Один из самопровозглашенных каирских халифов, Аль Хаким, в конце XI в. решил, что такой момент настал. Он обожествил самого себя и приказал разрушить все, находящиеся в зоне досягаемости, исламские и христианские святыни. Дескать, в новом мире религия уже не нужна. Однако если мусульман трудно было удивить чем-то после осквернения Каабы, то разрушение храма Гроба Господня в Иерусалиме косвенно спровоцировало Крестовые походы. Западное вторжение кардинально изменило расстановку сил на Ближнем Востоке, предопределив скорое изгнание Фатимидов из Египта их же собственными гвардейцами-мамлюками (1171 г. – открытый захват власти в Каире военной хунтой). Нанятые для противодействия непосвященному в планы секты египетскому населению, мамлюки, к счастью, быстро поняли, что никакого пришествия Махди не будет, а спровоцированное фанатизмом Аль Хакима вторжение крестоносцев не может быть остановлено антисистемной сектой эсхатологического толка.

Третьим, самым легендарным направлением исмаилитов стали низариты, вошедшие в историю и массовую культуру под

вульгарным названием «ассасинов» (игра слов: итальянское «ассасин» – «убийца», арабское «хашашин» – «наркоман»). В конце XI в. они под предводительством Хасана ас-Саббаха овладели несколькими горными крепостями в Месопотамии, Западной Персии и Восточной Сирии (как раз там, где некогда зародилось манихейство).

Но ас-Саббах был более дальновидным, чем его предшественники Хамдан Кармата и Аль Хаким. Вместо того чтобы развязывать очередную эсхатологическую войну под традиционным антисистемным лозунгом «непосвященные вне закона», он создал разветвленную террористическую сеть. Его наследники почти 200 лет делали деньги, играя на противоречиях между государствами крестоносцев и мусульманскими эмирами, организовывая заказные убийства и занимаясь наркоторговлей. Дружба низаритов с рыцарями-тамплиерами стала легендарной, а под кинжалами их убийц погибли как персидский визирь Низам аль-Мульк, так и маркиз Триполи Конрад Монферратский. Именно низариты впервые в истории применили вербовку и подготовку убийц-смертников, именуемых в их структуре «фидаями» («одноразовыми»). Из многочисленных свидетельств современников и историков известно, что молодых людей обкуривали гашишем, окружали девушками легкого поведения, а затем уверяли, что парень побывал в раю. И если только он выполнит приказ лидера сектантов, то сможет вернуться в рай навсегда. Поэтому «фидайи» совершали покушения даже при стопроцентной вероятности собственной гибели.

К счастью, в конце XII в. главарь низаритов Хасан II всё-таки начал эсхатологическую войну, что заставило монголов нойона Кит-буги и рыцарей князя Боэмунда Антиохийского заняться сектой всерьез. Ко второй половине XIII в. все крепости исмаилитов были захвачены, главы казнены, а адепты рассеяны.

Возникает закономерный вопрос: почему распространение ислама вызвало возникновение антисистемы именно в Леванте, а не, скажем, в Гуджарате, Синде или Аравии? Ответ такой же, как и для III в. н.э.: открытость Сирии и Египта для культурных веяний любых направлений и псевдоморфоза, препятствующая развитию собственной культуры, иммуноустойчивой к посторонним вкраплениям. Негативное мирозерцание же ничуть не изменилось с дней Мани: какая разница, быть подданными римского принцепса, византийского василевса, персидского шаха или

багдадского халифа, если во всех этих случаях приходится быть бесправным?

Ислам оказался космополитическим только на словах, потому что арабские полководцы вовсе не стремились уравнивать завоеванных сирийцев и египтян в правах со своими воинами. Поэтому нет ничего удивительного в том, что левантийцы не только терпели исмаилитов на своих землях, но даже помогали им, если это позволяло хоть как-то досадить мусульманским завоевателям или получить что-либо для себя. Похожую роль сыграли в исмаилитском движении персы, мусульмане на словах – зороастрийцы на деле, использовавшие свой бюрократический и философский опыт для занятия чиновных должностей и повергания халифата в хаос. Это не значит, что тот же Бармак намеренно вредил своим арабским хозяевам, но он пытался решать арабские проблемы персидскими методами, что просто не могло привести к положительным результатам. А сирийцы и египтяне просто смотрели на всё это и пожимали плечами: происходит очередная смена господ, а для них всё останется по-прежнему.

Читатель может решить, что если манихейская и исмаилитская антисистемы относятся к далекому прошлому, то значит в наши дни такое исследование не актуально. Увы, это не так. Левант остался на том же месте, где находился и тысячу лет назад, только роль Великого шёлкового пути теперь играет торговля нефтью. И в конце XIX – начале XX в. в этих краях появились новые завоеватели, не стремящиеся отобрать землю или независимость, но буквально навязывающие свои политические и экономические формы жизни всему миру. Речь идет, конечно же, об английских и французских колонизаторах, которые, пользуясь слабостью Османской империи, сначала проникли в Египет, затем колонизировали Кипр, а после Первой мировой войны поделили между собой Сирию, Ливан и Палестину.

И снова псевдоморфоз сыграл с левантийцами злую шутку: будучи очарованными европейской техникой и западным правом, они незаметно для себя углубили это состояние. Вот что пишет об этом современный американский эксперт Ф. Закария: «Эпоха колониализма конца XIX – начала XX в. породила надежды на дружбу с Великобританией. Они оказались разбиты, но всё же арабские элиты оставались под большим впечатлением от Запада. Будущие короли и генералы учились в колледже Виктории в Александрии, усваивая речь и манеры британских джентльменов. Многие затем отправлялись в Оксфорд, Кембридж и Сэндхерст» [6, с. 140].

И снова вместо того, чтобы создать собственные культурные формы, жители Леванта предпочли заимствовать чужой культурный опыт, нимало не интересуясь, насколько он подходит к их жизни. Конечно же, европейские державы поощряли и поощряют это, так же как некогда греки поощряли распространение в Леванте своего языка, а мусульмане не взимали «религиозного» налога с тех, кто принял их веру.

В результате власть в Сирии и Египте оказалась в руках долгосрочных президентов с европейским и советским образованием, которые неплохо поддерживали в регионе стабильность, но совершенно не представляли, что делать дальше. Некогда этими краями точно так же управляли полководцы Александра Македонского, а потом и мусульманские эмиры.

Капиталистически или социалистически настроенный пожизненный президент, проводивший молодость за границей, так же чужд сирийцам или египтянам, как некогда греко-македонский стратег, рядящийся в фараона или персидского шаха. И современные волнения в Сирии или «арабская весна» в Египте носят тот же характер, что носили антиэллинистические выступления египтян или поддержка, оказываемая сирийцами исмаилитам.

Самым печальным фактом является то, что в Леванте из-за тысячелетнего господства псевдоморфоза не сложились собственные, оригинальные культурные формы, в которых могла бы протекать политическая, экономическая и духовная жизнь. Местное население просто не имеет идей, которые можно было бы противопоставить европейским, особенно в наши дни, когда для культурного диалога вовсе необязательно путешествовать, а достаточно только посещать Интернет.

Думается, единственный способ оказать помощь жителям Леванта — это оставить их в покое и оградить от посторонних культурных веяний, чтобы они могли определиться со своей культурной идентичностью сами.

Литература

1. Бивен Э. Династия Птолемея. История Египта в эпоху эллинизма / Э. Бивен. — М.: Центрполиграф, 2011. — 447 с.
2. Васильев Л.С. Всеобщая история: В 6 т. / Л.С. Васильев. — М.: Высш. шк., 2007. — Т. 1. Древний Восток и античность. — 478 с.
3. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилёв. — М.: АСТ, 2004. — 556 с.

4. Дафтари Ф. Краткая история исмаилизма. Традиции мусульманской общины / Ф. Дафтари. – М.: Ладомир, 2004. – 273 с.
5. Джилман А. Сарацины: От древнейших времен до падения Багдада / А. Джилман. – М.: Вече, 2007. – 352 с.
6. Закария Ф. Будущее свободы: Нелиберальная демократия в США и за их пределами / Ф. Закария. – М.: Ладомир, 2004. – 383 с.
7. Москати С. Древние семитские цивилизации / С. Москати. – М.: Центрполиграф, 2012. – 255 с.
8. Смагина Е.Б. Манихейство / Е.Б. Смагина. – М.: Восточная литература, 2011. – 519 с.
9. Сулимов С.И. Религиозно-философские основания манихейства / С.И. Сулимов, И.В. Черниговских // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 3 (29): В 2 ч. – Ч. II. – С. 189–194.
10. Шпенглер О. Закат Европы: В 2 т. / О. Шпенглер. Т. 2. – Минск: Поппури, 2009. – 704 с.

*Статья предоставлена авторами для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир».*

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2015 – 5 (275)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Компьютерная верстка
Н.М. Власова, Е.Е. Мамаева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 14/V-2015 г. Формат 60х84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 10,5 Уч.-изд. л. 9,9
Тираж 300 экз. Заказ № 43

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел. Факс (499) 120-4514
E-mail: inion@bk.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9